

Библиотека „СВѢТОЧА“

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ С. А. Венгерова.

№ 91.

С. А. Венгеровъ.

ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ
ИСТОРИИ
НОВѢЙШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

2-е изданіе.

СЪ ПРИБАВЛЕНІЕМЪ ЭТЮДА

„ПОБѢДИТЕЛИ ИЛИ ПОБѢЖДЕННЫЕ?“

(О модернизмъ).

Цена 40 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, 39.
1909.

Труды С. А. Венгерова.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Критико-біографическій этюдъ. СПб. 1875—77. Ц. 2 р. (*Распродано*).

Алексѣй Феофиловичъ Писемскій. Критико-біографическій этюдъ. СПб. 1884. Ц. 1 р. (*Распродано*).

Рудольфъ Гнейстъ. Исторія государственныхъ учреждений Англии (*Englische Verfassungs-Geschichte*). Пер. съ нѣм. подъ ред. С. А. Венгерова. М. 1885. Ц. 4 р. 50 к.

Русская Поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ, частью въ полномъ составѣ, частью въ извлеченіяхъ. Съ критико-біографическими статьями, бібліографич. примѣч. и портретами. Т. I (вып. 1—6). XVIII вѣкъ. СПб. 1897. Съ 23 портр. Ц. 8 р. Выпускъ VII. Ц. 1 р.

Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. Редакція С. А. Венгерова. Изданіе Г. В. Юдина. СПб. 1896—1898. Вышло 3 тома (А—Вавиловъ). Ц. кажд. тома 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Основные черты исторіи новѣйшей русской литературы. Изд. 2-е. Съ прибавленіемъ этюда: „Побѣдители или побѣжденные?“ (О модернизмѣ). („Библ. Свѣточа“, № 91). СПб. 1908. Ц. 40 к.—Нѣмецкій переводъ 1-го изданія: Grundzüge der neuen russischen Litteratur. Uebertragen von Traugott Pech. Berlin. 1899. Stuhrsche Buchhandlung.

Источники словаря русскихъ писателей (Ааронъ—Гоголь). Собралъ С. А. Венгеровъ. СПб. 1900. Изд. Императорской Академіи Наукъ. Ц. 2 р. 50 к.

Собраніе сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей. Подъ ред. С. А. Венгерова. Роскошное изданіе, съ историко-литературными комментаріями, эстампами и рисунками въ текстѣ. (Библіотека великихъ писателей, изд. Брокгаузъ-Ефрона). СПб. 1901—1902. 4 тома. Ц. за 4 тома 20 р., въ перепл. 24 р.

Полное собраніе сочиненій Шенспира въ переводѣ русскихъ писателей. Подъ ред. С. А. Венгерова. Роскошное изданіе съ историко-литературными предисловіями къ каждой пьесѣ, примѣчаніями, эстампами и рисунками въ текстѣ. (Библіотека великихъ писателей, изд. Брокгаузъ-Ефрона). СПб. 1902—1904. 5 томовъ. Ц. за 5 том. 25 р., въ 5 перепл. 30 р.

Полное собраніе сочиненій Байрона въ переводѣ русскихъ писателей. Подъ редакціей С. А. Венгерова. Роскошное изданіе, съ историко-литературными предисловіями, примѣчаніями, эстампами и рисунками въ текстѣ. (Библіотека великихъ писателей, изд. Брокгаузъ-Ефрона). СПб. 1904—1906. 3 тома. Ц. за 3 тома 15 р., въ 3 переплетахъ 18 р.

Главные дѣятели освобожденія крестьянъ. (Премія къ „Вѣстнику и Библіотекѣ Самообразованія“ на 1903 г.). Подъ редакціей С. А. Венгерова. СПб. 1903 г. Изд. Брокгаузъ-Ефрона. Ц. 2 р.

Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Историко-литературный сборникъ. Вышло 6 томовъ. (СПб. 1886—1904. Ц. 1 т. 5 р. 25 к., (*Отдѣльно не продается*) Ц. т. 2 р. 25 к. остальные по 2 р. 50 к.

Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго въ 12 томахъ. Подъ редакціей и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Вышло 8 томовъ. Ц. каждаго тома до 1 декабря 1908 г. 1 р. 25 к.

Эпоха Бѣлинскаго. Общій очеркъ. Публичная лекція („Библіотека Свѣточа“, № 3). СПб. 1905. Ц. 20 к.

В. Г. Бѣлинскій. Письмо къ Гоголю. Съ предисловіемъ С. А. Венгерова. (Библіотека „Свѣточа“, № 2). СПб. 1905. Ц. 10 к.

Очерки по исторіи русской литературы. 2-е изданіе безъ перемѣнъ. СПб. 1907. Ц. 2 р. 50 к.

Библиотека „СВѢТОЧА“

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ С. А. Венгерова.

№ 91.

С. А. Венгеровъ.

*Александръ Алек-
сандровичу*

ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ

Глобу

ИСТОРИИ

НОВѢЙШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

*Съ искреннѣйшимъ
привѣтствіемъ
автору*

2-е изданіе.

СЪ ПРИБАВЛЕНІЕМЪ ЭТЮДА

„ПОБѢДИТЕЛИ ИЛИ ПОБѢЖДЕННЫЕ?“

(О модернизмѣ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъячская, 39.

1909.

120897

Настоящая брошюра представляет собою вступительную лекцію, прочитанную въ С.-Петербургскомъ университетѣ, 24 сентября 1897 г. Она была напечатана въ „Вѣстникѣ Европы“ 1898 г. и затѣмъ вышла отдѣльно въ 1899 г.

Выпуская теперь новое изданіе своей брошюры, я не счелъ себя въ правѣ измѣнять самый текстъ лекціи, но я полагалъ нелишнимъ прибавить небольшое послѣсловіе, въ которомъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, касаюсь литературнаго движенія послѣднихъ лѣтъ.

С. В.

I.

На нашихъ глазахъ происходило чудесное превращеніе, глубоко умилительное для нашего національнаго самолюбія. Русская литература, которой еще такъ недавно въ западно-европейскихъ руководствахъ отводилось четыре-пять страницъ,—столько же, сколько литературѣ румынской и новогреческой,—вдругъ стала возбуждать въ Европѣ удивленіе, близкое къ энтузіазму. Хотя Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь и Грибоѣдовъ уже давно переведены почти на всѣ европейскіе языки, но какъ-то они мало трогали публику и цѣнителей. Прелесть Пушкинскаго и Лермонтовскаго стиха пропала въ передачѣ, а содержаніе казалось европейскимъ критикамъ подражаніемъ Байрону. Оцѣнить же глубоко-національныя стороны русскаго байронизма, понять, насколько въ Онѣгинѣ, на примѣръ, гениально воспроизведены чисто-русскія явленія и теченія, европейская критика, при своемъ полномъ незнакомствѣ съ русской жизнью, конечно, не могла. Еще менѣе могло быть понято ею значеніе Гоголя и Грибоѣдова, съ ихъ воспроизведеніемъ явленій, кажущихся каждому европейцу какою-то грубою и неправдоподобною карикатурою.

Зато и публика и критика Западной Европы въ совершенствѣ поняли и оцѣнили гордость и красу русскаго слова второй половины XIX вѣка—Тургенева. Поразительно, однако, что при всей

восторженной внимательности, съ которою Тургеневъ былъ оцѣненъ и изученъ въ Европѣ, это было признаніе чисто-индивидуальное, къ одному Тургеневу относившееся. Никому изъ прозорливѣйшихъ европейскихъ критиковъ не приходило на умъ, что такія снѣговыя вершины литературнаго творчества, какъ авторъ „Записокъ Охотника“ и „Дворянскаго Гнѣзда“, немислимы на плоской поверхности. Онѣ неизбежно должны быть въ связи съ цѣлою горною цѣпью, съ цѣлымъ рядомъ такихъ же горъ. Слѣдовательно, повѣсти и романы Тургенева должны были вырасти на глубоко-замѣчательной литературной почвѣ. И только появленіе въ переводѣ „Войны и Мира“, „Анны Карениной“, „Преступленія и Наказанія“, „Обломова“ и другихъ русскихъ романовъ подчеркнуло это основное положеніе исторіи литературы. Европейская критика была глубоко удивлена, увидѣвши, что Тургеневъ, котораго она считала лучшимъ прозаикомъ второй половины вѣка, имѣетъ литературныхъ товарищей, не только не уступающихъ ему въ значеніи, но—въ лицѣ Толстого и Достоевскаго—стоящихъ выше его по глубинѣ захвата. Такое открытіе не могло пройти безслѣдно, и мы, дѣйствительно, видимъ, что въ Европѣ теперь говорятъ уже не объ отдѣльныхъ русскихъ писателяхъ, а о русской *литературѣ*. Сочиненія Толстого расходятся въ международной книжной торговлѣ въ такомъ количествѣ изданій, къ каждому слову великаго русскаго писателя прислушиваются съ такимъ безконечнымъ вниманіемъ, что, въ концѣ концовъ, можно даже задуматься надъ тѣмъ, гдѣ онъ болѣе знаменитъ и любимъ—у себя дома или за границей. Достоевскій произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе и много уже можно указать литера-

турныхъ произведеній, въ томъ числѣ такихъ крупныхъ талантовъ, какъ Гауптманъ, Бурже, Д'Анунцио, гдѣ вліяніе великаго патологическаго генія сказалось ярко и наглядно. Но не только великіе представители русскаго слова вліяютъ теперь на европейское творчество — европейскій литературный міръ прислушивается и къ голосу цѣлага ряда второстепенныхъ русскихъ писателей. Въ общемъ, такъ называемое „русское вліяніе“ стало виднымъ явленіемъ европейской литературной жизни, что и повело къ знаменательнѣйшему результату: русской литературѣ отводится мѣсто рядомъ съ литературой англійской, французской и нѣмецкой. Это почетное уравненіе нашей молодой письменности съ литературой главенствующихъ народовъ цивилизованнаго міра, заматерѣлыхъ въ культурной жизни, не покажется, конечно, превеличеніемъ всякому, кто хоть нѣсколько размышлялъ надъ первокласснымъ матеріаломъ, даваемымъ новою и новѣйшею русскою литературой. Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Гоголь, Бѣлинскій и вся плеяда такъ называемыхъ писателей 40-хъ годовъ — развѣ имъ не должно быть отведено мѣсто въ первыхъ рядахъ человѣчества?

Но, собственно говоря, слѣдуетъ прійти къ еще болѣе разительнымъ выводамъ. Если брать для сравненія только новѣйшую литературу, *второй половины XIX столѣтія*, то простой перечень ея корифеевъ покажетъ, что мѣсто ея нѣсколько иное. Неужели произведенія Толстого, Тургенева и Достоевскаго стоятъ только *рядомъ* съ англійской и американскою литературой второй половины вѣка, кульминаціонными точками которой являются романы Джоржъ Эліотъ, Бичеръ-Стоу, рассказы Бреть-Гарта, туманная поэзія Броунинга и Вальта

Витмана? Только ли рядомъ слѣдуетъ ее помѣстить и съ тою нѣмецкою литературою послѣднихъ 50 лѣтъ, во главѣ которой стоятъ Ауэрбахъ, Фрейтагъ, Шпильгагенъ и Поль Гейзе? Наконецъ, не совсѣмъ рядомъ ей мѣсто даже съ французскою литературою послѣдняго полувѣка, хотя она блистаетъ такими сильными талантами, какъ Дюма-сынъ, Флоберъ, Зола и Гюи-де-Мопассанъ. Нѣтъ, безъ всякаго національнаго бахвальства можно сказать, что по индивидуальному генію своихъ высшихъ проявленій, а главное по основнымъ теченіямъ своимъ, русская литература новѣйшаго времени стоитъ безусловно выше новѣйшей западно-европейской литературы, кульминаціонный пунктъ которой—не во второй, а въ *первой половинѣ* вѣка, въ творчествѣ Гете, Шиллера, Гейне, Байрона, Бальзака, Гюго, Жоржъ-Занда, Диккенса. Развѣ то, что такъ недавно въ Европѣ являлось послѣднимъ словомъ художественнаго прогресса—реализмъ, не господствуетъ у насъ около семидесяти лѣтъ? И при томъ, какой же человѣкъ съ развитымъ эстетическимъ пониманіемъ не чувствуетъ, насколько мельче многопрославленный европейскій реализмъ 70-хъ и 80-хъ гг., такъ близко граничащій съ порнографіей и отсутствіемъ идеаловъ, въ сравненіи съ реализмомъ русскихъ писателей? У русскихъ писателей жизненность изображенія въ самомъ дѣлѣ доведена до полного воспроизведенія дѣйствительности, и это до послѣднихъ предѣловъ реальное воспроизведеніе все-таки озарено свѣтомъ идеала и полно такой любви къ человѣку, о которой и помину нѣтъ даже у крупнѣйшихъ европейскихъ реалистовъ. Тѣ въ своемъ анализѣ жизни дошли до предѣла, гдѣ трезвость и правда изображенія переходятъ въ невольный апоѳеозъ

грубѣйшихъ инстинктовъ животной природы человека. И несомнѣнно, что именно въ этомъ различіи русскаго и европейскаго реализма и лежитъ тайна огромнаго успѣха новѣйшихъ русскихъ писателей въ публикѣ и критикѣ Западной Европы. Всѣ чувствуютъ, что въ застоявшійся и подернувшійся мутью потокъ европейской литературы вливается какая-то свѣжая струя, полная своеобразныхъ красокъ, составляющихъ не продуктъ гніенія и разложенія, а результатъ органической работы непочатыхъ и не истощенныхъ еще молодыхъ силъ. Вчерашніе варвары говорятъ какое-то новое слово, которому суждено и отчасти уже пришлось оказать глубокое вліяніе на блѣдное творчество послѣдняго періода европейской литературы. Оказать въ силу того, что въ этомъ новомъ словѣ, въ этомъ одухотворенномъ реализмѣ говоритъ не тоска пресыщенія и немощь старческаго истощенія, а юношески-страстный порывъ къ свѣту и правдѣ.

II.

Какъ относится высокое развитіе русской литературы къ формамъ русской общественной жизни? Литература есть отраженіе жизни,—гласитъ историческая наука. У великаго народа всегда бываетъ великая литература и наоборотъ: великая литература есть продуктъ духовнаго существа великаго народа. У великаго народа, казалось бы, должны быть соотвѣтствующія формы общественной жизни.

Таковы теоретическія построенія. Такъ ли оно, однако же, на практикѣ? Нужно ли много распространяться о томъ, что русская общественная жизнь находится еще въ совершенно младенче-

скомъ состояніи? Я, конечно, всего менѣе намѣренъ отрицать, что русская общественная жизнь представляетъ собою великую потенцію. Можетъ быть, величайшую изъ всѣхъ потенцій, вложенныхъ въ русскій національный гений, предназначенную удивить міръ своеобразіемъ своихъ общественныхъ построеній. Но теперь я говорю о настоящемъ и недавнемъ прошломъ, о той странной гражданственности, которая началась прямо съ учрежденія Академіи Наукъ и, продолжая развиваться въ томъ же направленіи, привела къ тому, что мы стоимъ теперь во главѣ европейскихъ народовъ по своей литературѣ и въ хвостѣ по народному образованію. Общественность же создается только участіемъ въ духовной жизни страны среднихъ и низшихъ классовъ. И вотъ почему въ настоящемъ своемъ видѣ наша общественная жизнь слишкомъ блѣдна и незначительна, чтобы выдержать сравненіе съ кипучимъ потокомъ общественной жизни западно европейской.

Кромѣ литературы есть другія проявленія интеллектуальной жизни: наука, техника, живопись, скульптура, музыка. Въ какомъ соотношеніи находятся онѣ съ высокимъ развитіемъ русской литературы?

Безспорно, успѣхи наши въ этомъ направленіи очень велики. И русское искусство, и русская наука выдвинули не одно славное въ Европѣ имя. Въ общемъ, однако, нельзя не признать, что на поприщѣ науки, пластическаго и тональнаго искусства, Россія не достигла еще той стадіи, при которой могла бы вполне стать на одну доску съ наукой и искусствомъ Западной Европы. А тѣмъ болѣе претендовать на первенство. Достаточно привести въ подтвержденіе, что всякій ученый,

техникъ, художникъ и музыкантъ отправляется для „усовершенствованія“ за границу. Во всякомъ случаѣ „о русскомъ вліяніи“ въ наукѣ и искусствѣ Западной Европы пока еще никакой рѣчи не можетъ быть.

И вотъ, если сопоставить фактъ необыкновенно высокаго развитія русской литературы съ тѣмъ, что наука и искусства относительно не такъ высоко стоятъ въ Россіи, а общественная жизнь находится въ младенческомъ состояніи, то мы приходимъ къ выводу, что новѣйшая русская литература не только замѣчательное само по себѣ явленіе, но что она *самое замѣчательное* явленіе русскаго духа. Вся совокупность стихійныхъ и историческихъ условій, которая создала широкой размахъ русскаго душевнаго склада, ярче всего выразилась въ литературѣ. Въ силу своеобразнаго положенія русской интеллигенціи, вслѣдствіе малой культурности окружающей среды, принужденной замыкаться исключительно въ сферѣ интеллектуальныхъ интересовъ, — въ силу этого разлада русская литература есть центральное проявленіе русскаго духа, фокусъ, въ которомъ сошлись лучшія качества русскаго ума и сердца. Нигдѣ она не является такимъ *исключительнымъ* проявленіемъ національнаго генія, какъ у насъ. Въ жизни другихъ народовъ литература есть только частный случай общаго культурнаго состоянія страны, частное проявленіе духовныхъ силъ, которыя болѣе или менѣе равномерно распредѣлены по всеѣмъ отраслямъ національной жизни. У насъ этого соответствія нѣтъ, литература могущественно развивается у насъ по своимъ особымъ внутреннимъ законамъ, при полной дремотѣ общественныхъ силъ и общественной инициативы. Было бы, ко-

нечно, смѣшно думать, что русскій національный гений имѣеть какое-то особое предрасположеніе къ художественному творчеству и только въ немъ одномъ можетъ проявиться. Дѣло исключительно въ условіяхъ мало культурной среды, которая одна и есть причина того, что новѣйшая русская литература стала центральнымъ проявленіемъ всѣхъ силъ русскаго духа, при другомъ уровнѣ общественной жизни нашедшихъ бы себѣ не столь исключительное примѣненіе.

III.

Такое центральное положеніе русской литературы не могло не сообщить ей особенностей, рѣзко отличающихъ ее отъ литературы другихъ европейскихъ народовъ. Главная изъ нихъ та, что *наша литература никогда не замыкалась въ сферѣ чисто - художественныхъ интересовъ и всегда была каведрой, съ которой раздавалось учительное слово.* Всѣ крупные дѣятели нашей литературы въ той или другой формѣ отзывались на потребности времени и были художниками - проповѣдниками.

Эта знаменательнѣйшая черта съ особенной яркостью обрисовалась въ послѣднія 60 лѣтъ, но начатки ея идутъ очень далеко.

Русская литература начинается съ Кантемира. И чѣмъ же былъ этотъ первый лепетъ нашего художественнаго творчества, еще не нашедшаго себѣ даже соотвѣтственнаго литературнаго выраженія, еще пользовавшагося антихудожественною формою преняго монашескаго періода русскаго просвѣщенія — силлабическими виршами? Воспитанника древнихъ классиковъ, имѣвшаго въ своемъ рас-

поряженіи всѣхъ роды и виды литературы, не прельстила ни безпритязательная любовная пѣснь, ни отрѣшенная отъ жизни идиллія, хотя въ переводѣ образцовъ этихъ родовъ поэзіи онъ и упражнялъ свой стихъ. Онъ прямо схватился за бичъ сатиры и является въ ней одушевленнымъ поборникомъ и пропагандистомъ петровской реформы. Такимъ же воинствующимъ публицистомъ и страстнымъ агитаторомъ усвоенія европейской культуры былъ и Ломоносовъ въ своихъ одахъ, несмотря на всю низкопоклонность ихъ. Оды Державина тоже вышли изъ невысокихъ побужденій. Но настоящій талантъ никогда не можетъ остаться въ сферѣ однихъ низменныхъ побужденій, и въ общемъ оды Державина являются живою поэтической лѣтописью своего времени и искреннимъ выраженіемъ восторговъ, возбужденныхъ блестящимъ по внѣшности царствованіемъ Екатерины. Характерно, что даже такое, казалось бы, отрѣщенное, по своей темѣ, отъ условій мѣста и времени произведеніе, какъ ода „Богъ“, непосредственно вытекло изъ полемическаго желанія автора дать отпоръ шедшему изъ Франціи скептицизму. Творчество четвертаго крупнаго дѣятеля XVIII вѣка—Фонвизина уже всецѣло посвящено учительнымъ задачамъ глубокаго общественнаго значенія. Тѣмъ же серьезнымъ общественнымъ задачамъ посвятила себя оригинальная, полу-художественная, полу-прямопублицистическая литература памфлета и картинъ нравовъ, которая приняла форму летучихъ листовъ такъ называемой „сатирической журналистики“. Народившійся въ концѣ вѣка сентиментализмъ ударился въ одно приторное воспѣваніе чувства или вѣрнѣе чувствительности, но онъ не привлекъ къ себѣ ни одного крупнаго *художественнаго* да-

рованія (значеніе Карамзина не художественное), а наиболѣе даровитый изъ пѣвцовъ сентиментализма—Дмитріевъ выказалъ лучшія стороны своего дарованія въ сатирѣ на злобу дня—наводненіе литературы скверными одами. Въ началѣ нашего вѣка выдѣляется дѣятельность писателя, литературная карьера котораго особенно ярко подчеркиваетъ учительное значеніе русской литературы. Мы говоримъ о Жуковскомъ, поэтѣ очень симпатичнаго и изящнаго, но безусловно второстепеннаго дарованія и тѣмъ не менѣе достигшаго первостепеннаго значенія. Чѣмъ же? Тѣмъ, что онъ взялъ на себя роль учителя въ буквальномъ смыслѣ слова и знакомилъ русское общество съ литературою Запада въ рядѣ превосходныхъ переводовъ. А изъ оригинальныхъ произведеній Жуковскаго наибольшее впечатлѣніе произвелъ „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“—откликъ на злобу дня, тоже въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Сверстникъ и современникъ Жуковскаго—Батюшковъ былъ поэтъ болѣе сильнаго и оригинальнаго дарованія, чѣмъ Жуковский, но онъ не достигъ и половины значенія и популярности послѣдняго, потому что его эпикурейская муза, воспѣвавшая наслажденіе, была чужда русскому читателю, привыкшему искать въ литературѣ не только забавы, но и правилъ жизни.

Объ учительномъ значеніи Крылова, конечно, распространяться нѣтъ надобности: оно вытекаетъ изъ самаго существа литературнаго рода, которому посвятилъ себя гениальный баснописецъ. Но не будетъ лишнимъ прибавить, что нигдѣ басня не получила такого развитія и нигдѣ она не получила такого рѣзкаго національнаго отпечатка, какъ въ русской литературѣ 18-го и 19-го вѣка. Въ то время, какъ въ западно-европейскихъ литера-

турахъ (причемъ характерно, что есть литературы, напр., англійская, совсѣмъ не имѣющія выдающихся баснописцевъ) басня привлекала къ себѣ лишь незначительное количество поэтовъ, изъ русскихъ поэтовъ 18-го вѣка нѣтъ почти ни одного, который бы не писалъ басенъ. Какъ всякій геній, Крыловъ есть только кульминаціонный пунктъ цѣлой эпохи процвѣтанія русской басни, замѣчательной еще тѣмъ, что она не ограничивалась простымъ подражаніемъ древней баснѣ, стоящей внѣ времени и пространства и довольствующейся моралью самаго общаго и, слѣдовательно, безобиднаго свойства, а бичевала непосредственно пороки и смѣшныя стороны *своего* времени. Конечно, процвѣтаніе басни въ русской литературѣ 18-го и начала 19-го вѣка, а затѣмъ исчезновеніе ея можетъ быть объяснено и тѣмъ, что басня вообще есть младенческая форма литературы, популярная только въ начальномъ періодѣ каждой письменности. Но это объясненіе есть только объясненіе. Оно нимало не колеблетъ самаго факта, что русскій читатель всѣмъ ходомъ своей литературы приученъ смотрѣть на нее, какъ на источникъ учительнаго слова на живыя темы современности.

Начало 20-хъ годовъ ознаменовано дѣятельностью писателя, въ лицѣ котораго художественно-учительное значеніе русской литературы едва ли не достигло высшей своей точки. За исключеніемъ комедій Аристофана, создавшихся въ литературѣ народа, у котораго совсѣмъ не было личной нравственности, а была одна только нравственность политическая и общественная, ни въ одной европейской литературѣ нѣтъ драматическаго произведенія, до такой степени насквозь проникнутаго гражданскою, въ полномъ смыслѣ слова, скорбью,

какъ „Горе отъ ума“. По искренности и глубинѣ негодующаго чувства и вообще по цѣльности настроенія, гениальная „комедія“ Грибоѣдова есть вмѣстѣ съ тѣмъ и настоящая проповѣдь, страстный призывъ идти по другимъ путямъ. И это тѣмъ характернѣе, что самъ авторъ отнюдь не былъ ни Катонъ, ни Аристидъ. Значить, силу ему дало богатое общественными настроеніями направленіе цѣлой эпохи, выразителемъ которой онъ явился. Выразителемъ той же эпохи явился и молодой Пушкинъ. Въ Александровскую эпоху Пушкинъ явился живымъ отраженіемъ безпокойнаго настроенія времени и самъ себя характеризовалъ какъ поэта, который „свободу лишь умѣетъ славить“. Въ первыхъ романтическихъ поэмахъ своихъ онъ бросалъ страстный вызовъ всѣмъ старымъ традиціямъ, провозглашалъ свободу чувства и проповѣдывалъ презрѣніе къ условнымъ формамъ. Со второй половины 20-хъ годовъ улеглось броженіе и самого Пушкина, и общества, и поэтъ вступаетъ въ такъ называемый „объективный“ періодъ своего творчества. Но помимо того, что и это стремленіе къ объективному творчеству было отраженіемъ настроенія времени, утомленнаго возбужденіемъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра и жаждавшаго спокойствія, помимо этого косвеннаго служенія нуждамъ времени, Пушкинъ никогда не былъ въ состояніи совладать съ живою натурою своею и остаться на олимпійскихъ высотахъ безразличнаго творчества. Всеобъемлющій гений его никогда не успокаивался на чемъ-нибудь одномъ, и никто точнѣе его самого не исполнялъ завѣта, который онъ далъ поэту:

. дорогою свободою
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ.

1092

И такъ какъ отзывчивая натура влекла его то въ одну, то въ другую сторону, то каждая изъ главныхъ литературныхъ теорій нашихъ можетъ подтвердить свои положенія ссылками на Пушкина. Да, въ минуту полемическаго раздраженія онъ, дѣйствительно, воскликнулъ въ „Черни“:

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

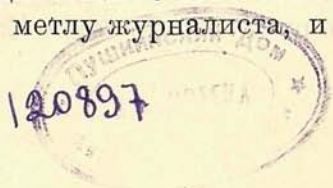
Но развѣ это же самое стихотвореніе не есть полное нарушеніе провозглашенныхъ въ немъ принциповъ? Вѣдь въ немъ нѣтъ ни звуковъ сладкихъ, ни молитвъ, и въ общемъ оно представляетъ собою яркій образчикъ тенденціозно-дидактическаго запрещенія идти дорогою свободою, куда влечетъ поэта его свободный отъ какихъ бы то ни было запрещеній умъ.

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ

будто бы созданъ поэтъ. И вслѣдъ затѣмъ пишется страстный памфлетъ „Клеветникамъ Россіи“—откликъ на злобу дня въ буквальномъ смыслѣ слова—на дебаты въ одномъ изъ засѣданій французскаго парламента.

Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметають соръ—полезный трудъ.
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы-ль у васъ метлу берутъ?

Такъ иронизируетъ поэтъ, когда ему предлагаютъ быть „полезнымъ“. А черезъ нѣсколько лѣтъ тотъ же жрецъ, единственно изъ желанія быть полезнымъ, берется за метлу журналиста, и вели-

кое дарованіе тратится на сметаніе сора, внесеннаго въ литературу Булгаринными и К°.

Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы слушаемъ тебя, —

просить поэта „чернь“, т. е. публика, всё́мъ ходомъ русской литературы, приученная получать отъ нея поученье. Но поэтъ презрительно отказывается:

Подите прочь—какое дѣло
Поэту мирному до васъ.

А въ это самое время онъ заканчивалъ „Евгенія Онѣгина“, въ которомъ жизнь „черни“ отразилась съ небывалой до того полнотою и въ которомъ въ плѣнительномъ образѣ Татьяны былъ преподанъ одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ и волнующихъ уроковъ жизни, когда-либо преподанныхъ русской литературой. Скоро будетъ семьдесятъ лѣтъ, какъ Татьяна отвѣтила Онѣгину:

Я васъ люблю, къ чему лукавить,
Но я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна,—

и этотъ отвѣтъ не перестаетъ до сихъ поръ волновать русскаго читателя и поднимать въ немъ вопросы нравственнаго порядка. Многое, очень многое въ геніальномъ романѣ перестало интересовать позднѣйшаго читателя, на многое онъ сталъ смотрѣть исключительно съ исторической точки зрѣнія, но образъ Татьяны, олицетворившей въ себѣ полную свободу отъ условности съ неумолимымъ сознаніемъ долга, навсегда врѣзался въ сердце русскаго читателя. Каждое поколѣніе имѣетъ

свое отношеніе къ отвѣту Татьяны,—то восторженно-положительное, то насмѣшливо-отрицательное, но во всякомъ случаѣ не безразличное. „Смѣлый урокъ“ на практикѣ былъ данъ поэтомъ, теоретически отъ него отказавшимся. На практикѣ, слѣдовательно, великій поэтъ и въ эпоху своего стремленія къ игнорированію того, что не есть интересъ чисто-художественный, никакъ не могъ удержаться въ ограниченной сферѣ чисто-эстетическихъ настроеній, и тоже сталъ учителемъ жизни.

Творчество гениальнаго преемника Пушкина—Лермонтова нашло себѣ опредѣленіе въ его поэтическомъ profession de foi—„Журналистѣ, читателѣ и писателѣ“. Въ чемъ источникъ его творчества?

. Диктуетъ совѣсть,
Перомъ сердитый водить умъ.

Совѣсть. Вотъ онъ тотъ девизъ, который искони былъ девизомъ лучшихъ русскихъ умовъ и которому въ послѣ-лермонтовскій періодъ суждено было отодвинуть на второй планъ всѣ остальные источники творчества. Въ творествѣ самого Лермонтова совѣсть принимаетъ исключительно формы негодованія и озлобленія, въ размѣрахъ, до него совершенно чуждыхъ нашей литературѣ. Имъ владѣетъ безумная жажда активнаго презрѣнія къ обществу своего времени, ему, съ такою безпримѣрною рѣзкостью охарактеризовавшему въ плачѣ надъ гробомъ Пушкина „вышіе“ слои этого общества, ему даже на праздникѣ хочется „смутить веселость“ и „бросить въ глаза“ пустому сборищу

. желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью.

Нельзя къ этому озлобленію безъ оговорокъ примѣнить эпитетъ учителя жизни. Нельзя забыть, что въ лицѣ Печорина эгоизмъ отчасти поставленъ на пьедесталь. Но въ этомъ эгоизмѣ было столько презрѣнія къ пошлости, Печоринъ такъ ярко подчеркнул скуку и томленіе бездѣйствія, которое долженъ былъ испытывать чуткій человѣкъ въ жалкой дѣйствительности 30-хъ годовъ, Лермонтовъ такъ высоко поднималъ сознание личности, что именно съ него начинается настроеніе, рѣшившееся бросить непримиримый вызовъ косности окружающей среды. Неласковая муза „мести и печали“, которая уже всецѣло стала звать на подвиги добра и любви къ людямъ, была непосредственной преемницей гордой и непреклонной поэтической личности Лермонтова. Изъ всѣхъ поэтовъ наибольшее влияние на музу Некрасова оказали Лермонтовъ, которому подъ конецъ его жизни уже не были скучны „пѣсни земли“, который первый въ русской поэзіи заговорилъ о „мужичкахъ“, который закончилъ свое поприще самымъ ягучимъ въ русской литературѣ выраженіемъ непреклонности воли и протеста — „Пророкомъ“. Пророкъ Лермонтова знаетъ, во что обходится „гордость“, онъ не строитъ себѣ никакихъ иллюзій насчетъ успѣха стремленія глаголомъ жечь сердца людей, какъ Пушкинскій пророкъ, — сказать кстати еще одинъ доводъ въ пользу того, что странно считать Пушкина представителемъ равнодушно-объективнаго творчества. Но Лермонтовскій пророкъ, тѣмъ не менѣе, смѣло идетъ на презрѣніе и гоненія, это не удерживаетъ его провозглашать

. любви
И правды чистыя ученья.

И вотъ эти-то завершительные аккорды промелькнувшей ослѣпительнымъ метеоромъ литературной дѣятельности Лермонтова даютъ вполне определенное значеніе его озлобленію. Это то озлобленіе, которое, говоря словами ученика Лермонтова— Некрасова,

. проповѣдуетъ любовь
Враждебнымъ словомъ отрицанья.

И люди, вдумавшіеся въ Лермонтовскую мизантропію,

Какъ много сдѣлалъ онъ—поймутъ,
И какъ любилъ онъ—ненавидя.

IV.

Смертью Пушкина и Лермонтова заканчивается періодъ новой русской литературы и начинается періодъ новѣйшей. Новѣйшей—потому что настроенія и идеи, народившіяся въ 40-хъ годахъ, еще не изжиты и часто еще составляютъ предметъ ожесточенныхъ схватокъ. Въ этомъ новѣйшемъ періодѣ служеніе потребностямъ жизни и взглядъ на литературу, какъ на учительную кафедру, всецѣло завладѣваетъ умомъ и сердцемъ людей, стоящихъ во главѣ литературнаго движенія. Начиная съ 40-хъ гг., въ Россіи всякій писатель становится въ то же время общественнымъ вождемъ, и въ основѣ главнѣйшихъ произведеній послѣднихъ 50 лѣтъ лежитъ проповѣдь тѣхъ или другихъ общественныхъ взглядовъ и воззрѣній. Всякій писатель долженъ пойти направо или налево, а пи-

сатель индифферентный къ общественнымъ вопросамъ не имѣетъ ни вліянія, ни успѣха въ соотвѣтствующей его таланту степени. Когда со середины 50-хъ гг. началась эпоха великихъ реформъ, первенствующую роль играла литература. Во главѣ движенія стали не представители общественныхъ группъ, а представители литературы. Вождями новаго поколѣнія были непосредственно—публицисты и литературные критики, а въ художественномъ отраженіи—лучшіе наши беллетристы и поэты. Борьба общественныхъ партій происходила почти исключительно на страницахъ журналовъ, и—что самое характерное—лозунги сплошь да рядомъ съ вѣдшей стороны были чисто-литературные. Вопросъ о поэтическомъ значеніи Пушкина становился существенною частью общественно-политическихъ программъ и краеугольнымъ камнемъ того или другого общественно-политическаго міросозерцанія. Вопросъ о назначеніи искусства раздѣлилъ всю литературу на два лагеря, причемъ люди, считавшіеся передовыми въ общественномъ отношеніи, стояли за служебную роль искусства, а противники поступательнаго движенія—за „чистое“ искусство.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ эпоху Бѣлинскаго русская мысль раскололась на два основныхъ русла, въ ходѣ литературы первенствующую роль получаетъ вопросъ о „направленіи“—слово, прямо неизвѣстное европейской критикѣ въ томъ смыслѣ, какъ его у насъ понимаютъ. Съ тѣхъ поръ, какъ кружокъ Бѣлинскаго рѣшительно примкнулъ къ европейскимъ идеямъ 40-хъ годовъ, эти идеи проходятъ красною нитью чрезъ всѣ произведенія писателей, усвоившихъ себѣ міросозерцаніе великаго критика. Все, что составляетъ основаніе славы

и значенія Тургенева, Гончарова, Григоровича, Достоевскаго и Писемскаго въ первой половинѣ ихъ дѣятельности, все, что писали Шедринъ, Некрасовъ, Глѣбъ Успенскій и беллетристы 60-хъ и 70-хъ годовъ, все, что пишетъ послѣднія 20 лѣтъ Левъ Толстой, все это является передовыми позиціями весьма опредѣленнаго міросозерцанія. Съ другой стороны, писатели, группировавшіеся въ 40-хъ гг. около славянофиловъ, Погодина и Шевырева, а въ 60-хъ гг. и позднѣе около „Русскаго Вѣстника“, Достоевскій, Писемскій и Гончаровъ въ послѣдній періодъ ихъ дѣятельности, всѣ эти писатели съ пламеннымъ усердіемъ давали отпоръ новымъ идеямъ и тоже превращали свои произведенія въ органъ проведенія въ сознаніе общества своего міросозерцанія. Даже тѣ изъ поклонниковъ „чистаго“ искусства, которые не пускались въ прямыя схватки, а только *намѣренно* уходили въ область абстрактнаго, *намѣренно* устраняли въ своихъ произведеніяхъ все, что напоминало „грязь жизни“, этимъ самымъ сообщали имъ весьма опредѣленную окраску. Благодаря такому тѣсному переплетенію художественныхъ и общественныхъ задачъ, чисто литературныя достоинства рѣдко вліяли на оцѣнку даннаго произведенія въ критикѣ. Его оцѣнивали по преимуществу какъ факторъ прогресса или регресса. Прямо можно сказать, что литературной критики въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаютъ на Западѣ, т. е. какъ стараніе разобрать непосредственно творческія достоинства самого писателя, у насъ не существуетъ. А между тѣмъ всѣ наши выдающіеся критики были люди съ весьма тонкимъ эстетическимъ чутьемъ и безграничною любовью къ художественному творчеству. Литературные критики наши, начиная съ 40-хъ гг.—

прямые трибуны, для которыхъ художественныя произведенія—не болѣе какъ предлогъ выяснить свои общественные идеалы. Они создали особый родъ критическихъ статей „по поводу“, которыя очень мало занимались эстетическою стороною произведенія и очень много общественными выводами, изъ него вытекающими. Знаменитая борьба по вопросу объ искусствѣ была только предлогомъ для выясненія, съ одной стороны, новаго общественно-политическаго міросозерцанія, а съ другой противодѣйствія ему. Статьи какъ будто трактовали о Тургеневѣ, Островскомъ, Гончаровѣ, а на самомъ дѣлѣ это были лирическіе манифесты того или другого міровоззрѣнія.

Но самымъ яркимъ проявленіемъ стремленія новѣйшей русской литературы всегда быть учительною каедрою нельзя не признать взглядъ на роль печатнаго слова двухъ величайшихъ писателей, стоящихъ на противоположныхъ концахъ періода, исторію котораго мы собираемся рассказать. Въ срединѣ 40-хъ годовъ Гоголь, а въ наши дни Толстой съ глубочайшимъ воодушевленіемъ старались убѣдить своихъ современниковъ, что задачи литературы учительныя и только. И если значеніе словъ Гоголя ослабляется тѣмъ, что они вылились у него въ періодъ упадка творческихъ силъ, то зрѣлище отреченія Толстого отъ всего, что доставило ему всемірную славу, поистинѣ поразительно. Именно въ тотъ моментъ, когда весь міръ восторженно аплодируетъ ему, какъ геніальному художнику, именно въ тотъ періодъ, когда напряженіе творческихъ силъ его достигаетъ высшихъ предѣловъ въ созданіи „Смерти Ивана Ильича“, мелкихъ рассказовъ, „Власти Тьмы“ и „Крейцеровой Сонаты“, именно въ этотъ мо-

ментъ великій писатель земли русской провозглашаетъ, что само по себѣ чистое искусство не только пустая, но подчасъ и вредная забава. Здѣсь не мѣсто вступать въ споръ съ этимъ слишкомъ очевиднымъ преувеличеніемъ и увлеченіемъ. Мы здѣсь только вспомнимъ, что, какъ ни значителенъ тотъ или другой индивидуальный геній, онъ всегда есть порожденіе и выраженіе взглядовъ и настроеній окружающей среды. И вотъ почему въ доведенномъ до крайности взглядѣ Льва Толстого мы должны усмотрѣть органическое выраженіе общаго стремленія нашей литературы сѣять

разумное, доброе, вѣчное.

V.

Сообразно всему сказанному и исторія новѣйшей русской литературы по преимуществу сводится: 1) къ исторіи смѣны идей и настроеній, волновавшихъ русское общество, и 2) къ указанію взаимодѣйствія между общественною жизнью и литературою. Изслѣдователю, который захотѣлъ бы заняться исторіей новѣйшей русской литературы только съ эстетической точки зрѣнія было бы очень мало дѣла, потому что за послѣднія 50 лѣтъ русская литература, какъ явленіе эстетическое, никакимъ замѣтнымъ движеніемъ не ознаменована. На Западѣ за это время смѣнился цѣлый рядъ литературныхъ стилей и кореннымъ образомъ измѣнилась техника писанія. Можно ли себѣ представить самага плохонькаго французскаго романиста, который сталъ бы теперь писать въ стилѣ Жоржъ Зандъ? Цѣлая бездна лежитъ между Зола и Жоржъ

Зандъ, не только въ основныхъ приемахъ, но и въ языкѣ, въ діалогѣ, въ концентрированіи вниманія читателей и т. д. А въ наши дни манера Зола во французской литературѣ уже обветшала. Въ Германіи долго держалась манерность Ауэрбаха и Поля Гейзе, но теперь она почти исчезла и уступила мѣсто отчасти натуралистической, отчасти мистической школѣ Гауптмана, Зудермана и „Юной Германіи“. Та же радикальная перемѣна произошла въ Италіи и Скандинавіи. Такимъ образомъ въ Европѣ произошла рѣзко-выраженная эстетическая эволюція, произошла дѣйствительно полная смѣна поколѣній. Но въ Россіи, гдѣ идетъ непрерывная эволюція *идей*, литературныя формы почти неподвижны. Беллетристическая и поэтическая манера, установившаяся въ 40-хъ гг., ни въ чемъ существенномъ не измѣнилась. Между Тургеневымъ и его литературнымъ внукомъ Гаршинымъ разницы въ стилѣ нѣтъ, нѣтъ ея и между Некрасовымъ и Надсономъ. Когда Гюго было 70 лѣтъ, ему поклонялась вся Франція, но никто ему не подражалъ. Толстому теперь 70 лѣтъ и онъ не только представляетъ собою самую животрепещущую современность, но всякому ясно, что онъ еще долгіе годы будетъ законодателемъ формы русскаго романа. Единственная литературная область, гдѣ за послѣднія 50 лѣтъ замѣчается значительное измѣненіе литературныхъ приемовъ, это—беллетристика изъ народной жизни. Колоритность языка, близость къ землѣ Глѣба Успенскаго, конечно, представляетъ собою значительный шагъ впередъ по сравненію не только съ „пейзанами“ Григоровича, но и съ крестьянами Тургенева, теперь уже кажушимися намъ условными и недостаточно-жизненными. Но тутъ собственно нѣтъ измѣненія ли-

тературной формы, а просто въ 40-хъ гг. народъ не былъ достаточно изученъ. Что тутъ дѣло именно въ этомъ недостаточномъ изученіи — лучшее доказательство Толстой, человѣкъ почти сороковыхъ годовъ. Отвлекаясь отъ степени таланта и литературнаго значенія, развѣ мужики „Власти Тьмы“ менѣе колоритны и близки къ дѣйствительности, чѣмъ мужики Глѣба Успенскаго? Что касается изображенія купцовъ и мѣщанъ, то они, конечно, въ наши дни колоритнѣе, чѣмъ въ 40-хъ гг. Но родоначальникомъ этой колоритности является человѣкъ конца сороковыхъ годовъ — Островскій. Если типы Островскаго отчасти устарѣли подъ дружнымъ напоромъ нашихъ культурныхъ успѣховъ, то литературная манера Островскаго, его удивительный языкъ и его яркая бытовая окраска столь же свѣжи теперь, какъ и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Итакъ, повторяемъ еще разъ, исторія новѣйшей русской литературы не можетъ ограничиться одною эстетическою сферою. Она должна быть исторіей идей и взаимодействія русской литературы и русской общественности. Можно разное къ этому относиться, можно возмущаться этимъ взаимодействіемъ съ точки зрѣнія „чистаго“ искусства или можно, напротивъ того, восторгаться такою близостью искусства къ потребностямъ времени. Но *понять* ходъ новѣйшей русской литературы можно только путемъ параллельнаго ознакомленія съ русскою общественностью.

Изученіе новѣйшей русской литературы требуетъ обстоятельнаго знанія событій общественной исторіи нашей, съ которой она органически-тѣсно переплетена. Въ эпоху „реформенной Россіи“ литература и жизнь до такой степени сближаются

другъ съ другомъ, что сплошь да рядомъ при анализѣ того или другого общественнаго явленія нельзя отличить, гдѣ кончается литературный генезисъ его и гдѣ начинается непосредственное дѣйствіе общественныхъ силъ. И наоборотъ—при изученіи того или другого факта литературной исторіи не знаешь, гдѣ кончается общественное воздѣйствіе и гдѣ начинается сфера чисто-литературнаго творчества.

Можно насчитать цѣлый рядъ произведеній, отражающихъ не просто интересы „времени“, а прямо интересы того или другого *года*. Чтобы понять, напр., общій тонъ вышедшаго въ 1860 г. Тургеневскаго „Наканунъ“, нужно быть хорошо знакомымъ съ тѣмъ радостно-выжидательнымъ настроеніемъ, которое охватило русское общество подъ вліяніемъ реформаціонныхъ стремленій новаго царствованія. Но для оцѣнки „Отцовъ и дѣтей“, которыхъ отдѣляетъ отъ „Наканунъ“ всего три-два года, уже этого недостаточно. За ничтожный промежутокъ двухъ лѣтъ успѣло выясниться новое общественное теченіе, безъ подробнаго знакомства съ которымъ мы будемъ бессильны понять смыслъ романа. Черезъ пять лѣтъ послѣ „Отцовъ и дѣтей“ появляется „Дымъ“, и опять нужны новыя свѣдѣнія объ измѣненіяхъ общественно-политической атмосферы, имѣвшихъ мѣсто въ теченіе этихъ пяти лѣтъ. Наконецъ, для пониманія „Нови“ требуются уже совсѣмъ новыя свѣдѣнія о явленіяхъ, зачатки которыхъ не идутъ дальше начала семидесятыхъ годовъ.

Мы нарочно взяли для иллюстраціи нашей мысли Тургенева, писателя, высокая художественность котораго составляетъ предметъ восторженнаго удивленія. И именно этотъ-то тонкій худож-

никъ вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ собою образецъ самаго тѣснаго взаимодействія литературы и общественной жизни, именно онъ тонко и чутко „ловилъ“, говоря терминомъ русской критики „моментъ“. „Ловить моментъ“—это второй терминъ, наравнѣ со словомъ „направленіе“ почти неизвѣстный европейской критикѣ. Выше этой похвалы нѣтъ для русскаго писателя, къ какой бы онъ школѣ или направленію ни принадлежалъ. Правда, „моменты“ понимаются весьма различно. Одинъ усматриваетъ его въ торжествѣ реализма, а другой въ это же время рисуетъ торжество идеализма, одинъ провозглашаетъ побѣду позитивизма, а другой стремится показать, что наступилъ моментъ торжества метафизическихъ стремленій. Но все это уже дѣло пониманія и таланта, а не различія метода. Характеристичнымъ остается тотъ фактъ, что никто не довольствуется простымъ воспроизведеніемъ, а всякій стремится къ воспроизведенію непремѣнно тѣхъ явленій, въ которыхъ онъ усматриваетъ геній времени, и что каждому хочется воздѣйствовать на общественное сознаніе въ пользу того міропониманія, къ которому онъ примкнулъ.

VI.

Идейно-проповѣдническій характеръ новѣйшей русской литературы неизбежно ведетъ къ тому, что въ исторіи ея совсѣмъ особое мѣсто должна занимать исторія теоретической русской мысли. Теоретическая мысль давала лозунги, а проводникомъ ихъ явилось художественное творчество, которое само по себѣ можетъ быть только *органомъ*

проведенія извѣстныхъ идей, но никакъ не источникомъ ихъ. Не дай Богъ, если бы русская художественная литература занялась бы *выработкой* того или другого міровоззрѣнія. Это привело бы къ сухому дидактизму и было бы уже не идейностью, а тою *тенденціозностью*, въ которую впали нѣкоторые второстепенные писатели 60-хъ и 70-хъ гг., не совладавшіе, по бѣдности своего художественнаго дарованія, съ истинными задачами идейнаго творчества. Нѣтъ, сила новѣйшей русской литературы въ ея крупныхъ представителяхъ именно въ томъ, что въ ней идейность не есть абстрактное теоретизированіе, а вполне художественное *претвореніе*. Если мы обратимся къ исторіи творчества важнѣйшихъ представителей русскаго слова новѣйшаго времени, то мы увидимъ, что ходъ ея былъ таковъ. Писатель, какъ сынъ своего времени, напитывался идеями, которыя носились въ воздухѣ, были предметомъ жаркихъ споровъ въ кружкахъ, обсуждались въ журналахъ, а въ сороковыхъ годахъ составляли предметъ обширнѣйшей переписки между друзьями. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ сила этого усвоенія идей времени была очень велика, переходила въ прямой энтузіазмъ и сообщала необыкновенную глубину и твердость убѣжденія. Данная идея *органически* проникала все существо писателя, становилась собственностью его духа, приходила на помощь его духовному зору и какъ бы давала ему двойное зрѣніе. Но ставъ второю натурою, идея могла выразиться только въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ всегда выражаются глубокія настроенія всякой художественной организаціи, — въ художественныхъ образахъ. Такъ, молодой Тургеневъ, подъ вліяніемъ общаго настроенія кружка

Бѣлинскаго, выработалъ себѣ весьма опредѣленное міросозерцаніе и въ частности далъ Аннибаловскую клятву бороться съ крѣпостнымъ правомъ. Когда онъ ее давалъ, онъ еще совершенно не установился какъ писатель, и самый размѣръ его таланта не былъ еще ясенъ даже такому прозорливому цѣнителю, какъ Бѣлинскій. Но убѣжденія его получили весьма опредѣленную окраску, вошли въ его плоть и кровь, онъ горѣлъ желаніемъ воплотить ихъ. Поэтому, когда дарованіе его установилось, онъ сталъ не только великимъ художникомъ, но и выдающимся борцомъ за свое міровоззрѣніе. Тотъ же процессъ органическаго претворенія теоретическихъ настроеній можно прослѣдить въ исторіи творчества всѣхъ выдающихся новыхъ писателей нашихъ. Такъ, изъ идейнаго броженія, перешедшаго къ намъ во второй половинѣ 40-хъ годовъ изъ Франціи, вышли Достоевскій, Щедринъ и Некрасовъ. Съ другой стороны, въ кружкѣ такъ называемой „молодой редакціи Москвитянина“, съ его мистическою любовью къ русскому быту, получило окраску дарованіе Островскаго. Даже уравновѣшенный „фламандецъ“ Гончаровъ въ своей авторской исповѣди сообщилъ, что въ „Обыкновенной Исторіи“ старался отразить „первое мерцаніе сознанія необходимости труда, настоящаго, не рутиннаго, а живого дѣла, въ борьбѣ со всероссійскимъ застоємъ“. Итакъ, не просто изображалъ, а „задавался цѣлью“ сослужить службу обществу. Еще ярче это „задаванье цѣлью“ въ „Обломовѣ“ и „Обрывѣ“. Нечего уже и говорить, насколько „задаванье цѣлью“ было сильно въ литературномъ поколѣніи 60-хъ и 70-хъ годовъ, меньше одаренномъ художествен-

нымъ талантомъ и потому еще нагляднѣе подчинившемся разнымъ теоретическимъ вѣяніямъ.

И вотъ, въ виду рѣшающаго значенія, которое имѣеть у насъ теоретическая мысль, какъ указательница путей, по которымъ покорно шло художественное творчество, мнѣ и кажется, что періоды исторіи новѣйшей русской литературы должны быть установлены соотвѣтственно кругу общественно-этическихъ идей, въ данные годы получившихъ господство. Неправильно было бы дѣлать исторію новѣйшей русской литературы по именамъ ея наиболѣе выдающихся художественныхъ дѣятелей. Если мы дѣлимъ литературу прежняго времени на періоды Ломоносовскій, Державинскій, Пушкинскій, то это вполнѣ правильно. Ломоносовъ, Державинъ и Пушкинъ держали въ свое время скипетръ литературы, правили безраздѣльно литературнымъ движеніемъ и сообщали ему окраску, которая исходила только изъ ихъ произведеній. Но какъ и какіе годы мы назовемъ Тургеневскими, когда не онъ создавалъ настроенія читающей публики, а имѣлъ успѣхъ потому, что отражалъ „моментъ“, т. е. попадалъ въ это настроеніе, подготовленное теоретическою мыслью? Какъ только онъ не попалъ въ настроеніе, значительнѣйшая и наиболѣе вліятельная часть публики отъ него отвернулась. Какой же это вождь? И другіе сверстники Тургенева точно также никогда не создавали настроеній, а только подчинялись имъ и выражали ихъ. Ужъ на что славенъ и великъ въ наши дни Толстой. И все-таки назвать его именемъ какъ *художника* какой бы то ни было періодъ нѣтъ возможности. Толстой - мыслитель, конечно, одинъ изъ властителей думъ нашего времени, но въ годы созданія величайшаго художе-

ственного произведенія своего— „Войны и мира“, онъ былъ не болѣе, какъ предметомъ очень холоднаго любопытства, а въ годы появленія „Анны Карениной“ прямо подвергался высмѣиванію, потому что и критика и публика совершенно проглядѣли внутренній смыслъ романа и усмотрѣли въ немъ апофеозъ великосвѣтскихъ амуровъ. Легендарная популярность Толстого начинается только съ тѣхъ поръ, какъ онъ выступилъ самъ какъ теоретикъ и воплотилъ въ своихъ тревожныхъ исканіяхъ больную совѣсть вѣка.

Такъ же, какъ нельзя установить періоды исторіи новѣйшей русской литературы по именамъ крупнѣйшихъ художественныхъ представителей ея, нельзя дѣлить ее и по литературнымъ стилямъ. Если мы дѣлимъ нашу литературу 18-го и начала 19-го вѣка на эпоху классицизма или, какъ ее почему-то принято называть у насъ, ложноклассицизма, на эпоху сентиментализма, романтизма и т. д., то это вполне правильно. Въ эпоху господства каждаго изъ этихъ стилей, все содержаніе современной литературы только ими и опредѣлялось. Опредѣлялось или торжествомъ даннаго стиля или борьбою съ предыдущимъ и послѣдующимъ и, слѣдовательно, представляло собою движеніе. Но въ исторіи новѣйшей русской литературы, какъ мы уже говорили, движенія чисто-литературнаго, смѣны литературнаго стиля нѣтъ вотъ уже 60 лѣтъ. Съ 40-хъ гг. безраздѣльно установился реализмъ того типа, о которомъ я говорилъ въ началѣ своей лекціи. Дальнѣйшей эволюціи не замѣчается, если не считать того, что нѣсколько невліятельныхъ, второстепенныхъ, а главное неискреннихъ дарованій увлеклось французскимъ символизмомъ. Литературныя традиціи великой

плеяды писателей 40-хъ гг. и понынѣ являются законодательными для русскаго литературнаго вкуса.

Итакъ, ни по именамъ ея выдающихся художественныхъ силъ, ни по чисто-литературнымъ направлѣнiямъ исторiю новѣйшей русской литературы нашей дѣлить нельзя, потому что такое дѣленiе не даетъ характерныхъ признаковъ. Единственное, дѣйствительно, характеристичное дѣленiе, т. е. такое, которое уже въ одномъ названiи носить свое опредѣленiе и даетъ представленiе объ основныхъ чертахъ эпохи—это только дѣленiе по кругу идей, въ данный перiодъ завладѣвшихъ умами, и по именамъ представителей теоретической мысли. Если вы скажете,—это было въ эпоху русскаго гегелианства, въ эпоху реформъ, въ эпоху, вульгарно называемую эпохою „нигилизма“, въ эпоху писаревщины, въ эпоху народничества, марксизма и т. д., то представленiе получается яркое и опредѣленное, обнимающее весь комплексъ какъ общественныхъ, такъ и литературныхъ явленiй извѣстнаго перiода.

VI.

Эпоха, которою начинается исторiя новѣйшей литературы, т. е. конецъ тридцатыхъ и сороковые годы нашла наиболѣе яркое выраженiе въ дѣятельности Бѣлинскаго. *Его именемъ* можно назвать эпоху, потому что *онъ*, дѣйствительно, далъ ей свою окраску. Бѣлинскiй—конечно, краеугольный камень всей вообще новой русской литературной мысли. Бѣлинскiй—первоисточникъ всего великаго, хорошаго, эстетически-вѣрнаго и этически-пра-

вильнаго, что было въ русской литературѣ послѣднихъ 60 лѣтъ. Но понятно, что всего ярче должно было сказаться влияние его въ годы его непосредственнаго воздѣйствія.

Критика Бѣлинскаго была средоточіемъ русской мысли своего времени, энциклопедіей русскаго ума и чувства. Она захватывала все, что интересовало лучшихъ людей эпохи, она старалась, насколько было возможно, отвѣчать на всѣ проклятые вопросы, которые возникали въ душѣ чуткаго чело-вѣка. Вытекая изъ пламеннѣйшаго стремленія передать читателю выношенные путемъ истиннаго страданія идеалы, статьи Бѣлинскаго, его „обзоры“ всегда имѣли въ своей основѣ ту руководящую идею, которая была нервомъ времени. Оттого они прокладывали новые пути въ литературѣ и создавали школу.

Правда, кругъ идей, въ защиту которыхъ выступалъ Бѣлинскій, далеко не однороденъ. Дѣятельность его представляетъ собою смѣну двухъ, порою діаметрально-противоположныхъ, настроеній. Но по существу раздвоенія тутъ никакого нѣтъ. Все дѣло въ томъ, что передъ нами муки рожденія, болѣзненный процессъ выработки новой русской мысли. Въ послѣдующія эпохи, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, вожди поколѣнія не переживали никакихъ „фазисовъ“, не терзались никакими сомнѣніями, и дѣятельность ихъ однородна на всемъ своемъ протяженіи. Это потому, что отправная точка была найдена въ эпоху Бѣлинскаго, и можно было, не сбиваясь, идти впередъ по пути, уже твердо и опредѣленно намѣченному. Бѣлинскому же пришлось пробираться ощупью сквозь предразсвѣтную мглу, и, если онъ при этомъ бросался на болотный огонекъ, принималъ его за путеводную

звѣзду и попадалъ въ трясины, то тутъ только фактическая ошибка и нѣтъ никакого измѣненія въ самомъ главномъ—въ источникахъ исканія. По отношенію къ нимъ Бѣлинскій никакихъ „фазисовъ“ не переживалъ, всегда оставался все тѣмъ же беззавѣтнымъ искателемъ истинныхъ задачъ чело-вѣческаго существованія. И въ сущности значеніе Бѣлинскаго и ослѣпительная красота его духовной личности не столько въ идеяхъ и взглядахъ его, какъ они ни вѣрны и глубоки сами по себѣ, сколько именно въ его мучительныхъ поискахъ истины. Мы увидимъ дальше, что самое содержаніе идей Бѣлинскаго далеко не ему одному принадлежитъ. Оно выработано совмѣстными усиліями цѣлаго кружка, въ которомъ Бѣлинскому очень часто принадлежала только роль выразителя. Но это нисколько не умаляетъ его значенія, потому что заслуга всякаго генія обыкновенно въ томъ и заключается, что онъ ярко завершаетъ цѣлый рядъ подготовительныхъ, неявныхъ попытокъ. Главная заслуга Бѣлинскаго не въ томъ, что онъ лично додумался до всѣхъ идей, имъ высказанныхъ, а въ томъ, что онъ провелъ ихъ сквозь горнило сожигавшаго его внутренняго пламени и сообщилъ имъ отпечатокъ своей идеально-прекрасной личности.

Непреходящее вліяніе статей Бѣлинскаго зиждется на томъ, что въ нихъ слышно бѣненіе сердца, безспорно самаго благороднаго, когда-либо бившагося въ русской груди, что въ нихъ сказалась никѣмъ другимъ не достигнутая высота настроенія, сила и глубина чувства. Великій праведникъ литературы русской, рыцарь безъ страха и упрека, на свѣтлой памяти котораго нѣтъ ни еди-наго самомалѣйшаго пятнышка, былъ вмѣстѣ съ

тѣмъ великимъ страстотерпцемъ новой русской мысли. Онъ глубоко выстрадалъ свои убѣжденія и, въ полномъ смыслѣ слова, писалъ лучшею кровью своего сердца. Основная задача историка эпохи Бѣлинскаго—ознакомить читателя съ этой борьбой за правду и показать, какъ на основѣ завѣтовъ Бѣлинскаго создалась новѣйшая русская литература, это удивительное сочетаніе художественной красоты и нравственной силы, широкаго размаха и тоски по идеалу.

1885—1897.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Побѣдители или побѣжденные?

I.

Въ началѣ этой книжки было отмѣчено, что лекція моя произнесена въ 1897 г. Но главные тезисы ея были формулированы еще раньше—въ 1885 г., въ предисловіи къ моей безвременно-погибшей „Исторіи новѣйшей русской литературы“, столь безжалостно и по нынѣшнимъ временамъ столь безвинно сожженной цензурою ¹⁾).

Итакъ, почти четверть вѣка отдѣляетъ мою схему хода новой русской литературы отъ литературнаго движенія нашихъ дней. За эти 23 года въ общественной жизни и въ литературѣ все стало совершенно по иному. Условія, люди, лозунги, настроенія, приемы измѣнились до неузнаваемости. Исчезла вся прежняя прямолинейность, вся простота общественно-литературныхъ схемъ, все усложнилось, спуталось, перемѣшалось. И если къ этому прибавить грандіозныя событія, которыми ознаменована политическая исторія по-

¹⁾ Когда-нибудь расскажу эту любопытную страничку изъ исторіи дореволюціоннаго произвола.

слѣднихъ лѣтъ, то можно прямо сказать, что произошли не то что перемѣны, а совершился какой-то геологическій переворотъ.

Главные послышки, на которыхъ я строилъ свои выводы, теперь приняли совсѣмъ инья очертанія.

Я говорилъ о русскихъ общественныхъ настроеніяхъ какъ о „великой потенціи“, а теперь эта великая потенція стала великимъ фактомъ.

Я говорилъ о реализмѣ французскихъ натуралистовъ какъ о послѣднемъ и властномъ словѣ западно-европейскихъ литературныхъ настроеній, а теперь онъ уже отошелъ въ область преданій, уступивъ мѣсто діаметрально-противоположнымъ настроеніямъ.

Ограничиваясь сравненіемъ литературныхъ поколѣній 40-хъ и 70-хъ годовъ, я устанавливалъ, что „между Тургеневымъ и его литературнымъ внукомъ Гаршинымъ разницы въ стилѣ нѣтъ“. Подчеркивалъ я также, что нѣтъ разницы въ стилѣ между Некрасовымъ и Надсономъ, несмотря на то, что ихъ литературные дебюты отдѣлены другъ отъ друга рядомъ десятилѣтій.

Въ этихъ предѣлахъ моя мысль о сравнительной неподвижности русскаго литературнаго стиля остается, конечно, въ полной силѣ.

Но затѣмъ началась и неизбежная эволюція. И теперь мы присутствуемъ при томъ, какъ смѣна литературнаго стиля, начало которой положено Чеховымъ, развиваясь все стремительнѣе и стремительнѣе, привела, наконецъ, къ полному упраздненію литературныхъ приемовъ, созданныхъ поколѣніемъ 40-хъ годовъ.

Прежняя, скажемъ для ясности—Тургеневская, манера совершенно исчезла въ русской прозѣ и

ею почти всецѣло завладѣли схематизація, символизация и импрессионизмъ всякаго рода.

То же самое въ поэзіи. Можно какъ угодно относиться къ Бальмонту, Брюсову, Блоку, новѣйшимъ „миотворцамъ“, но кто желаетъ считаться съ реальными фактами, тотъ долженъ констатировать, что эта новая поэзія теперь господствуетъ и что она привила совершенно новые приемы, новый слогъ и даже новые метры.

Отъ новаго стиля естествененъ переходъ къ „новымъ теченіямъ“ въ ихъ совокупности.

Формулировавъ свои мысли въ 1885 году, но выступая съ ними 12 лѣтъ спустя, я не могъ игнорировать уже опредѣленно обрисовавшееся тогда „декадентство“. Это печальной памяти издательство надъ всѣмъ, что искони было дорого русскому литературному самосознанію, эти печальнѣйшія поползновенія во имя „красоты“ и фальсифицированнаго „идеализма“ подкопаться подъ героическій духъ русскаго общественнаго аскетизма, не захватили еще въ срединѣ 1890-хъ гг. сколько-нибудь значительнаго круга послѣдователей.

Въ 1897 году я имѣлъ полное право сказать, что „нѣсколько невліятельныхъ, второстепенныхъ, а главное неискреннихъ дарованій увлеклось французскимъ символизмомъ“. Изъ отцовъ русскаго декадентства Мережковскій въ срединѣ 90-хъ годовъ не выступалъ еще со своими критически-религіозными писаніями, которыя создали ему большое имя и... такъ блистательно свели къ нулю всю его прежнюю проповѣдь безпечальнаго артистизма. Въ искренности большинства другихъ пионеровъ декадентства, повидимому, и теперь мало кто убѣжденъ. А что Бальмонта и Брюсова,

то опять-таки въ срединѣ 90-хъ годовъ не было данныхъ предугадать, что ихъ таланты получатъ позднѣйшій свой блескъ и силу.

Но съ тѣхъ поръ соотношеніе новыхъ и старыхъ литературныхъ теченій радикально измѣнилось. Теперь тотъ ансамбль новыхъ литературныхъ и художественныхъ настроеній, который можно было бы для краткости назвать „модернизмомъ“, захватилъ значительное количество новыхъ литературныхъ силъ. Правда, по отношенію къ лучшей его части можно примѣнить слова старообрядческаго адреса Александру II: „Въ твоей новизнѣ старину мы видимъ“. Въ дѣйствительности, модернисты и символисты въ теперешней своей дѣятельности *не побѣдители, а побѣжденные*. Теперешній модернизмъ съ его наклономъ останавливаться, главнымъ образомъ, на трагической сторонѣ жизни, этимъ самымъ категорически отказался отъ того, что дѣлало ненавистнымъ равнодушное къ страданію декадентство. Теперешній модернизмъ, который поэтому я и предлагаю назвать модернизмомъ *синтетическимъ*, — направленіе, соединившее въ себѣ основное зерно исконныхъ, героическихъ традицій русской литературы съ естественнымъ исканіемъ новыхъ литературныхъ формъ. Но такъ-то, со стороны глядя, можно думать, что „новыя теченія“ захватили все, что есть въ современной литературѣ колоритнаго и свѣжаго.

Отмѣтивъ всѣ эти измѣненія съ объективностью, приличествующею историку, не желающему закрывать глаза на дѣйствительность, я неизбежно долженъ задать себѣ вопросъ: а не повліяли ли столь крупныя перемѣны на общую схему, устанавливаемую въ лекціи? Остается ли, по-прежнему,

русская литература тою каедрою, съ которой раздается учительное слово? Не отодвинулись ли въ литературѣ послѣдней четверти вѣка на второй планъ интересы нравственно-политическіе? По-прежнему ли наша литература есть выраженіе тоски русской души по нравственному подвигу?

На этотъ вопросъ *теперь* можно отвѣтить вполне категорически: опасность миновала. „Новыя теченія“ въ своемъ теперешнемъ видѣ не угрожаютъ никакой опасностью исконнымъ традиціямъ русской литературы и являются однимъ изъ органическихъ звеньевъ великой цѣпи. Нужно твердо помнить, что есть два совершенно непохожихъ между собою момента модернизма, что первоначальное „декадентство“ — конца 80-хъ и 90-хъ гг. совсѣмъ не то, что „модернизмъ“ нашихъ дней. Нужно помнить, что огромный приливъ общественной бодрости, выразившійся, съ одной стороны, въ марксизмѣ середины 90-хъ годовъ, произвелъ коренную перемѣну и въ наиболѣе талантливыхъ представителяхъ „новыхъ теченій“. И этотъ синтезъ *новой формы со старымъ содержаніемъ*, повторяю еще разъ, сообщилъ русскому „модернизму“ совсѣмъ отличную отъ первоначальнаго декадентства окраску.

II.

Русское декадентство зародилось въ черные дни побѣдоносцевщины и, несомнѣнно, было органически связано съ тою общественною усталостью и реакціею, на почвѣ которой мрачная фигура „великаго инквизитора“ получила свою роковую для Россіи силу. Въ унисонъ съ по-

бѣдоносцевщиной, которая искореняла завиральныя идеи въ политической жизни, декадентство повело ожесточенную борьбу съ дѣятелями и идеями 60-хъ годовъ. И въ это же самое время оно находило новыя идейныя основы для самодержавія и, не безъ контроверзь, но, въ общемъ, все-таки дружило съ официальной церковностью.

Однако, не эта близость съ реакціею самое характерное для нашего декадентства.

Гораздо тлетворнѣе было стремленіе декадентства свернуть русское общественное сознаніе съ его основного пути беззавѣтнаго исканія правды, заглушить тоску по подвигу, которая придаетъ такую безсмертную красоту лучшимъ созданіямъ русскаго слова. Русская литература всегда была храмомъ, въ которомъ пѣлись священные каноны, а декадентство пыталось создать апоѳеозъ эгоизма, пыталось себялюбивое наслажденіе жизнью прикрыть флагомъ чисто созерцательнаго „идеализма“ и бездушнаго поклоненія принципу „красоты“. Само по себѣ мощное движеніе западно-европейскаго индивидуализма на русской почвѣ превратилось частью въ смѣхотворный культъ разныхъ доморощенныхъ сверхчеловѣчковъ, частью въ демонстративное глумленіе надъ аскетическою сущностью русской общечности. Пишется книга Минскаго „При свѣтѣ совѣсти“, гдѣ, съ одной стороны, осью міра объявляется тщеславіе, а съ другой кладется основаніе ученію, по которому „нѣтъ двухъ путей: добра и зла—есть два пути добра“: все, значить, превосходно устроено въ мірѣ семъ. Соотвѣтственно этому, тотъ же недавній ярко-„гражданскій“ поэтъ провозглашаетъ, ни больше ни меньше, что господствовавшій до нарожденія „новыхъ“, декадентско-символистическихъ настроеній „духъ

гнѣва и печали омрачалъ русскую поэзію, горѣлъ на ней какъ *чумное пятно*“. Тогда же провозглашается формула Зинаиды Гипсіусъ: „Люблю себя, какъ бога“. Появляются первыя части трилогіи Мережковскаго, въ которыхъ великая и глубоко-выстраданная душевная трагедія Ницше: его вражда къ христіанской морали и стремленіе стать „по ту сторону добра и зла“ превратилось въ насмѣшливое вышучиваніе и яркое подчеркиваніе полной свободы „истиннаго“ искусства отъ нравственно-политическихъ задачъ. Съ явнымъ злорадствомъ показываетъ Мережковскій, какъ для великаго художника Леонардо-да-Винчи совершенно безразлично приложеніе его великаго генія: онъ съ тѣмъ же артистическимъ воодушевленіемъ строить храмъ и домъ терпимости, придумываетъ разныя полезныя изобрѣтенія и такъ называемое „Діонисово ухо“, т. е. шпионское приспособленіе къ подслушиванію политическихъ разговоровъ. Молодыя силы декадентства — *rouge érafer le bourgeois* занимаются стихотворными кунштштюками: Бальмонтъ забавляется алитеряціями, Брюсовъ живописуетъ „тѣнь несозданныхъ созданій“, рассказываетъ какъ „всходитъ *мѣсяцъ* обнаженный при лазоревой *лунѣ*“ и сочиняетъ знаменитое по своему демонстративному глумленію однострочное стихотвореніе

О, закрой свои блѣдныя ноги.

Примыкаетъ къ движенію и часть молодыхъ художниковъ, и журналъ „Міръ Искусства“ становится главнымъ штабомъ всѣхъ „новыхъ теченій“ вообще. Со свойственной художникамъ непосредственностью они прямо и понимаютъ „декадентство“ и „символизмъ“ какъ проповѣдь безмысленнаго

артистизма, категорически отказывающагося отъ всякихъ тревожныхъ сомнѣній. Талантливый выразитель русскаго художественнаго декадентства, Александръ Бенуа, въ своей „Исторіи русской живописи“ такъ прямо и радовался тому, что въ 80-хъ годахъ была отнята и „последняя надежда на участіе въ государственномъ переустройствѣ“; благодаря этому всѣ „мало-по-малу охладѣли къ *суетнымъ вопросамъ политики* и послѣ двадцатилѣтней бури наступило надолго почти полное умиротвореніе“. Пророчество вышло не изъ особенно удачныхъ, и самое забавное, что черезъ 4 года тотъ же кружокъ „Міра Искусства“ успѣшилъ проникнуться „суетными вопросами политики“ и честь-честью продѣлалъ все то, что въ тѣ дни торжества этихъ „суетныхъ вопросовъ“ полагалось: былъ основанъ союзъ художниковъ съ политическими задачами, говорились „освободительныя“ рѣчи и т. д. Но эта наивность и драгоцѣнна для историка: въ данномъ случаѣ важна та обнаженность реакціонной закваски декадентства, признать которую совѣстились нѣкоторые изъ болѣе хитроумныхъ провозвѣстниковъ его.

Сводя къ опредѣленной формулировкѣ декадентскую переоцѣнку цѣнностей недавняго прошлаго, мы приходимъ къ заключенію:

Аморализмъ и аполитизмъ—вотъ въ чемъ сущность русскаго „декадентства“ и „символизма“. Настаиваю на томъ, что только эти два свойства и характеризуютъ декадентство, потому что то, что составляетъ самое осязательное выраженіе „новыхъ теченій“,—новый стиль выработанъ не въ эпоху зарожденія декадентства. Модернистскій стиль выработанъ вторымъ поколѣніемъ. Зачинатели,—Минскій, Мережковскій, даже Гиппіусъ и

Брюсовъ,—пишутъ въ старой манерѣ по преимуществу.

Но что значить, при русскихъ условіяхъ, аполитизмъ и аморализмъ? При русскихъ условіяхъ не призывать къ нравственному подвигу и дѣятельному противодѣйствію—значило узаконивать въ самой активной формѣ. Къ тому же наиболѣе непосредственные главари декадентства не останавливались и передъ тѣмъ, чтобы не только косвенно, но и прямо узаконивать. Въ предисловіи ко 2-й части своей книги о Достоевскомъ, Мережковскій, съ восторгомъ указывая на мистическую природу самодержавія, настойчиво подчеркивалъ, что „идея самодержавія, по существу своему, не терпитъ никакихъ ограниченій; она безусловна, какъ всѣ вообще религіозныя идеи“.

III.

Во всѣхъ этихъ попыткахъ дать идейную санкцію тому, противъ чего такъ или иначе русская литература боролась больше вѣка, въ крикливомъ апофеозѣ нарочито-безцѣльнаго искусства, въ стремленіи стереть разницу между добромъ и зломъ, въ циничныхъ увѣреніяхъ, что гнѣвъ и печаль составляютъ „чумное пятно“ русской литературы и въ общей проповѣди изящнаго наслажденія жизнью декадентство приблизилось къ роковой грани. Кощунственное отношеніе къ тому, что можно назвать Духомъ Святымъ русской литературы и русской общественности должно было сорваться. Аморализмъ и аполитизмъ столь органически противорѣчатъ всему, чѣмъ сильна русская литература, что неизбѣжно долженъ быть назрѣть внутрен-

ній кризисъ. И ярко выявивъ свою противообщественную и противонравственную природу, декадентство круто сворачиваетъ въ противоположную сторону.

Конечно, не въ одномъ внутреннемъ кризисѣ тутъ было дѣло. Вожди русскаго декадентства, въ общемъ, слишкомъ неискренніе люди, чтобы слушаться одного только внутренняго голоса.

Окончательно опрокинули декадентство мощныя волны освободительнаго движенія. Зародившись въ черные дни полнаго торжества Побѣдоносцевщины, ядовитый пустоцвѣтъ декадентства начинаетъ терять яркость своей окраски какъ только закончился летаргическій сонъ русскаго общественнаго самосознанія. При первыхъ же ясно обозначившихся успѣхахъ общественнаго подъема, въ лагерь декадентства происходитъ броженіе и расколъ. Это воздѣйствіе политическаго возрожденія на аполитическія „новыя теченія“ шло разными путями. Съ одной стороны, происходило взаимодѣйствіе чисто-органическое и потому, конечно, наиболѣе плодотворное. Такое органическое взаимодѣйствіе можно прослѣдить въ творчествѣ самаго даровитаго изъ нашихъ модернистовъ—Бальмонта. Поэта, ушедшаго отъ печали земли въ свѣтлую область „Безбрежнаго“ и якобы отрѣшившагося отъ всего „конечнаго“, своеобразно, но весьма ярко захватываетъ тотъ замѣчательный подъемъ, который со середины 90-хъ годовъ сказался въ задорѣ марксизма и дерзкомъ вызовѣ Максима Горькаго.

Рядомъ съ этимъ, почти безсознательнымъ, переломомъ творческихъ настроеній, переломъ въ декадентствѣ идетъ и путемъ колебанія самой теоріи изящнаго наслажденія жизнью и безпечальнаго эстетизма. Недавніе аморалисты Ме-

режковскій и Гиппиусъ особымъ манифестомъ, который такъ и называется: „Мы и вы“, торжественно рвутъ отношенія съ вчерашними друзьями по „Міру Искусства“ и заявляютъ, что одинъ эстетизмъ не удовлетворяетъ ихъ душевнаго голода, что въ жизни и искусствѣ они хотятъ отвѣта на запросы иного порядка. Мережковскій же становится душою „Религіозно-философскихъ собраний“. Затѣяны были, правда, собранія, вкупѣ съ высшимъ духовенствомъ, съ цѣлью обратить позитивистскую интеллигенцію на путь „религіи“. Но эта положительная часть программы какъ-то сама собою испарилась, и собранія быстро превратились въ одну изъ ячеекъ освободительнаго движенія, гдѣ почти вся энергія дебатовъ сосредоточилась на изобличеніи правительственнаго гнета въ дѣлахъ вѣры. Вчерашніе аполитики превратились, такимъ образомъ, въ самыхъ активныхъ политиковъ. Одинъ изъ излюбленныхъ лозунговъ декадентства и реакціоннаго индивидуализма— „бунтъ личности“ противъ общественности принимаетъ теперь совсѣмъ иныя очертанія. Такъ нѣсколько позже изъ кружка одного изъ наиболѣе симпатичныхъ представителей „новыхъ теченій“ — Вячеслава Иванова, исходитъ цѣлое ученіе о „соборномъ индивидуализмѣ“ и „мистическомъ анархизмѣ“. Правда, о „мистическомъ анархизмѣ“ трудно говорить безъ улыбки. Это нѣчто въ родѣ нестрѣляющаго пистолета или, того вѣрнѣе, кондитерскаго пистолета изъ шоколада. Но, все-таки, очень знаменательно самое желаніе именоваться страшнымъ словомъ. Настроеніе сказывается во всемъ, и развѣ не характерно, что прежде „новыя теченія“ создали мистическое оправданіе *самодержавія*, а теперь сочинили мистическій *анархизмъ*?

Чѣмъ шире разрасталось освободительное движеніе, тѣмъ тѣснѣе и тѣснѣе къ нему примыкали недавніе активные и пассивные апологеты самодержавія и аполитики. Во всѣхъ выступленіяхъ интеллигенціи главари „новыхъ теченій“ принимаютъ такое-же участіе, какъ и тѣ, которыхъ они такъ недавно упрекали въ партійной ограниченности, которыхъ вышучивали за то, что они любовь къ „ближнему“ предпочитали любви къ „дальному“.

Но кульминаціоннаго пункта полная сдача декадентскаго аполитизма достигаетъ въ дни наибольшаго напряженія освободительной борьбы. Нѣкогда Минскій претендовалъ на печальное титло отца русскаго декадентства, затѣмъ предъ лицомъ петербургскихъ архіереевъ сокрушался о паденіи вѣры и въ своей „Религіи будущаго“ доказывалъ, что социаль-демократизмъ есть пошлость и нравственное мѣщанство. А теперь, съ наступленіемъ реальныхъ „дней свободы“, онъ становится не только социаль-демократомъ, не только „большевикомъ“, но самымъ крайнимъ изъ „большевиковъ“. Савль превращается въ Павла, который „борьбу классовъ“ понялъ въ прямомъ и непосредственномъ смыслѣ слова Пишется поистинѣ канибальскій „Гимнъ рабочихъ“:

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Наша сила, наша воля, наша власть.

Въ бой послѣдній, какъ на праздникъ, снаряжайтесь

Кто не съ нами, тотъ нашъ врагъ, тотъ долженъ пасть.

Когда „изъ развалинъ, изъ пожарищъ“ возникнетъ „искупленный новый міръ“, будетъ накрытъ большой столъ:

Кто работникъ, къ намъ за столъ! Сюда, товарищъ!

Кто хозяинъ, съ мѣста прочь! Оставь нашъ пиръ!

Братья-друзи! Счастьемъ жизни опьяняйтесь.

Наше все, чѣмъ до сихъ поръ владѣеть врагъ.

IV.

Постараемся отнестись вполне корректно къ этой, по мнѣнію многихъ, печальной сторонѣ перелома декадентства, къ этому, по мнѣнію многихъ, недостойному бѣганію за колесницей того, что въ серьезъ показалось триумфаторомъ. Возьмемъ переломъ настроенія нашего эллинско-вакхическаго декадентства съ самой симпатичной его стороны— въ области религіозныхъ исканій. То, что теперь принято обозначать однимъ общимъ наименованіемъ „религіозныхъ исканій“, въ дѣйствительности—нѣчто крайне разнородное. Тутъ и люди искренніе, и люди безусловно неискренніе, тутъ и настоящая глубина, тутъ и простое бѣганіе за модой. Достаточно констатировать, что въ лагерѣ „религіозныхъ исканій“ числятся и бывшіе марксисты и нововременцы, и остающіеся въ рядахъ партіи эсъ-деки и люди, совершенно разувѣрившіеся въ освободительномъ движеніи, чтобы стало ясно, до какой степени все это пестро и разношерстно.

Но для насъ въ данномъ случаѣ совсѣмъ и нѣтъ надобности анализировать и разбираться въ различныхъ религіозно-философскихъ построеніяхъ нашихъ новоявленныхъ мистиковъ, между которыми, увы, столь значителенъ процентъ простыхъ мистификаторовъ. Для насъ важно одно—и искреннія религіозныя исканія и поддѣлки подъ нихъ возвращаютъ русскую мысль въ старую, испоконъ вѣка ему родную область религіи добра, область мистицизма активнаго. Да, мистицизма. Мистицизма доподлиннаго, такъ какъ религія добра, которую исповѣдуетъ „атеистическая“ русская интеллигенція въ основѣ своей имѣетъ ничѣмъ раціоналистическимъ недоказуемое, основанное исключи-

13 | тельно на внутреннемъ мистическомъ порывѣ, желаніе быть добрымъ, а не злымъ. И это-то, конечно, и есть на стоящая религія. Вѣдь только люди, судящіе о вещахъ по наклееннымъ на нихъ этикеткамъ, могутъ серьезно думать, что русское передовое движеніе антирелигіозно. Религіозность—понятіе до такой степени дискредитированное у насъ клерикализмомъ, за грубо-языческой мнимою „религіозностью“ опредѣленного типа скрывается у насъ столько насильниковъ и корыстолюбцевъ, столько скверны у насъ творится во имя якобы „религіи“, что нравственно чуткому человѣку, не хочется и слово-то эти произносить. Но возьмите понятіе религіи въ его настоящемъ значеніи, т. е. въ смыслѣ ясной, *органически* - сознаваемой связи съ вѣчностью, въ смыслѣ категорическаго императива нравственности, наконецъ въ соединеніи съ основнымъ свойствомъ всякой истинной религіозности—готовности жертвы во имя того, что дорого. И тогда—гдѣ въ мірѣ есть болѣе религіозные люди, чѣмъ русская интеллигенція, чѣмъ русскіе „кающіеся дворяне“?

Религіозность, прежде всего, особый строй души, особая восторженная психическая организція, способная жить исключительно вѣрою въ незыблемую правоту своего убѣжденія. Самое содержаніе вѣрованія ровно никакого значенія не имѣетъ при опредѣленіи степени и силы религіозности. Иначе пришлось бы объявить нерелигіознымъ Лютера, когда въ немъ восторженная и глубокая преданность католицизму смѣнилась столь же глубокою ненавистью къ нему. Религіозенъ всякій, у кого *его* Богъ не только на языкѣ, но и въ сердцѣ. А въ чемъ онъ видитъ Бога своего—это его дѣло. Какъ *психическій типъ*, ничѣмъ не отличаются между собою добро-

вольный мученикъ за идею формально-религіозную и мученикъ за идею соціально-политическую.

Все дѣло только въ глубинѣ самой вѣры, въ убѣжденіи, что она всеобъемлюща и спасительна. Не нужно придавать никакого значенія тому, какъ человѣкъ самъ опредѣляетъ свое отношеніе къ религіозности. Настоящая вѣра—та вѣра, которая горами двигаетъ и царства опрокидываетъ, это нѣчто, столь проникающее человѣка, что ее словесными увѣреніями ни создашь, ни уничтожишь. Вѣра—это столь органическая связь съ будущимъ, съ вѣчностью, столь яркая и живая, что во имя ея вѣрующій жертвуетъ настоящимъ. Религіозенъ всякій энтузіастъ, потому что душа его не знаетъ сомнѣній и трепещетъ въ предощущеніи грядущаго торжества истины. Глубоко-религіозенъ, поэтому, Бѣлинскій, величайшій энтузіастъ русской литературы XIX вѣка. Столь же глубоко-религіозенъ и Добролюбовъ, который первоначально былъ пламенно-религіозенъ въ церковномъ смыслѣ, а потомъ съ тою же глубиною убѣжденія и восторга выработалъ себѣ міросозерцаніе діаметрально-противоположное. Религіозенъ и отецъ всякаго „безбожества“ Чернышевскій, потому что онъ былъ полонъ вѣры въ спасительность своего утопизма и потому что онъ создалъ вполне мистическое, несмотря на забавное стремленіе устранить внѣшнюю идеалистическую окраску, ученіе о „разумномъ эгоизмѣ“. Авторъ этой теоріи, видите ли, потому хочетъ добра людямъ, что это ему „пріятно“. Но откуда, однако, столь странный вкусъ находить „пріятность“ въ томъ, чтобы дѣлать ближнему именно добро, а не высосать изъ него всѣ соки? Какъ такой вкусъ согла-

совать съ принципомъ, на этотъ разъ доподлинно-немистическимъ, „борьбы за существованіе“ и съ другими „послѣдними словами науки“? Въ дѣйствительности, конечно, въ теоріи Чернышевскаго предъ нами трогательный споръ о словахъ, трогательная стыдливость идеально-прекраснаго и потому самому доподлинно-религіознаго человѣка, который спѣшитъ устранить все то, что давало бы поводъ хвалить его душевную красоту. А вершины религіозности достигли тѣ борцы за благо родины, которые безтрепетно пошли на муки и смерть въ радостномъ сознаніи, что своими страданіями готовятъ почву для торжества своихъ вѣрованій. Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ борцы за свободу опредѣленно сознавали, что побѣда еще очень далека, что поднимается еще только второй или третій валъ, что до сокрушительнаго девятаго вала имъ и не дожить. Но порывъ былъ неудержимъ, шли не оглядываясь, готовы были погибнуть и незамѣтною частицею этого еще слабаго вала.

И, конечно, тутъ передъ нами уже не просто религіозность, а ступень высшая. Что сказалъ Тургеневъ, человѣкъ совсѣмъ иныхъ убѣжденій, о дѣвушкѣ, обаятельный образъ которой далъ намъ въ „Порогѣ“? И по собственному опредѣленію, и по казенной характеристикѣ она—„невѣрующая“, „безбожница“. Но Тургеневъ ее назвалъ „святой“, потому, что святъ всякій, кто кладетъ душу свою за благо ближнихъ своихъ. Въ чемъ онъ видитъ благо—это вопросъ, не имѣющій никакого значенія. Важна только жажда подвига и готовность къ самопожертвованію. И эта жажда жертвы, ничѣмъ рациональнымъ не объяснимая, глубоко сидящая въ области безсознательнаго, и

есть мистицизмъ настоящій, религіозность доподлинная.

Несмыываемый грѣхъ ядовитаго пустоцвѣтенія (и оттого-то и пустоцвѣтъ оно) декадентства въ томъ и заключается, что оно хотѣло подкопаться подъ эту истинную, живую религіозность русскаго самосознанія. Эстетизмъ вмѣсто морали, вакхизмъ вмѣсто аскетизма, безразличіе вмѣсто опредѣленнаго и *единственнаго* пути добра,—все это органически чуждо ищущей подвига русской психикѣ.

V.

Съ отреченіемъ отъ аморализма и аполитизма, пропала, естественно, вся ненавистная окраска перваго аморальнаго и аполитическаго періода „новыхъ теченій“. Можно соглашаться или не соглашаться съ Мережковскимъ послѣднихъ лѣтъ, но это, все-таки, исканіе Бога настоящаго, Бога страданій и самопожертвованія. Въ этотъ періодъ своихъ исканій, Мережковскій не остановится передъ тѣмъ, чтобы безтрепетно говорить о сущности патріотизма, о государственности, о русской революціи, съ послѣдовательностью и силою духа, до которой возвышался только одинъ Толстой.

Это возвращеніе „новыхъ теченій“ въ старое русло привело къ важнымъ результатамъ для русскаго литературнаго сознанія. Не могъ не быть плодотворнымъ синтезъ той доли несомнѣнно цѣнныхъ стремленій, которыя заключало въ себѣ декадентство и символизмъ съ той основной альтруистической и аскетической сущностью русской литературы, которая придаетъ ей такое неотразимое обаяніе.

мнѣ отъ назрѣваемаго

Какъ всякій анализъ, критическое отношеніе „новыхъ теченій“ къ „старымъ“ завѣтамъ нашей литературы заключалъ въ себѣ и много правды.

Подъ могучимъ воздѣйствіемъ Ницше, Ибсена, подѣ влияніемъ интереса къ непознаваемому и недостижимому происходила переоцѣнка всѣхъ цѣнностей и въ томъ числѣ прежней прямолинейности. Прежнее позитивное отмахиваніе отъ всего неопостижимаго и недостижимаго не однимъ декадентамъ начинаетъ казаться недостойнымъ бѣгствомъ отъ сложной задачи и малодушіемъ. Вѣчные вопросы о жизни и смерти, о стихійныхъ элементахъ въ человѣкѣ, о любви не только къ ближнему, но и къ дальнему, о таинственныхъ началахъ бытія, — всѣ эти неразрѣшимые, но именно въ своей неразрѣшимости и привлекательныя проблемы снова получаютъ притягательную силу. Простое отраженіе быта и жизни начинаетъ казаться слишкомъ ограниченнымъ, манять къ себѣ порывы неясные и неопредѣленные.

Рядомъ съ этою переменною руководящихъ настроеній, естественно назрѣвала та необходимость въ чисто-литературной эволюціи, на которую я уже указывалъ. Для сумеречныхъ чувствъ, для неопредѣленныхъ томленій, для созерцанія отдаленныхъ горизонтовъ прежній, натуралистическій по преимуществу, стиль былъ тѣсенъ. Дымка модернистской манеры ближе подходила къ новой настроенности въ прозѣ. Свободные, часто болѣе музыкальные, чѣмъ пластическіе метры, экзотическая красочность, нарядная красота мѣла отвѣчали новой настроенности въ поэзіи.

Новой настроенности съ ея расширенными горизонтами и утонченной литературной манерой только и нужно было какъ Антею приложиться

къ землѣ, къ исконнымъ настроеніямъ русской литературы, чтобы получились результаты важные и значительные.

Этотъ синтезъ новаго стиля и болѣе углубленнаго отношенія къ вещамъ сказался и въ литературной дѣятельности писателей, официально ничего общаго не имѣвшихъ съ „новыми теченіями“.

Несомнѣнно, подѣ влияніемъ этого синтеза окончательно сложился Чеховъ, въ высококомъ дарованіи котораго такъ прекрасно сочеталось все то, что было хорошаго въ новыхъ стремленіяхъ съ исконными порывами русской литературы. Создателя новой формы русской прозы, конечно, не одна внѣшняя эволюція вознесла на высшія ступени творчества, а то, что онъ въ эту новую форму облекъ великую русскую тоску.

Не ушелъ отъ новыхъ вѣяній и Горькій. Въ гордой самоувѣренности его, помимо основного влиянія подъема общественнаго сознанія 90-хъ годовъ, безспорно сказалось ничтожеское представленіе о сверхчеловѣкѣ. Это даже подтверждается данными изъ исторіи его умственнаго развитія. Что касается литературной манеры Горькаго, то, конечно, романтическая окраска ея могла появиться только въ такую эпоху, когда реализмъ поблекъ и явилась потребность отвлечься отъ быта.

Именно въ томъ, что Горькій романтикъ—главная причина, почему онъ такъ бурно завоевалъ симпатіи изнывашаго отъ гнета сѣрой обыденщины русскаго читателя. Заражала его гордая и бодрая вѣра въ силу и значеніе личности, отразившая въ себѣ одинъ изъ знаменательнѣйшихъ переворотовъ русской общественной психологіи. Горькій—органическій продуктъ и художественное воплощеніе того индивидуалистическаго направленія, которое приняла

европейская мысль послѣднихъ 20—25-ти лѣтъ. Ничего не значитъ, что герои его разсказовъ— „босяки“ и всяческіе отбросы общества. У Пушкина, въ началѣ его дѣятельности, мѣсто дѣйствія— разбойничьи вертепы и цыганскіе таборы; и однако, это было полнымъ выраженіемъ байронизма, т. е. умственного и душевнаго теченія, выпедшаго изъ нѣдръ самыхъ культурныхъ слоевъ самой культурной изъ европейскихъ націй. Нѣтъ ничего необычайнаго и въ томъ, что устами босяковъ Горькаго говоритъ самая новая полоса европейской и русской культуры. Философія этихъ босяковъ—своеобразнѣйшая амальгама жесткаго ницшеанскаго поклоненія силѣ съ тѣмъ безграничнымъ, всепроникающимъ альтруизмомъ, который составляетъ основу русскаго демократизма. Изъ ницшеанства тутъ взята только твердость воли, изъ русскаго народолюбія— вся сила стремленія къ идеалу.

Если, при внимательномъ анализѣ, несомнѣнна связь Горькаго съ „новыми теченіями“, то уже внѣ всякаго спора синтезъ новаго стиля съ старымъ содержаніемъ сказался въ творчествѣ Леонида Андреева. Совершенный модернистъ по внѣшнимъ пріемамъ, онъ наполняетъ душу читателя ужасомъ и съ первокласснымъ мастерствомъ изображаетъ слѣпой кошмаръ жизни, гдѣ мы являемся игрушкою таинственныхъ силъ, неподлежащихъ учету ума нашего. За исключеніемъ первыхъ разсказовъ Андреева, почти все имъ написанное своего рода литературный кошмаръ, гдѣ все мракъ, безысходная тоска или прямое безуміе. Написано все это импрессионистски—безъ ясныхъ, опредѣленныхъ контуровъ, пятнами, еле намѣчающими общее впечатлѣніе,—и вмѣстѣ съ тѣмъ символически, съ тѣмъ сосредоточеніемъ вниманія на одномъ пунктѣ, при

которомъ все остается въ тѣни, кромѣ впечатлѣнія, которое авторъ хочетъ неизгладимо оставить въ сознаниі читателя. Дѣйствующія лица двигаются какъ тѣни. Мы часто не знаемъ даже фамиліи ихъ, не знаемъ, кто они, откуда взялись, какъ проходить ихъ жизнь.

Невѣдомо откуда и какъ нарастаетъ также неопредѣленное, но острое тревожное настроеніе, подготовляющее всякаго рода катастрофы. Однимъ изъ главныхъ элементовъ трагедіи человѣческаго существованія творчество Андреева считаетъ взаимное непониманіе, отчужденность, ужасъ одиночества. Этой любимой темѣ новоевропейской символистической литературы посвящены цѣлый рядъ разсказовъ Андреева—„У окна“, „Молчаніе“, „Въ темную даль“ и др. Часто драма одиночества разыгрывается среди людей любящихъ другъ друга, которые могли бы облегчить другъ другу страданія. Но отчужденіе—и то, которое зависитъ отъ людей, и то, которое отъ нихъ не зависитъ,—неумолимо и неотвратно гонить къ роковой развязкѣ.

Дыханіе Смерти,—и не отъ человѣка зависящей и добровольной вѣетъ надъ всѣмъ творчествомъ Андреева. Смерть есть всеразрѣшающая развязка жизни и это доступно всякому. Для героевъ Андреева особенно заманчиво изреченіе Заратустры: „Если жизнь не удастся тебѣ, если ядовитый червь пожираетъ твое сердце, знай, что удастся Смерть“. И она, конечно, удастся... Къ ужасамъ сознательнаго существованія Андреевъ привлекаетъ не только неодушевленную природу—ночь, которая у него всегда „злая“, разные шумы и страшные порохи, зловѣщіе пейзажи, огонь и т. д., но и отвлеченные понятія. Эти понятія онъ превращаетъ въ живыя существа, но какой-то особенной, двойной субстан-

одиночество

ці—и аллегорической и реальной. Одно олицетвореніе непрерывно переходитъ въ другое, исчезаетъ грань между будущимъ, настоящимъ и прошлымъ. Все окутано въ какой-то мистико-аллегорическій туманъ, задача котораго наполнить душу читателя острымъ, живымъ ужасомъ, смѣсью реального съ нереальнымъ, опредѣленнаго съ неопредѣленнымъ. Создается то ощущение безформеннаго, но страшнаго именно своею безформенностью кошмара, которое испытывается во снѣ или безуміи, когда не возможно отдѣлить ложь отъ правды. Насквозь проникнутый сознаниемъ ужаса жизни, Андреевъ изъ этого ужаса не исключаетъ любовь, онъ убѣжденъ, что и надъ наружною красотою цвѣтовъ любви скрыта ядовитая змѣя темныхъ и роковыхъ силъ жизни. Значительная часть написаннаго Андреевымъ совершенно опредѣленно относится къ психо-патологіи, являющейся, однако, только символомъ психологіи нормальной. Андреевъ намѣренно стираетъ полосу перехода отъ нормальнаго къ ненормальному. Для него ненормальное—только творческій приѣмъ, аналогичный тому, какъ въ логикѣ узаконено доведеніе послѣдовательности до абсурда, съ цѣлью достигнуть наглядности въ освѣщеніи извѣстнаго тезиса. Съ помощью этого приѣма онъ въ „Мысли“, напр., старается выразить основное положеніе своего мрачнаго міропониманія—бессиліе наше въ борьбѣ съ неизвѣданными силами жизни. Горда наша „мысль“ своею автономностью, а на самомъ дѣлѣ это одна иллюзія. А показавъ какъ безсильна „мысль“ въ борьбѣ съ неизвѣданными силами окружающаго хаоса, Андреевъ беретъ за разрушеніе другой вѣковѣчной основы челоуѣческаго чаянія—вѣры.

Таковы темы, таковы приѣмы Андреева.

Естественно, что всякое сколько-нибудь внимательное изученіе Андреева не может обойтись безъ сопоставленія его съ облюбованнымъ модернистами отцомъ „литературы ужасовъ“ Эдгаромъ По и новоевропейскимъ символизмомъ. Но это соотношеніе отнюдь не слѣдуетъ преувеличивать. Въ самомъ существѣ своемъ творчество Андреева, однако, глубоко различно и отъ исключительно-нервной распатанности Эдгара По и еще болѣе отъ аристократическаго презрѣнія къ жизни символизма „Ужасы“ По въ подавляющемъ большинствѣ— виртуозная выдумка, „одинокіе“ люди Ибсена, Метерлинка, даже Гауптмана полны гордаго сознанія своего превосходства надъ низменною житейскою прозою. У Андреева, напротивъ того, всѣ забиты, придавлены, принижены. «Лейт-мотивъ» его творчества—безысходное, реальное *страданіе*, и это-то органически и связываетъ его съ общимъ направленіемъ русской литературы, чуткой къ страданію прежде всего.

VI.

Обратимся, однако, къ модернистамъ форменнымъ.

Чисто-декадентская полоса „новыхъ теченій“, полоса проповѣди эллинскаго веселія и эгоистическаго самодовлѣнія, ничего не дала русской литературѣ. Минскій написалъ нѣсколько вдумчивыхъ стихотвореній, но что сказать о главномъ продуктѣ декадентской полосы его творчества—пресловутой драмѣ „Альмъ“? Слабая по исполненію, она прямо безобразна по своей дико-фальшивой и потому антихудожественной задачѣ:

во имя какой-то совершенно - отвлеченной „свободы“, съ которой не извѣстно что дѣлать надо, лишить женщину материнства. „Символическіе“ стихи Мерещковскаго не цѣнятся даже самыми горячими его поклонниками. Многообѣщавшее, изящное дарованіе Зинаиды Гиппиусъ замерзло въ холодѣ чисто-головного желанія стать російской Геддой Габлеръ. Брюсовъ, какъ уже было сказано, пужалъ добрыхъ людей нарочитыми бессмыслицами, а нарочитость какой же источникъ художественности. Бальмонтъ забавлялся алитераціями и въ чуждой его натурѣ „сѣверной“ настроенности не могъ проявить крившейся въ немъ поэтической силы. Крупный талантъ Сологуба создавалъ безобразныя вещи въ родѣ „Тяжелыхъ сновъ“, гдѣ нѣтъ того, что придаетъ такую силу его позднѣйшихъ повѣстямъ и стихамъ—страданія. О подголоскахъ декадентства уже и говорить нечего—это сплошное антихудожественное кривляніе, не чуждое даже спекуляціи на скандалѣ.

Несравненно плодотворнѣе и богаче талантливостью въ исторіи русскаго модернизма синтетическій періодъ соединенія стараго исканія правды съ новой формой и углубленнымъ отношеніемъ къ вѣчнымъ вопросамъ жизни. Исчезаетъ напряженность, но остается красочность. Совсѣмъ по иному складывается дѣятельность зачинателей декадентства, когда они отказываются отъ первоначальнаго ломанія и такъ или иначе входятъ въ душевную связь съ исконнымъ, суровымъ складомъ нашей правдо-ищущей литературы.

Настоящую художественную силу обрѣлъ въ себѣ Брюсовъ, отбросивши дешевое эффектичаніе. Этого тѣмъ легче было достигнуть, что Брюсовъ—поэтъ мысли по преимуществу; порывы поэтиче-

ской безотчетности, которые такъ характеризуютъ главу новой школы,—Бальмонта, ему чужды. Поэтому у него въ неудачныхъ стихахъ такъ много надуманности, въ удачныхъ стройности. По общему складу своего спокойно-созерцательнаго писательскаго темперамента, Брюсовъ — чистѣйшій классикъ и, являясь головнымъ проповѣдникомъ символизма, онъ по существу съ этимъ неоромантическимъ и мистическимъ теченіемъ душевнаго сродства не имѣетъ.

Отказавшись отъ бьющихъ на эффектъ выходовъ, Брюсовъ совершенно неожиданно увлекается такою областью жизни, которая весьма мало вяжется съ декадентствомъ. Не знаменательно ли, что искатель „несозданныхъ созданий“ и „звонкозвучной тишины“, правда подъ вліяніемъ Верхарна, но, все-таки, первый въ русской поэзіи становится пѣвцомъ „города“! Онъ воспѣваетъ городскую жизнь въ ея цѣломъ, даже электрическія конки, это „вольные челны шумящихъ и строгихъ столицъ“, сѣтъ телеграфныхъ проволокъ, сложенный въ кучи снѣгъ. Улица полна для поэта символическаго значенія, въ стѣнахъ домовъ онъ видитъ „думы племень охладѣлыхъ“, весною ему кажется, что „даль улицы исполнена тѣней. Вдали, вблизи,—все мнѣ твердитъ о смѣнѣ: и стаи птицъ, кружащихъ надъ крестомъ, и ручеекъ, звеня, бѣгущій въ пѣнѣ и женщина съ огромнымъ животомъ“.

Открывается, такимъ образомъ, цѣлая новая область художественнаго воспроизведенія. И если припомнить, что родился у Брюсова этотъ интересъ именно тогда же, когда и русская общественная мысль перенесла центръ интересовъ русской жизни въ городъ, то какъ тутъ не увидѣтъ

прямых нитей, хотя въ данномъ случаѣ незримыхъ и несознаваемыхъ самимъ поэтомъ.

И чѣмъ дальше, тѣмъ Брюсовъ все болѣе и болѣе отстаетъ отъ первоначальныхъ искусственныхъ настроеній, все больше и больше начинаетъ интересоваться реальной дѣйствительностью. „Здравствуй, жизни повседневной грубо-кованная рѣчь. Я хочу извѣдать тайны жизни мудрой и простой. Всѣ пути необычайны, путь труда, какъ путь иной“. Въ немъ все растетъ обозначившаяся такъ опредѣленно впервые въ его „Tertia Vigilia“ любовь къ городу,—къ уличной жизни, интересъ даже къ газовымъ фонарямъ, къ дыму трубъ и т. д. Настроенія поэта теперь тѣсно связаны съ самыми мелкими явленіями городской жизни, съ какимъ нибудь „рѣзкимъ стукомъ пролетки въ тишинѣ“. Всего менѣе по-„декадентски“ онъ присматривается къ городской тяготѣ и нуждѣ и весьма своеобразно отзывается на нее: вызывая, напр., ангела съ неба, онъ заставляетъ его помогать мальчику, который „изъ силъ выбивается, бочку на гору не втащить никакъ“. Любой сборникъ „гражданскихъ“ мотивовъ украсить извѣстное стихотвореніе „Каменщикъ“, — діалогъ между поэтомъ и каменщикомъ въ „фартукѣ бѣломъ“, который строить тюрьму, предчувствуя, что туда попадетъ его сынъ. Въ связи съ интересомъ къ городскому быту, очень оригинально разработана Брюсовымъ народно-городская и фабричная пѣсня, такъ называемая „частушка“.

Новой чертой въ творествѣ Брюсова сравнительно съ эротикой „модернизма“ является стремленіе извлечь половое чувство изъ прежняго желанія декаденства—шеголять порочностью и утонченной развращенностью. Нельзя не признать за-

мѣчательной попытку Брюсова выдѣлить въ излюбленной модернизмомъ „половой проблемѣ“ элементъ наслажденія отъ таинства материнства. Въ превосходной пьесѣ „Habet illa in alvo“ говорится о самыхъ скользкихъ подробностяхъ съ той величавой простотою и цѣломудренною серьезностью, съ которой говорятъ о таинствѣ зачатія библейскія преданія и народная поэзія Юга.

Въ общемъ, продолжая разрабатывать и сюжеты чисто-модернистскіе, Брюсовъ, по выбору темъ, становится эклектикомъ по преимуществу. „Въ „Tertia Vigilia“ онъ прямо заявляетъ: „Мнѣ сладки всѣ мечты, мнѣ дороги всѣ рѣчи, и всѣмъ богамъ я посвящаю стихъ“; въ „Urbi et Orbi“ еще рѣшительнѣе говорить: „Хочу, чтобъ всюду плавала свободная ладья, и Господа и Дьявола хочу прославить я“. Этотъ эклектизмъ находится въ связи съ теоретическими взглядами Брюсова на искусство, въ которомъ, по его убѣжденію, „всѣ настроенія равноцѣнны“. Онъ энергически протестуетъ противъ какихъ-либо обособленныхъ взглядовъ на поэзію. „Я равно люблю и вѣрныя отраженія зримой природы у Пушкина или Майкова, и порыванія выразить сверхчувственное, сверхземное у Тютчева или Фета, и мыслительныя раздумья Баратынскаго, и страстныя рѣчи гражданскаго поэта, скажемъ Некрасова“. Главная задача „новаго искусства“ — „даровать творчеству полную свободу“. Выступая въ брошюрѣ „Объ искусствѣ“ съ рѣшительнымъ заявленіемъ, что, „въ искусствѣ для искусства нѣтъ смысла“, онъ позднѣе, въ предисловіи къ „Tertia Vigilia“, высказываетъ убѣжденіе, что „попытки установить въ новой поэзіи незыблемые идеалы и найти общія мѣрки для оцѣнки, должны погубить ея смыслъ. То было

бы лишь смѣной однѣхъ узъ на новыя. *Кумиръ Красоты столь же бездушень, какъ кумиръ Пользы*“.

Въ конечномъ результатѣ Брюсовъ-позднѣйшій, Брюсовъ періода синтетическаго модернизма и Брюсовъ періода первоначальнаго декадентства— настолько разошлись между собою, что Брюсовъ-позднѣйшій выбросилъ изъ собранія своихъ стихотвореній почти все то, что опредѣляло литературную фізіономію Брюсова первоначальнаго.

Необычайно ярко расцвѣтаетъ талантъ Бальмонта, когда его, хотя и сквозь призму модернистскаго индивидуализма и эгоцентричности, охватилъ тотъ же самый подъемъ общественнаго самосознанія, то же самое общественное возбужденіе конца вѣка, которое сказалось въ гордой самоувѣренности марксизма. Бальмонтъ и Горькій— какое странное сопоставленіе съ перваго взгляда! Но, конечно, они родные братья по яркости чувствованія, по презрѣнію къ окружающему, по увѣренности въ своей силѣ.

Эволюцію настроеній Бальмонта надо прослѣдить въ связи съ необыкновенно-отвлеченнымъ характеромъ всей его поэзіи вообще. Надо помнить, что основная черта ея—желаніе всецѣло отрѣшиться отъ условій времени и пространства и всецѣло уйти въ царство мечты. Среди многихъ сотенъ стихотвореній многочисленныхъ сборниковъ Бальмонта до самаго послѣдняго времени, когда его заинтересовали русскіе сказочные сюжеты, у него почти нѣтъ стиховъ на русскія темы. Да и вообще люди и дѣйствительность мало занимаютъ Бальмонта. Онъ поетъ по-преимуществу небо, звѣзды, море, солнце, „безбрежности“, „мимолетности“, „тишину“, „прозрачность“, „мракъ“, „хаосъ“, „вѣчность“, „высоту“, сферы, лежащія

„за предѣлами предѣльнаго“. Эти отвлеченныя понятія Бальмонтъ для вящшей персонификаціи даже пишетъ съ большой буквы; онъ обращается съ ними, какъ съ живыми реальностями, и въ этомъ отношеніи онъ, послѣ Тютчева,—самый проникновенный среди русскихъ поэтовъ пантеистъ. Но, собственно, живую, реальную природу,—дереву, траву, синеву, плескъ,—онъ совсѣмъ не чувствуетъ и *описывать* почти и не пытается. Его интересуеть только отвлеченная субстанція природы какъ цѣлаго. Онъ почти лишенъ способности рисовать и живописать, его ландшафты неопредѣленны, про его цвѣты мы узнаемъ только, что они „стыдливые“, про его море,—что оно „могучее“, про звѣзды,—что онѣ „одинокія“, про вѣтеръ,—что онъ „беззаботный, безотчетный“ и т. д. Настоящихъ поэтическихъ, т. е. живописныхъ образовъ у него нѣтъ; онъ весь въ эпитетахъ, въ отвлеченныхъ опредѣленіяхъ, въ перенесеніи своихъ собственныхъ ощущеній на неодушевленную природу. Передъ нами, такимъ образомъ, типичная символическая поэзія, поэзія смутныхъ настроеній и туманныхъ очертаній, поэзія рефлексии по-преимуществу, въ которой живая, непосредственная впечатлительность отступаетъ на второй планъ, а на первый выдвигается стремленіе къ синтезу, къ философскому уясненію общихъ основъ міровой жизни. Имѣя на то извѣстное право, Бальмонтъ считаетъ себя поэтомъ стихій. „Огонь, Вода, Земля и Воздухъ,—говоритъ онъ въ предисловіи къ собранію своихъ стиховъ,—четыре царственные стихіи, съ которыми неизмѣнно живетъ моя душа въ радостномъ и тайномъ соприкосновеніи“. И тѣмъ не менѣе, при всемъ стремленіи уйти отъ земли и людей, Бальмонтъ

гораздо ближе къ нимъ, чѣмъ это думаетъ. Онъ не только не ушелъ отъ жизни вообще, онъ даже не ушелъ отъ условій русской дѣйствительности. За свою сравнительно недолгую литературную дѣятельность Бальмонтъ пережилъ существенную эволюцію общаго настроенія своего. Ему самому эта эволюція представляется въ исключительно символическихъ очертаніяхъ, связанныхъ съ заглавіями сборниковъ его стихотвореній. Характеризуя свое творчество, онъ говоритъ, что оно началось „съ печали, угнетенности и сумерекъ. Оно началось подъ сѣвернымъ небомъ, но силой внутренней неизбѣжности, чрезъ жажду Безграничнаго, Безбрежнаго, чрезъ долгія скитанія по пустыннымъ равнинамъ и проваламъ Тишины, подошло къ радостному Свѣту, къ Огню, къ побѣдительному Солнцу“. На самомъ дѣлѣ, смѣна настроеній поэта находится въ самой тѣсной, органической связи съ общественно-литературной эволюціей послѣдней четверти вѣка. Чтобы показать это, достаточно подставить хронологическія даты. Зародившись въ самую безнадежную полосу русской общественности,—въ эпоху 80-хъ годовъ,—творчество Бальмонта, дѣйствительно, началось съ тоскливыхъ „сѣверныхъ“ настроеній и черныхъ тоновъ. Но возбужденность, составляющая основу темперамента поэта, не дала ему застыть въ черныхъ тонахъ, которые навсегда окрасили творчество другого выразителя безвременья 80-хъ годовъ, Чехова. Послѣ переходной стадіи,—бѣгства отъ печали земли въ свѣтлую область „Безбрежнаго“, яко-бы отрѣшившагося отъ всего „конечнаго“ поэта,—какъ я уже отмѣчалъ выше, своеобразно, но весьма ярко захватываетъ тотъ замѣчательный подъемъ, который со средины

90-х годовъ сказался въ задорѣ марксизма и дерзкомъ вызовѣ Максима Горькаго. Именно въ это-то время Бальмонтъ и подошелъ къ „Побѣдному Солнцу“. Именно тогда-то стихійная поэзія Бальмонта становится яркой и красочной. Онъ совершенно перестаетъ ныть, онъ буйно хочетъ „разрушать зданія“, хочетъ „быть какъ солнце“, онъ воспѣваетъ только бурныя, жгучія страсти, бросаетъ вызовъ традиціямъ, условности, старымъ формамъ жизни.

Въ моемъ желаніи подчеркнуть существеннѣйшую эволюцію, которую пережилъ русскій модернизмъ, мнѣ, можетъ быть, всего труднѣе будетъ справиться съ Сологубомъ. И это несмотря на то, что въ знаменательный 1905 годъ онъ писалъ стихи и политическія сказки удивительной силы и рѣзкости. Муки совѣмъ особаго рода слышатся въ душевной драмѣ Ѳедора Сологуба и въ рядахъ русскаго декадентства и модернизма онъ занимаетъ совѣмъ особое мѣсто. Въ то время какъ общеою чертою декадентства является ломаніе, напускныя чувства, ходульность, напряженность, Сологубъ, напротивъ того, писатель безусловно-искренній, въ томъ смыслѣ, что все имъ создаваемое естественно и органически связано съ его психопатологическимъ писательскимъ темпераментомъ. Вѣчный сумракъ дѣйствительно царитъ въ творческой душѣ Сологуба и ни одинъ лучъ солнца не освѣщаетъ это подземелье. Исканіе смерти, безуміе и похоть сплетаются въ творествѣ Сологуба въ одинъ страшный кошмаръ. И у поклонниковъ Сологуба изъ лагеря декадентскаго есть основаніе, когда они его, съ особымъ смакованіемъ чего-то очень пикантнаго, опредѣляютъ какъ поклонника „дьявола“. Да и самъ Сологубъ въ одномъ изъ сво-

ихъ стихотвореній заявилъ: „И вѣренъ я, отецъ мой, Дьяволъ, обѣту, данному въ злой часъ, когда я въ бурномъ морѣ плавалъ, и Ты меня изъ бездны спасъ. Тебя, отецъ мой, я прославлю въ укоръ неправедному дню, хулу надъ міромъ я возславлю и соблазняя соблазну“. По собственному опредѣленію, онъ „рабъ вождельнѣя большого и злого“ и весь отдался „мечтѣ порочной“. И тѣмъ неменѣе, опредѣленіе поэзіи Сологуба какъ служенія „дьяволу“ абсолютно невѣрно, потому что съ понятіемъ о „дьяволѣ“ связано представленіе о чемъ-то торжествующемъ и наслаждающемся. А этого то и слѣда нѣтъ у Сологуба. Цѣлый рядъ грустнѣйшихъ признаній даютъ картину безотраднѣйшей внутренней жизни его. И недаромъ лирика и проза Сологуба прямой гимнъ смерти. Если уже держаться демонологіи, то общее настроеніе и поэзіи, и прозы Сологуба можно опредѣлить страннымъ, повидимому, областнымъ словомъ „недотыкомка“, введеннымъ въ литературу Сологубомъ. Образъ „недотыкомки“ получаетъ особое развитіе въ замѣчательномъ, полубредовомъ романѣ Сологуба „Мелкій бѣсъ“, герою котораго—маниаку Передонову—„недотыкомка“ представляется „грязнымъ, вонючимъ, противнымъ и страннымъ“ существомъ; „дымная, многовидная“ она мелко лжетъ, „визгливо хохочетъ“ и, лишенная всего того блеска, съ которымъ всегда связано понятіе о демоническомъ, окутываетъ жизнь грязной, сѣрой пеленой. Передъ нами, такимъ образомъ, новый, еще не описанный видъ человѣческаго страданія, страшнаго своею сѣростью. И вотъ эта то сѣрость сообщаетъ основной тонъ сологубовскому служенію „дьяволу“. Сологубъ себя сравниваетъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній съ жалкимъ

подзаборнымъ звѣробоемъ. Отъ сѣрости кучи сора, на которой онъ выросъ, его и тянетъ къ „нарицѣ радостнаго зла“ и къ „великой типинѣ“ смерти. И эта тоска совершенно переиначиваетъ общее впечатлѣніе отъ кошмарнаго творчества Сологуба. Пусть даже временами этому творчеству органически присуще прямое и неприкрытое мучительство. И, все-таки, впечатлѣніе отъ совокупности литературной дѣятельности Сологуба ни мало не „соблазняющее“. Глубокое страданіе, которымъ отмѣчено все, что писалъ Сологубъ, возбуждаетъ только глубокое чувство состраданія къ его безнадежно гибнущему настроенію. Декадентство самодовольно кичилось своею порочностью. Этого дешеваго и потому пошлаго кокетничанія и слѣда нѣтъ въ истинно-скорбной, трагической психологій Сологуба. Вотъ почему Сологубъ захватываетъ совершенно независимо отъ содержанія своихъ патологическихъ писаній. Въ литературѣ рѣшающее, основное впечатлѣніе даетъ не содержаніе, а эмоціональная сторона произведенія, тонъ музыки, окраска. Если мнѣ новѣйшая фаза русскаго модернизма кажется возвращеніемъ къ исконнымъ завѣтамъ русской литературы, то не по темамъ и не потому, что онъ изъ реакціоннаго сталъ радикальнымъ, а потому, что въ немъ снова звучатъ теперь ноты серьезныя и величавыя, думы тревожныя и страдальческія. И вотъ именно страдальческія думы у Сологуба жгучѣе, чѣмъ у кого бы то ни было въ современной литературѣ.

Изъ старшихъ модернистовъ мнѣ остается теперь отмѣтить эволюцію мысли главнаго глашатая модернизма на всѣхъ этапахъ его развитія—Мережковскаго.

Въ высшей степени благодѣтельно сказался

отказъ отъ бездушнаго эстетизма и декадентскаго аморализма на литературной дѣятельности Мережковскаго. Говорю нарочно „литературной дѣятельности“, потому что все, что пишетъ Мережковскій,—его романы, блестящія критическія характеристики, религіозно-философскіе этюды, памфлеты,—представляетъ собою не поддающуюся опредѣленной классификаціи мозаику, гдѣ трудно провести грань между чистой художественностью и „прозой“. Талантъ Мережковскаго очень своеобразенъ въ томъ отношеніи, что при несомнѣнной холодности эмоциональной у него есть настоящий пафосъ мысли. И вотъ эта-то патетическая сторона его дарованія не находила себѣ пищи, когда надо было въ угоду аморализму и изящному „язычеству“ изображать изъ себя какого-то Петронія или ударяться въ символы, которые всегда холодны. Въ декадентскую полосу своей литературной эволюціи Мережковскій почти всегда былъ напряженно-ходулень. Но онъ прямо напелъ себя, когда въ немъ заговорила потребность убѣждать отъ аморализма въ область созданія новаго религіознаго сознанія. Нѣтъ никакой надобности хотя бы въ малѣйшей степени раздѣлять противорѣчивую, изъ стороны въ сторону бросающуюся теологию Мережковскаго, чтобы признать самое богоисканіе его однимъ изъ наиболѣе крупныхъ литературныхъ явленій послѣдняго десятилѣтія. Для опредѣленія значительности даннаго литературнаго явленія совѣмъ не имѣетъ рѣшающаго значенія сущность. Важна жгучесть и острота самаго исканія. И она-то, несомнѣнно, сказалась въ Мережковскомъ, когда онъ понялъ пустынную чистаго эстетизма, не одухотвореннаго жаждой нравственнаго совершенствованія. Въ немъ от-

крылся родникъ истиннаго благородства, придающаго не только привлекательность, но и силу всему, что выходитъ изъ-подъ его пера. Чувствуются муки мысли, дѣйствительно тревожной, не боящейся никакихъ выводовъ и потому не разъ возвышающейся до настоящей проникновенности.

И куда же привела Мережковскаго его тревожная мысль?

Прочитирую заключительныя строки изъ „Миръ, но мечъ“, послѣдняго изъ пророчески-художественныхъ произведеній Мережковскаго:

„Такіе одинокіе, слишкомъ ранніе анархисты, какъ Бакунинъ, Толстой, Штирнеръ, Ницше,—горныя вершины, озаряемыя первыми лучами дня; а внизу, гдѣ еще темная ночь,—безчисленные невѣдомые братья наши, всемірный рабочій народъ, великое воинство грядущей всемірной революціи. Мы вѣримъ, что рано или поздно дойдетъ и до нихъ громовый голосъ русской революціи, въ которомъ зазвучитъ надъ старымъ европейскимъ кладбищемъ труба архангела, возвѣщающая страшный судъ и воскресенье мертвыхъ“.

Не будемте входить въ анализъ этой удивительной амальгамы изъ Бакунина и Толстого, Штирнера и Ницше. Возьмемъ только общій тонъ этого апокалиптически-анархическаго предвозвѣщенія, остановимся только на томъ, что Бакунинъ и Штирнеръ, по Мережковскому,—первые лучи дня. Это говоритъ тотъ самый Мережковскій, который столь недавно всецѣло мирился съ самодержавіемъ.

Мережковскій въ настоящее время—одинъ изъ самыхъ пламенныхъ провозвѣстниковъ религіозно-соціальной реформаціи. Онъ—несомнѣнный анархистъ. Конечно, анархистъ особаго типа, рели-

гіозно-мечтательнаго, собирающійся свергнуть государство только въ путяхъ любви. Но все-таки свергнуть. Буржуазный строй ему глубоко-противенъ, „какой-нибудь“ парламентаризмъ для него слишкомъ мелокъ. И если мы припомнимъ, что къ религіозно-общественнымъ мечтаніямъ Мережковскаго тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ и Зинаида Гиппіусъ, нѣкогда провозвѣстившая, что надо любить себя, какъ Бога, то буду ли я имѣть право сказать слѣдующее:

Отъ эгоистической, узко эстетической, аморальной и аполитической проповѣди четы Мережковскихъ, этихъ двухъ виднѣйшихъ главарей благополучно скончавшагося декадентства, не осталось теперь и воспоминанія.

VII.

Отъ модернистовъ старшихъ перейдемъ къ модернистамъ позднѣйшимъ, выступившимъ или выдвинувшимся только въ послѣдніе годы.

Если бы я каждый отдѣлъ своего этюда снабжалъ особыми заглавіями, то главку о модернистахъ послѣднихъ лѣтъ всего бы лучше было назвать *Schöne Seelen*—прекрасныя души.

Посмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ сказывается духовная сущность самаго даровитаго изъ новыхъ поэтовъ модернизма, Александра Блока.

Удивительно цѣломудренна, строга и аскетична муза Блока.

Веселій не надо мнѣ,—

заявляетъ онъ, и вся первая полоса его поэзіи—порывъ къ какой-то невѣдомой ему самому Прекрасной Дамѣ. Весь первый сборникъ Блока такъ

и называется „Стихи о Прекрасной Дамѣ“. Это— настоящій культъ средневѣкового рыцаря:

Со мной всю жизнь—одинъ завѣтъ:
Завѣтъ служенья Непостижной.

На пространствѣ всѣхъ стихотвореній перваго сборника Блокъ влюбленъ въ „мерцающую сагу“. Ему, какъ пушкинскому „Рыцарю бѣдному“, было одно явленіе, „непостижное уму“, и въ разныхъ формахъ онъ его изображаетъ въ своихъ дымчато-прозрачныхъ, всегда изящныхъ видѣніяхъ, часто написанныхъ свободнымъ стихомъ, что придаетъ имъ еще большій отпечатокъ искренности.

Въ связи съ культомъ Прекрасной Дамы, въ которомъ символически выражено порываніе въ высь, общій строй музыки Блока почти религіозный. Эта религіозность ничего общаго не имѣетъ съ церковной религіозностью, хотя Блокъ пишетъ „молитвы“, постоянно говоритъ о Ликѣ, о Владычицѣ Вселенной и даже „тебѣ“ и „она“ пишетъ съ большой буквы. Передъ нами—поэтическое визионерство, особаго рода мечтательность, сквозь призму котораго повседневная жизнь представляется поэту „въ магическомъ вихрѣ и свѣтѣ“. Нѣтъ поэтому никакого противорѣчія въ томъ, что визионеръ Блокъ— вмѣстѣ съ тѣмъ и самый интересный у насъ теперь „поэтъ города“. По сравненію съ „городской поэзіей“ Брюсова, Блокъ сдѣлалъ шагъ впередъ въ томъ отношеніи, что онъ не только описываетъ, но до извѣстной степени одухотворяетъ описываемое. Въ самыхъ прозаическихъ проявленіяхъ городской жизни Блокъ находитъ элементы настоящей поэзіи, умѣетъ изобразить въ волнующей воображеніе дымкѣ даже „крендель булочный“, и какъ въ пригородѣ, „заламывающая котелки, среди канавъ гуляютъ съ дамами

испытанные остряки“. Уже на что повседневный сюжет пофититель загороднаго ресторана, сидящій за стаканомъ „влаги терпкой и таинственной“. Но и изъ этого сюжета Блокъ въ своемъ замѣчательномъ стихотвореніи „Незнакомка“ сумѣлъ создать цѣлую мистико-реальную поэму, гдѣ причудливо переплетено визионерство съ реальной жизнью, прекрасно схваченныя чисто-физиологическія детали работы отуманеннаго мозга съ мистическимъ порывомъ къ Прекрасной Дамѣ. Получается, несомнѣнно, нѣчто новое въ искусствѣ, un peu de frisson, какъ говорилъ Викторъ Гюго по поводу Бодлѣра.

Особую прелесть придаетъ поэзіи Блока отпечатокъ какой-то очаровательной наивности, которая лежитъ на всемъ его творествѣ. Это—не поддѣльная наивность стилизованнаго „примитива“, а настоящая кристалльность творческихъ настроеній. Блокъ весь еще во власти дѣтскихъ грезъ и даже о матери говорить, какъ о „мамѣ“.

Отпечатокъ той же, если можно такъ выразиться, прозрачной дѣтскости, которая сообщаетъ очарованіе поэзіи Блока, лежитъ и на поэзіи другого представителя позднѣйшаго модернизма, Андрея Бѣлаго. Странный это поэтъ и писатель вообще. При несомнѣнной талантливости, которая сказывается въ отдѣльныхъ блестящихъ, въ отдѣльныхъ глубокихъ мысляхъ, его все-таки трудно признать талантомъ. У него нѣтъ законченности, нѣтъ умѣнія довести до конца подчасъ очень яркій, оригинальный и глубокий замыселъ. Затѣмъ онъ въ своихъ симфоніяхъ, въ своемъ „Кубкѣ мятелей“ задается столь сложными задачами, которыя явно лежатъ за предѣлами художественнаго изображенія. Это переплетеніе поэзіи съ музыкой и отвлеченно-

философскими домыслами само себя выбрасываетъ изъ области искусства по своей запутанности. Основное правило эстетическаго наслажденія—все таки легкость воспріятія, и нельзя, какъ самъ Бѣлый это рекомендуетъ въ предисловіи къ „Кубку мятелей“, по нѣскольку разъ читать его произведенія, чтобы уловить нить его авторскихъ намѣреній.

Для насъ однако Бѣлый сейчасъ интересенъ не по совершенству своихъ произведеній, а для характеристики второго модернистскаго поколѣнія, среди котораго онъ привлекаетъ особенное вниманіе и публики, и критики.

Будучи писателемъ очень своеобразнымъ, Андрей Бѣлый вмѣстѣ съ тѣмъ находится подъ явно выраженнымъ вліяніемъ нѣсколькихъ писателей и художниковъ и съ полной откровенностью показываетъ въ посвященныхъ имъ стихотвореніяхъ свою духовную зависимость отъ нихъ. Подъ вліяніемъ одной изъ сторонъ поэзіи Бальмонта, его влечетъ „бархатъ эвира“, „золотая ослѣпительность“ небесныхъ сферъ, и сборникъ своихъ стиховъ онъ озаглавливаетъ „Золото въ лазури“. Подъ явнымъ вліяніемъ художника-модерниста Сомова, влюбленнаго въ XVIII вѣкъ, и Бѣлый пишетъ рядъ миниатюръ изъ жизни напудренныхъ маркизовъ и російскихъ петиметровъ. Привлекаютъ его беклиновскіе кентавры и всякіе воскрешенные модернизмомъ гномы, карлики, лѣсные и горные духи. А рядомъ съ этимъ ухожденіемъ отъ жизни Андрей Бѣлый съ тѣмъ же увлеченіемъ отдается „поэзіи города“, живописуетъ „громъ пролетовъ“ и „ходъ безшумный резиновыхъ шинъ“, даетъ картины московской переулочной жизни въ стилѣ „бульварныхъ“ частушекъ Брюсова, выводитъ город-

скихъ пьяницъ, оборванцевъ, босяковъ и т. д. Отмѣтимъ при этомъ въ высшей степени характеристичную и для Бѣлаго, и для второго модернистскаго поколѣнія черту: подобно поэзіи Блока и поэзія Андрея Бѣлаго въ высшей степени цѣломудрена и (за исключеніемъ развѣ нѣсколькихъ страницъ въ „Кубкѣ мятелей“) прямо даже стыдлива.

Эта черта станетъ вполне понятной, если, на ряду съ другими вліяніями, мы выдѣлимъ то вліяніе, которое сказалось всего сильнѣе на „нѣжнѣйшей и тончайшей душѣ“ Бѣлаго, какъ, видимому вполне правильно, его печатно аттестуетъ его литературный другъ Зинаида Гиппіусъ. Бальмонтъ, Брюсовъ, Блокъ,—это только братья Бѣлаго, но есть человѣкъ, который для него былъ прямымъ учителемъ и пророкомъ. Посѣтивъ его могилу и вспоминая о „голосѣ необычномъ“ учителя, который „на просторъ насъ звалъ“, Бѣлый отходить отъ дорогой могилы съ такимъ чувствомъ преемственности:

Тебя не поняли... Вонъ тамъ сквозь сумракъ шаткіи
Пунцовый свѣтъ дрожить.
Спокойно почивай: огонь твоей лампадки
Мнѣ сумракъ озарить.

Эта священная для Бѣлаго могила, связанная въ немъ съ образомъ Христа,—могила Владиміра Соловьева. И если мы припомнимъ, что подъ явнымъ вліяніемъ Владиміра Соловьева сложились мистическіе порывы Александра Блока и обратимъ затѣмъ вниманіе на то, что дебютная книга Вячеслава Иванова начинается съ посвященія Владиміру Соловьеву, то мы получимъ ключъ къ сокровенной сущности психологіи нашихъ младшихъ модернистовъ. Это — та ре-

лигіозность и то христіанство, которое Христа представляет себѣ только въ вѣнкѣ терновомъ.

Я сейчасъ назвалъ Вячеслава Иванова. Чистохудожественное значеніе его столь же спорно, какъ и художественное значеніе невытанцовывающихся глубокихъ замысловъ Андрея Бѣлаго.

Вячеславъ Ивановъ—писатель необыкновенно темный, можно даже сказать, безнадежно темный, потому что темнота его намѣренная. Мечтая о „всенародномъ“ искусствѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ смотритъ на поэзію, какъ на нѣчто такое, что не можетъ и не должно быть доступно толпѣ. „Отъединенная, символическая поэзія“ должна быть темна, потому что символъ „темень въ послѣдней глубинѣ“, потому что въ немъ должны воплотиться смутныя, какъ сквозь сонъ, воспоминанія объ отдаленномъ прошломъ народныхъ вѣрованій. И если къ этой намѣренной томнотѣ прибавить, что Вячеславъ Ивановъ перемѣшиваетъ символику христіанскую съ символикой языческой, что все это изложено нарочито тяжеловѣснымъ славяно-русскимъ языкомъ, невольно вызывающимъ въ умѣ читателя тѣнь Третьяковскаго, то мы не удивимся, что даже самые завзятые поклонники своеобразной поэзіи Вячеслава Иванова не могутъ отрицать „трудности“ пониманія ея, а также и того, что она—„плодъ труда не менѣе, чѣмъ вдохновенія“. Но попробуемъ примириться съ этой темнотой, откажемся уяснить себѣ, почему, напр., алмазъ есть „всепроницаемая святыня луча божественнаго Да“, а изумрудъ—„обѣтъ чудесъ въ дали безбрежной“, „земли божественная злачность, ее рождающее Да“. Ограничимся тѣмъ, что модернизмъ называетъ „настроеніемъ“, а по старинному просто называется общимъ впечатлѣніемъ.

И тогда, несомнѣнно, темная поэзія Вячеслава Иванова представитъ сеообразный интересъ большой духовной работы, проникнутой вдумчивымъ стремленіемъ освѣтить основные вопросы бытія.

Если ограничиться общимъ впечатлѣніемъ, то, кажется, всѣ, когда-либо присматривавшіеся къ дѣятельности Вячеслава Иванова въ стихахъ и прозѣ, относятся къ ней съ полной симпатіей.

Пусть его „непріятіе мира“ отзывается маниловщиной, пусть его „соборность“ не вяжется съ имъ же проповѣдуемою „отъединенностью“. Но все-таки его большая, разнообразная эрудиція будитъ мысль и пытливость, настраиваетъ на думы важныя и глубокия. Есть что-то несомнѣнно-пророческое во всемъ ансамблѣ литературной дѣятельности Вячеслава Иванова. Вся она—искренній призывъ въ заоблачныя дали, въ царство красоты и душевнаго изящества въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Настоящимъ душевнымъ изяществомъ вѣдетъ и отъ недавно появившагося на литературномъ поприщѣ модерниста Бориса Зайцева. Это уже не спорный, а настоящій талантъ. Небольшая книжка его рассказовъ и появившаяся недавно въ альманахѣ „Шиповника“ повѣсть „Аграфена“ написаны съ большимъ мастерствомъ. По манерѣ Зайцевъ имѣетъ много общаго съ Блокомъ: та же дымчатость, та же способность налагать поэтическіе блики на самыя обыкновенныя явленія жизни. Есть, несомнѣнно, извѣстная манерность у Зайцева, но какая-то искренне-восторженная. Онъ просто любитъ рядиться въ цвѣтныя платья, онъ явно сознаетъ, что часто приподнято смотреть на вещи, но это ему искренно нравится, и такъ какъ онъ не имѣетъ ни малѣйшихъ претензій выдавать

свою приподнятость за дѣйствительную окраску, то читатель вполне ему ее прощаетъ.

Отъ Блока, Бѣлаго, Вячеслава Иванова Зайцевъ отличается тѣмъ, что онъ гораздо глубже ихъ сидитъ въ подлинной жизни. Собственно говоря, онъ форменный бытовикъ, съ глубоко почвеннымъ слогомъ, съ превосходнымъ знаніемъ подлинной русской, и деревенской и городской, жизни. И касается онъ сплошь да рядомъ самой животрепещущей дѣйствительности, вплоть до черносотенныхъ погромовъ послѣднихъ лѣтъ. Но онъ, все-таки, модернистъ по стремленію дать широко-обобщающіе контуры, разсматривать жизнь *sub specie aeternitatis*. Зайцевъ стремится изобразить жизнь не въ ея деталяхъ, а въ ея символической совокупности. Онъ же настоящій пантеистъ, стирающій разницу между жизнью и смерью, молодостью и старостью, даже человѣкомъ и звѣремъ. Онъ способенъ на нѣсколькихъ десяткахъ страницъ рассказать цѣлую человѣческую жизнь во всѣхъ ея основныхъ перипетіяхъ и благодаря этому подымаешься отъ жизни единичной къ сознанію какой-то цѣльной, вселенской жизни. Въ этой дымкѣ жизнь проносится предъ нами точно въ мечтѣ.

VIII.

Предъ нами прошла группа представителей второго поколѣнія модернистовъ, которая представляетъ собою цвѣтъ его и по ней, не останавливаясь на менѣ яркихъ или недостаточно еще опредѣлившихся, мы вполне можемъ прійти къ извѣстнымъ выводамъ.

Какъ назовемъ мы эту группу, немного анемичную, въ общемъ далекую отъ жизни, стремящуюся уйти въ лазурь Вѣчности?

Я думаю, мы назовемъ ее группой мечтателей по преимуществу. И тутъ-то мы, минуя пока политическую окраску группы, и получимъ основной критерій для сужденія о томъ, въ какой мѣрѣ модернизмъ позднѣйшій унаслѣдовалъ основныя черты модернизма первоначальнаго, когда онъ былъ декадентствомъ. Къ политической окраскѣ мнѣ не хотѣлось-бы прибѣгать, потому что по существу этотъ способъ доказательства очень грубый и ненадежный. Политическую окраску можно и напялить на себя.

А вотъ общій складъ душевной личности не съимитируешь. Вотъ почему для меня гораздо важнѣе подчеркнуть *психологическое* отличие этой группы отъ первоначальнаго декадентства. Психологическій типъ первоначальнаго декадентства въ самой основѣ своей лишенъ всякаго налета мечтательности. Это, съ одной стороны, душевная упадочность, душевная усталость, необходимость взвинтить свои нервы чѣмъ-нибудь острымъ и яркимъ. А съ другой стороны, частью преувеличенно, частью искренно декадентство перваго фазиса выдвигало на первый планъ страсти. Отсюда, между прочимъ, генетическая связь первоначальнаго декадентства съ порнографическимъ теченіемъ нашихъ дней, которое, впрочемъ, должно быть названо болѣзнью внѣпартийной, такъ какъ ею заболѣли представители самыхъ противоположныхъ литературныхъ партій, въ томъ числѣ и ненавидящіе модернизмъ во всѣхъ его видахъ.

Въ модернистахъ второго поколѣнія ни одной изъ сейчасъ указанныхъ чертъ нѣтъ. Это все люди свѣжіе, неизломанные, своими мечтательными глазами бодро смотрящіе на Космосъ во всемъ его объемѣ, безъ всякой усталости отдающіеся всѣмъ

впечатлѣніямъ бытія. Въ области страстей это не только не аморалисты,—если, впрочемъ, вообще къ мѣсту говорить о морали въ сферѣ страстей—а такъ сказать, сверхморалисты. Цѣломудріе составляетъ основную черту и поэзіи Блока, и поэзіи Бѣлаго, и даже Вячеслава Иванова, при всѣхъ его дифирамбахъ „діонисіевскому“ началу жизни. Это люди, прямо изъ другого тѣста слѣпленные, чѣмъ родоначальники нашего декадентства. Въ 30-хъ гг. существовали въ кружкѣ Станкевича и Бѣлинскаго терминъ „прекраснодушіе“, правда, съ нѣсколькимъ специфическимъ оттѣнкомъ. Но если его взять просто такъ, какъ онъ звучитъ, то въ лицѣ нашихъ модернистовъ второго поколѣнія предъ нами группа такихъ *schöne Seelen*.

А уже если взять модернистовъ второго поколѣнія по признаку аполитизма или того ярче—по отношенію къ несомнѣнной связи декадентства съ реакціей 80-хъ годовъ, то различіе двухъ фазисовъ русскаго модернизма выступаетъ еще явственнѣе. Если никто изъ модернистовъ второго поколѣнія не примыкаетъ всецѣло и опредѣленно къ существующимъ крайнимъ партіямъ, то почти всѣ они опредѣленно примыкаютъ къ походу крайнихъ партій противъ современнаго общественнаго устройства. Всѣ они опредѣленные враги современнаго буржуазнаго строя и мечтаютъ о полномъ социальномъ переустройствѣ. Повторяется явленіе, наблюдаемое въ Европѣ. Въ Англии проповѣдникъ новой эстетики Морисъ былъ социалистомъ, Верхарнъ органически соединяетъ въ себѣ модернизмъ и социализмъ. А въ Россіи, сказать кстати, для характеристики всего новаго модернизма, и первоначальнаго и позднѣйшаго, надъ передачей Верхарна на русскій языкъ упорно трудится Ва-

лерій Брюсовъ. Тотъ самый Брюсовъ, который еще такъ недавно и столь рьяно проповѣдывалъ искусство „чистое“, чуждое какихъ бы то ни было связей съ повседневной дѣйствительностью.

Вотъ какъ все это чудесно обернулось!

И что осталось такимъ образомъ отъ основныхъ чертъ первоначальнаго декадентства? Да, можно сказать, ровно ничего, въ особенности если принять въ соображеніе, что даже зачинатели „новыхъ теченій“, въ томъ числѣ Мережковскій и Гиппіусъ, теперь всегда съ презрѣніемъ говорятъ о „декадентствѣ“ и ни въ малѣйшей степени не желаютъ причислить себя къ нему.

Перейдя въ старшемъ поколѣніи модернистовъ въ сферу религіозныхъ исканій и чуждый младшему поколѣнію съ самаго начала, аморализмъ въ модернизмѣ, какъ модернизмъ, очевидно, испарился самъ собой. Можно, конечно, въ современной литературѣ прослѣдить чуть ли не цѣлую доктрину аморализма въ рѣчахъ г. Санина. Но это деревянное созданіе заблудившагося таланта Арцыбашева къ области модернизма не относится. Арцыбашевъ не модернистъ по своей художественной манерѣ. А кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что тотъ же Арцыбашевъ написалъ „Смерть Ланде“. Послѣ князя Мышкина изъ „Идіота“, я не знаю во всей нашей литературѣ столь проникновеннаго изображенія альтруизма, какъ фигура студента Ланде.

Объ аполитизмѣ уже и говорить нечего. Я уже достаточно подчеркивалъ на всемъ пространствѣ своего этюда, въ какой мѣрѣ модернисты всѣхъ наименованій тѣсно сблизились съ крайними партіями. Къ этому можно еще прибавить, что часть нашего декадентства даже въ эмиграцію

ушла; что Бальмонтъ написалъ рядъ необыкновенно рѣзкихъ, хотя, увы, плохихъ стихотвореній, а Сологубъ за то далъ рядъ политическихъ сказокъ замѣчательной силы и выразительности; что въ журнальной жизни нашихъ дней коалиціи самыхъ яркихъ модернистскихъ силъ съ радикальными элементами стали обычнымъ явленіемъ. Въ смыслѣ общественномъ всѣ оттѣнки модернизма составляютъ органическую часть единой русской оппозиціи.

Къ этому исчезновенію аморализма и аполизма нужно еще прибавить одну черту, особенно для меня дорогую въ настоящемъ послѣсловіи къ лекціи, гдѣ я стараюсь доказать, въ какой мѣрѣ наша литература была каедрой, съ которой раздавалось учительное слово. Этотъ учительный элементъ достигъ въ современной литературѣ замѣчательнаго напряженія. Я не запомню, чтобы когда-либо такое количество поэтовъ и беллетристовъ пустилось съ такимъ рвеніемъ въ область философіи и критики. Я, конечно, не собираюсь смѣшивать во едино художество и публицистику. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, думается, пора намъ перейти къ нѣкому литературному монизму и перестать дѣлить писателей на нѣсколько частей, будто бы ничего общаго не имѣющихъ между собой. Писательская личность едина на всемъ протяженіи своей дѣятельности. И если поэтъ углубляется въ философскую систему, если онъ въ критической статьѣ проникаетъ въ другую поэтическую душу, то онъ своей художественной способности при этомъ ни въ коемъ случаѣ устранить не можетъ. Въ силу этого монизма, всѣ мы, съ другой стороны, находимъ вполне умѣстнымъ, если въ самомъ высокохудожествен-

номъ произведеніи картины и образы перемѣшаются съ цѣлыми страницами теоретическаго характера. Попробуйте-ка выбросить „разсужденія“ изъ Достоевскаго, попробуйте представить себѣ образъ Ивана Карамазова безъ его богоборческихъ монологовъ, образъ Базарова безъ его проповѣди философскаго матеріализма, образы Пьера Безухова, Левина безъ ихъ вполнѣ теоретическихъ размышленій о смыслѣ жизни.

И вотъ, разсматривая съ точки зрѣнія такого монизма, современную литературу во всей ея совокупности, я и подчеркиваю, что никогда еще не было у насъ литературнаго періода, столь обильнаго учительствомъ всякаго рода. Всѣ безъ исключенія модернисты, и старшіе и младшіе—Бальмонтъ, Брюсовъ, Блокъ, Мережковскій, Минскій, Гипсіусъ, Вячеславъ Ивановъ и многіе др.—всѣ оставляютъ величественную позу жрецовъ на пѣтлическомъ треножникѣ, всѣ взяли въ руки метлу критики, всѣ учительствуютъ, всѣ по своему ищутъ смысла искусства, смысла жизни, смысла всемірно-историческаго процесса. И такъ какъ они люди талантливые, то, конечно, въ эти свои писанія вносятъ много художественной красоты.

И остается, какъ мнѣ кажется, по прежнему, вѣрнымъ одно изъ основныхъ положеній схемы, выставленной въ моей старой лекціи:

Русская литература никогда не замыкалась въ сферѣ чисто-эстетическихъ интересовъ и всегда была каедрой, въ которой раздавалось учительное слово. Всѣ дѣятели нашей литературы, въ той или другой формѣ, отзывались на потребности времени и были проповѣдниками по преимуществу.

IX.

И живъ также старый духъ призыва къ подвигу. Чтобы показать это, закончу свой этюдъ нѣсколькими словами объ одномъ изъ послѣднихъ произведеній писателя, въ лицѣ котораго синтезъ новыхъ формъ со старымъ содержаніемъ, какъ мнѣ кажется, получилъ особенно-яркое выраженіе. Я говорю о „Тъмѣ“ Леонида Андреева. За „Тьмой“ послѣдовалъ рассказъ „О семи повѣщенныхъ“, гдѣ такимъ лучезарнымъ свѣтомъ обвѣяна психологія подвига. Но я, все-таки, считаю „Тьму“ болѣе яркимъ проявленіемъ неустанныхъ думъ автора о настроеніяхъ ищущей подвига души. Въ „Тъмѣ“, какъ мнѣ кажется, имѣетъ особенно-важное симптоматическое значеніе та центральная идея, ради которой, очевидно, писался весь рассказъ.

Вы, конечно, помните то мною комментированное мѣсто, гдѣ проститутка говоритъ цѣломудренному дотолѣ и полному внутренняго сознанія своего самопожертвованія революціонеру:

— Какое-же ты имѣешь право быть хорошимъ, когда я плохая?

Эта постановка совершенно опеломила революціонера, освѣтивъ ему такія стороны нравственныхъ обязательствъ, о которыхъ онъ никогда не думалъ. Опеломила она и критику, которая такъ въ ней и не разобралась. Усмотрѣли тутъ какой-то парадоксъ, какое-то совершенно неисполнимое требованіе. Въ самомъ дѣлѣ, что за жестокость липать человѣка, всѣмъ жертвующаго, даже сознанія красоты своего самопожертвованія?

Чтобы не спорить, я готовъ допустить, что, какъ отзывалась московская администрація о докторѣ Гаазѣ, тутъ „преувеличенная филантропія“.

Но самая эта преувеличенность, все-таки, чрезвычайно знаменательна, какъ показатель устремленія авторской мысли. Такая мысль могла вырасти только на почвѣ жгучаго интереса къ природѣ самопожертвованія. Знаменитая формула Тютчева гласить, что мысль изреченная—есть ложь. И это, конечно, вѣрно, какъ характеристика мукъ слова, какъ разъясненіе нашего безсилія выразить всю полноту чувствованій нашихъ.

Но, думается, что можно сказать и совсѣмъ наоборотъ: мысль изреченная—есть правда, ибо нѣтъ мысли даже самыхъ гениальныхъ людей, которая родилась бы сама собою,—одиноко, внѣ среды, внѣ условій времени и пространства. И разъ та или другая мысль выдающагося человѣка отлилась въ опредѣленныя формы, значитъ въ жизни даннаго момента есть реальныя основы для нея, невидимыя для людей менѣе зоркихъ, но ощутимыя для взора проникновеннаго. Вотъ почему и „преувеличенный“, якобы, альтруизмъ „Тьмы“ мнѣ кажется возвѣщеніемъ новаго прилива, новаго возрожденія.

Думается, что подымается гребень большой исторической волны, что обозначается снова одинъ изъ тѣхъ подъемовъ, который въ состояніи творить чудеса! Хочется вѣрить, что этотъ новый подъемъ вынесетъ насъ изъ той глубокой „тьмы“, въ которую мы теперь погружены.

А заслуга Леонида Андреева и въ лицѣ его всей литературы, лучшимъ выразителемъ которой онъ является въ наши дни, въ томъ, что зоркимъ взглядомъ онъ пронизалъ облегающую насъ тьму и увидѣлъ свѣтъ въ отдаленіи.

Приложивъ ухо къ землѣ, онъ услышалъ гулъ грядущихъ ликованій.

ВТОРОЙ ГОДОВОЙ КОМПЛЕКТЪ (№№ 51—100).

Цѣна за годовой комплектъ 10 рублей. Допускается разсрочка: 1) при подпискѣ 5 р. и по полученіи № 75—5 рублей; 2) при подпискѣ 3 руб., по полученіи № 65—3 руб. и по полученіи №№ 80 и 90—по 2 руб.

Вышедшіе №№:

- №№ 51—55 С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Собр. сочин., дополн. по рукоп. Единств., разрѣш. вдовою автора, изданіе. Ч. III. Съ фототипическ. портр. автора. Ц. 1 р.
- „ 56—65 С. А. Венгеровъ. Очерки по исторіи русской литературы. Второе изданіе, безъ перемѣнъ. Ц. 2 р. 50 к.
- „ 66—70 С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Собр. сочин., доп. по рукоп. Единств., разрѣш. вдовою автора, изданіе. Ч. IV. Съ предислов. П. А. Кропоткина, статьей Г. Брандеса и фототипич. портр. автора. Ц. 1 р.
- „ 71—75 Проф. Н. А. Котляревскій. Литературныя направленія Александровской эпохи. Ц. 1 р. 25 к.
- „ 76—80 С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Собр. соч., дополн. по рукописи. Единств., разрѣш. вдов. автора, изданіе. Ч. V. Съ 3-мя фототипіями. Ц. 1 р.
- „ 81—85 Проф. Н. А. Котляревскій. Рылѣевъ. Съ 2-мя фототипіями и 2-мя автотипіями на мѣловой бумагѣ. Ц. 1 р. 25 к.
- „ 86—90 С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Собр. соч., дополн. по рукоп. Единств., разрѣш. вдов. авт., изданіе. Ч. VI. Съ предисловіемъ В. Водовозова и фототип. портр. авт. Ц. 1 р.
- „ 91 С. А. Венгеровъ. Основные черты исторіи новѣйшей русской литературы. 2-е изданіе. Съ прибавленіемъ этюда: „*Побѣдители или побѣжденные?*“ (О модернизмѣ). Ц. 40 к.
- „ 92 Ж.-Ж. Руссо. О вліяніи наукъ на нравы. Съ предисл. проф. Н. И. Карѣева. Перев. съ франц. Б. Б. Княжицкаго. Ц. 30 к.

Новые подписчики, желающіе получить I и II ч. собр. соч. Степняка и I ч. Штирнера, при обращеніи въ редакцію, уплачиваютъ по 75 к. за каждую изъ названныхъ книгъ и стоимость пересылки.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 3-й годовой комплектъ (№№ 101—150).

Цѣна за годовой комплектъ 10 рублей. Допускается разсрочка: 1) при подпискѣ 5 р. и по полученіи № 125—5 рублей; 2) при подпискѣ 3 р., по полученіи № 115—3 р. и по полученіи №№ 130 и 140—по 2 рубля.

Вышедшіе №№:

- №№ 101—112 Ч. Вѣтринскій. Герцень. Съ 4 фототипіями и 16 автотипіями на мѣловой бумагѣ. Приложение: Библиографія произведеній Герцена и отзывовъ о нихъ. Составилъ А. Г. Фоминъ. Ц. 3 рубля.

Складъ при книгоиздательствѣ «ПРОМЕТЕЙ»: СПБ., Пушкинская, 15.

БИБЛИОТЕКА „СВѢТОЧЪ“

Жа 1-е Септѣбря 1908 г.

КАТАЛОГЪ

КНИГЪ-ВА

„СВѢТОЧЪ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, 39.
1908.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЯГОТАЯ

СТР.

I. Исторія и теорія литературы	3
II. Соціологи и утописты	13
III. Исторія религій	15
IV. Матеріалы для исторіи русскаго общественнаго дви- женія	16
V. Избранныя произведенія политической литературы	19
VI. Произведенія русскихъ писателей, не вошедшія въ собранія ихъ сочиненій	19
VII. Собраніе сочиненій С. М. Степняка-Кравчинскаго.	19
VIII. О подпискѣ на „Библиотеку Свѣточа“	29
IX. „Русская Поэзія“	31
X. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ	32
XI. Полное собраніе сочиненій В. П. Бѣлинскаго	33

Приложеніе.

Каталогъ кн-ва „Прометей“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1901

Книгоиздательство „СВѢТОЧЬ“

(СПБ., Разъѣзжая, 39)

Подъ редакціей С. А. Венгерова.

При выписывани на сумму менѣе 2-хъ рублей пересылка за счетъ заказчина по дѣйствительной стоимости. За наложеніе платежа прибавляется 10 коп. на весь заказъ. Заказы на сумму менѣе одного рубля наложеннымъ платежомъ не высылаются. Суммы менѣе одного рубля можно выслать почтовыми марками.

I. Исторія и теорія литературы

К. К. АРСЕНЬЕВЪ. Салтыковъ-Щедринъ. Съ 5-ю фототипіями и факсимиле автобіографич. письма Салтыкова. II. I р. 50 к.

Содержаніе: I. Біографическія данныя. II. Дореформенная Россія и эпоха первыхъ преобразований. III. Конѣцъ 60-хъ и начало 70-хъ годовъ. IV. Эпоха застоя, внешней войны и внутренней смуты. V. Экскурсии въ области сатиры и романа. VI. Послѣднія произведенія Салтыкова. VII. Общеітоги.—*Приложеніе:* Библиографія произведеній Салтыкова и литературы о немъ. Составилъ А. А. Шиловъ.

Отзывы: Книга К. К. Арсеньева покуда—самое капитальное произведеніе во всей критической литературѣ о нашемъ безсмерт-

номъ сатирикѣ... Читатель будетъ благодаренъ г. Арсеньеву за его общественную характеристику Салтыкова. („*Наша Жизнь*“—*Литер.-научн. прилож.* 1906 г., № 16.).

«Недавно вышедшій трудъ г. Арсеньева много поспособствуетъ пониманію нашимъ обществомъ сущности творчества писателя—уясненію имъ его историко-литературнаго и культурно-историческаго значенія.

«Г. Арсеньевъ цѣлымъ рядомъ статей въ „*Вѣстникѣ Европы*“ давно уже стяжалъ себѣ репутацію комментатора и знатока произведеній сатирика, и своими очерками много поспособствовалъ выработкѣ опредѣленнаго взгляда на творчество писателя и на его значеніе.

«Цѣнныя и интересныя статьи критика до сихъ поръ были разбросаны въ „*Вѣстникѣ Европы*“ за разные годы; собранныя теперь вмѣстѣ, онѣ много отъ этого выиграли, составивъ въ цѣломъ прекрасную характеристику писателя. Безъ сомнѣнія, книга г. Арсеньева, въ которой мы можемъ прослѣдить, какъ отразилась русская общественная жизнь въ щедринской сатирѣ за цѣлую треть вѣка, явится не только незамѣнимымъ пособіемъ при изученіи творчества Салтыкова-Щедрина, цѣннымъ вкладомъ въ нашу критическую литературу, но и весьма интересной работой для историка нашей общественности» („*Ист. Вѣст.*“, 1906, № 10).

С. А. ВЕНГЕРОВЪ. Очерки по исторіи русской литературы. Изд. 2-е, безъ перемѣнъ. П. 2 р. 50 к.

Содержаніе: I. Основныя черты новѣйшей русской литературы—II. Общій очеркъ исторіи новѣйшей русской литературы. (Эпоха Бѣлинскаго. Послѣдніе годы дореформенной эпохи. Медовый мѣсяцъ русскаго прогресса. Реакція и эпоха «нигилизма». Эпоха высшаго развитія альтруизма. Эпоха разброда и унынія. Начало Возрожденія).—III. Писатель-гражданинъ (Н. В. Гоголь).—IV. Великое Сердце (В. Г. Бѣлинскій).—V. Передовой боецъ славянофильства (Конст. Аксаковъ).

Отзывы см.: „Русск. Вѣд.“, 21 авг. 1907 г., № 190; „Бирж. Вѣд.“ №7 10040, 9 авг. 1907 г.; „Рѣчь“, 1907 г., № 186; „Русь“, 1907 г., № 297; „Былое“, 1907 г., X; „Русск. Мысль“, 1907 г., №0 „Вѣсы“, I, 1907 г., № 10; „Ист. Вѣстн.“, 1907 г., № 9; „Образованіе“, 1907 г., № 8; „Вѣстн. Евр.“, 1907 г., № 9; „Современный Миръ“, 1907 г., № 12; „Славянск. Изв.“, 1907 г., V; „Одесск. Нов.“ 1907 г., № 7304; „Далек. Окр.“, 1907 г., № 147; „Нижегородск. Лист.“, 1907 г., № 252; „Школа и Жизнь“, 1907 г., № 4 „Русск. Школа“, 1907 г., № 11 и др.

С. А. ВЕНГЕРОВЪ. Основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы. Изд. 2-е, съ приложеніемъ этюда: *Побѣдители или побѣжденные? (О модернизмѣ)*. П. 40 к.

С. А. ВЕНГЕРОВЪ. Эпоха Бѣлинскаго. Общій очеркъ.

Ц. 20 к.

Отзывы см.: „Русск. Мысль“, 1906 г., № 1., „Ист. Вѣстн.“, 1906 г., № 6 и „Книга“, 1906, № 5.

Ч. ВѢТРИНСКІЙ. Герценъ. Съ 4-мя фототипіями и 16-ю автотипіями на мѣловой бумагѣ. Ц. 3 р.

Содержаніе: Отъ автора.—Часть 1-я: Герценъ въ Россіи.—I. Годы дѣтства.—II. На учебной скамьѣ.—III. Т. П. Кучина.—Н. П. Огаревъ.—Васильевское.—IV. Университетъ.—V. Послѣ университета.—VI Тюрма.—VII. Вятка.—VIII. Владиміръ на Клязьмѣ.—IX. Москва и Петербургъ.—X. Новгородъ.—XI. Герценъ въ Москвѣ.—XII. Москва.—Славянофилы и западники.—XIII. Литературная дѣятельность.—XIV. За границу!

Часть 2-я: Герценъ за границей.—I. Медовый мѣсяць заграничной жизни.—II. Парижъ.—Іюньскіе дни 1848 г.—Прощаніе съ родиной.—III. Женева и Ницца.—IV. Письма изъ Франціи и Италіи.—Съ того берега.—V. Мысли Герцена о Россіи.—VI. Лондонъ.—«Былое и думы».—VII. Вольная русская типографія.—Восточная война.—VIII. Смерть Николая I.—«Полярная Звѣзда».—Книгоиздательство.—IX. «Колоколь».—1857—1861 гг.—X. Освобожденіе крестьянъ.—XI. 1861—1862 гг.—XII. Польское возстаніе.—XIII. Послѣдніе годы «Колокола».—XIV. Произведенія послѣднихъ лѣтъ.—XV. Послѣдніе дни и кончина.—Итоги.—Приложеніе: Библиографія произведеній Герцена и отзывовъ о нихъ. Составилъ А. Г. Фоминъ.

Отзывы: „Книги Вѣтринскаго представляетъ первую попытку обширной біографіи знаменитаго русскаго публициста. Потребность въ такой біографіи давно уже назрѣла.

Авторъ такъ опредѣляетъ цѣль своей работы: „Объективный простой разсказъ этой жизни, безъ всякой претензіи на полное психологическое объясненіе, самъ въ себѣ имѣетъ оправданіе, ибо въ немъ не можетъ не отразиться эта мятежная, кипучая страстность и прелесть этой жизни. Добросовѣстно прослѣдить главнѣйшіе факты этой жизни, безъ лишнихъ мелочныхъ подробностей, бѣгло указать общественно-историческое значеніе отдѣльных моментовъ жизни и дѣятельности Герцена, выдѣлить главныя мысли и настроенія, поглощавшія его въ разное время,—вотъ цѣль настоящей книги.

«Эта цель автором достигнута. Его книга — добросовестная и литературно сдланная сводка всего печатного материала о Герцене. Къ книгѣ приложенъ обширный и очень тщательно составленный библиографическій указатель всего написаннаго Герценомъ и всего, написаннаго о немъ. Издана книга очень изящно и снабжена двадцатью портретами Герцена и его родныхъ. Нѣкоторые изъ этихъ портретовъ появляются впервые». (*Совр. Слово*, № 241, 20 июля 1908 г.)

Г-нь Ч. Вѣтринскій уже извѣстенъ въ нашей литературѣ, какъ авторъ добросовѣстныхъ и прекрасныхъ историко-литературныхъ работъ и дѣлаго ряда популярныхъ биографическихъ очерковъ русскихъ писателей. Въ новой же своей книгѣ, являющейся самымъ обширнымъ изъ всѣхъ трудовъ, какіе до сихъ поръ у насъ имѣются о Герцене, г. Вѣтринскій задается целью дать, насколько возможно, подробную и дѣльную біографію Герцена, стараясь сохранить вездѣ простое объективное отношеніе къ его жизни и не претендуя на полное психологическое объясненіе многихъ фактовъ въ жизни Герцена, но и въ такомъ простомъ, объективномъ разсказѣ живо, какъ въ зеркалѣ, отразилась порывистая и мятежная страстность и прелесть натуры Герцена. Нельзя не отмѣтить, что г. Вѣтринскій умѣло исчерпалъ опубликованные у насъ матеріалы (переписку и пр.) о жизни и дѣятельности Герцена, добросовѣстно и безпристрастно прослѣдилъ съ необходимыми, гдѣ нужно, комментаріями всѣ главнѣйшіе факты этой жизни, причемъ избѣгнувъ мелочныхъ деталей и подробности, и бѣгло, но обстоятельно указалъ общественно-историческое значеніе отдѣльныхъ моментовъ жизни и дѣятельности Герцена. Это и было задачей почтеннаго труда г. Вѣтринскаго, и задача эта, говоря по совѣсти, исполнена имъ весьма удовлетворительно.

Къ книгѣ г. Вѣтринскаго приложенъ дѣльный рядъ портретовъ. Изъ нихъ два портрета Герцена появляются впервые, равно какъ впервые воспроизведены портреты матери, сына и дочери Герцена. Приложенъ также и неизвѣстной до сихъ поръ портретъ М. А. Бакунина.

Въ концѣ книги г. Вѣтринскаго приложена также и кропотливо и добросовѣстно составленная А. Г. Фоминымъ «Библиографія произведеній А. И. Герцена и литературы о немъ» по 1908 годъ, причемъ указаны сочиненія и статьи Герцена какъ вошедшія совсѣмъ въ заграничное (1875—1879 гг.) и въ русское (1905 г.) изданія собранія его сочиненій, такъ и вошедшія въ нихъ съ сокращеніями. (*Минувшіе Годы*, 1908 г., № 5—6).

А. И. Герценъ Жизнь Мысли Дѣятельность — таковъ подзаголовокъ этой объемистой, красиво изданной, украшенной множествомъ портретовъ книги. Предъ нами полная біографія и историческая характеристика Герцена.

... Книга г. Вѣтринскаго читается легко и приятно; въ ней нѣтъ серьезныхъ фактическихъ ошибокъ; она даетъ достаточное для обыкновеннаго читателя представленіе о перипетіяхъ личной судьбы Герцена и объ его дѣятельности.

... Средній читатель найдетъ въ ней занимательный разсказъ о жизни замѣчательнаго человѣка и будетъ благодаренъ

автору за легкое и интересное знакомство. Будем и мы благодарны автору: какъ равъ такая книга, по плечу публикѣ, сблизить многихъ съ Герценомъ. Книга г. Вятринскаго члана и какъ первая канва биографіи Герцена. Она написана съ чужаи и любовью (С. *Востокъ*, Бер., 1908, № 8).
Объективный, простой рассказъ о жизни Герцена, безъ всякой претензіи на полное психологическое освѣщеніе, составляетъ задачу только что вышедшей книги г. Ч. Вятринскаго, извѣстнаго своими изслѣдованіями въ области нашей культуры и литературы сороковыхъ годовъ. Авторъ пересказываетъ, обильно пользуясь литературными источниками, биографію Герцена, отмѣчаетъ общественно-историческое значеніе отдельныхъ моментовъ его жизни и дѣятельности, а также главныя мысли и настроенія, поглощавшія его въ разное время. Увлекательно написанная книга читается съ неблѣввающимъ отъ начала до конца интересомъ.

Къ изданію приложено двадцать очень хорошо исполненныхъ портретовъ Герцена и его семьи и подробная біографія произведеній Герцена и литературы о немъ, очень ценный трудъ А. П. Фомина (С. *Голосъ Москвы*, 29 июля 1908 г., № 175).

Книга г. Вятринскаго — первая попытка дѣйствительно серьезной работы о жизни и литературныхъ произведеніяхъ Герцена. Все, что имѣлось до сихъ поръ, писано было въ такую эпоху, когда о Герценѣ приходилось поворить эзоповскимъ языкомъ. Г-нъ же Вятринскій говоритъ почти полнымъ голосомъ, и потому теперь на вопросъ, что есть въ русской литературѣ о Герценѣ, можно смѣло указать на его книгу (С. *Речь*, 27 августа 1908 г., № 187).

Г. А. ГОРНФЕЛЬДЪ. Муки Слова. II. 20 к.

Проф. Н. А. КОТЛЯРЕВСКІЙ. Литературныя направленія Александровской эпохи. II. I р. 25 к.

Содержаніе: I. Когда родилась наша изящная словесность. II. Жуковский. III. Ранніе годы Пушкина. IV. Первые художественные ростки русскаго романтизма. V. Примиреніе съ жизнью. VI. «Плеяда». VII. Сатира. VIII. «Горе отъ ума». IX. «Евгеній Онѣгинъ». X. Общій обзоръ. XI. Книги для чтенія.

Отзывы: «Цѣль новой книги Н. Котляревскаго замѣнить учебникъ для того, кто „осужденъ“ по выраженію автора, на самообразованіе. Въ наше время назрѣла необходимость въ общихъ очеркахъ литературной исторіи, дающихъ въ краткихъ чертахъ широкія картины. Авторъ прекрасно понялъ свою задачу и вѣрно формулировалъ требованія, которыя могутъ быть предъявлены къ подобной работѣ.

«Смотря на Александровскую эпоху, какъ на колыбель нашей самобытной художественной литературы, г. Котляревскій вѣрно и умѣло выясняетъ наиболее характерныя ея черты, мѣло обрисовываетъ творчество самыхъ выдающихся писателей этой эпохи

и, действительно, изъ его сжато и экономно написанной книги, какъ изъ хорошо сложенной пьесы, слова не выкинешь, Основное содержание книги — Жуковский, Пушкинъ, Крыловъ, Грибоедовъ, пушкинская пьеса, изъ которой авторъ выдѣлилъ, действительно, самыхъ яркихъ ея представителей: Баратынского, Языкова, Веневитинова и Рылѣва. Самая блестящая глава посвящена „Горю отъ ума“, въ ней дано совершенно новое истолкованіе и безсмертной комедіи, и ея главнаго героя.

Общее впечатлѣніе книга производитъ благоприятное и учащимся, действительно, очень пригодится. Заканчивающій ее общий обзоръ проводитъ связующія идейныя нити между литературой Александровской эпохи и литературой второй половины XIX вѣка. Книга г. Котляревскаго особенно цѣнна, какъ единственныи опытъ широкаго задуманной историко-литературной характеристики „Критическое Обзоріе“, 1898, Вып. I. [VI].

Въ своей небольшой, но очень содержательной книгѣ проф. Н. А. Котляревскій даетъ весьма обстоятельную исторію русской литературы первой четверти XIX-го столѣтія, т. е. за все время царствованія императора Александра I-го. Книга эта ни въ какомъ отношеніи не похожа на наши учебники, которые обыкновенно загромождаются часто ненужными подробностями и объ исторической литературѣ, и о переводной, и о критикѣ, и о публицистикѣ. Г-нъ Котляревскій даетъ исторію одной только чисто художественной литературы Александровскаго времени и въ 10-ти главахъ исчерпываетъ ея главнѣйшихъ представителей, причемъ больше всего мѣста удѣлено, конечно, Жуковскому и Пушкину, затѣмъ Батюшкову, Грибоедову и Крылову.

Книга г. Котляревскаго, несомнѣнно, заслуживаетъ всякаго успѣха. Хотя она и назначается преимущественно для самообразования, но ее съ удовольствіемъ прочтеть и всякій, занимающійся исторіей русской литературы XIX-го вѣка. Написанная прекраснымъ литературнымъ языкомъ, интересная и увлекательная по изложенію, книга г. Котляревскаго совершенно чужда шаблонной сухости схоластики и безжизненности разныхъ нашихъ учебниковъ, руководствъ и всякихъ „пособій“ по исторіи литературы. Наконецъ, въ книжкѣ г. Котляревскаго приведено (частью цѣликомъ, частью въ обширныхъ выдержкахъ) много стихотвореній Жуковскаго, Пушкина и др. поэтовъ Александровской эпохи, а въ концѣ книжки, въ особой (11-й) главѣ указаны необходимыя пособия и книги для чтенія, способствующія болѣе полному и ясному пониманію нашей литературы первой четверти XIX-го вѣка. („Минувшіе Годы“, 1908 г., № 2).

Проф. Котляревскій выражаетъ вполне справедливое недо-вольство существующими учебниками по исторіи русской литературы, заполненными именами писателей и названіями ихъ произведеній и годными скорѣе для библиографическихъ справокъ, чѣмъ для чтенія, возбуждающаго какой нибудь интересъ. „Пробудить вкусъ и интересъ къ судьбамъ нашей словесности въ ея прошломъ, — по мнѣнію почтеннаго ученаго, — могутъ не учебники обычнаго типа, на которые и учащіе и учащіяся смотрять далеко не дружелюбными глазами“, а книги совершенно иного рода,

именно, такія книги, которыя, имѣя въ виду не количество, а качество, сообщали бы свѣдѣнія только о такихъ писателяхъ, знакомство съ которыми обязательно для всякаго образованнаго человѣка, и разбирали бы не всѣ ихъ произведенія, а только избранныя, наиболѣе яркія и характерныя для творчества, міросозерцанія и настроенія даннаго писателя. Такой идеаль былъ передъ глазами автора, когда онъ составлялъ свою книжку, предназначая ее для первоначальнаго знакомства съ русской литературой первой четверти XIX вѣка.

...Книжка проф. Котляревскаго написана такъ живо, интересно и содержательно, что она будетъ прочитана съ пользою и удовольствіемъ всякимъ образованнымъ человѣкомъ. Особеннаго вниманія она заслуживаетъ, какъ дополненіе и коррективъ къ школьнымъ учебникамъ.

...Книжка заслуживаетъ вниманія и специалистовъ, такъ какъ составитель ея мало считается съ общепринятыми, шаблонными взглядами при оцѣнкѣ русскихъ писателей и отдѣльных литературныхъ произведеній. Авторъ въ большинствѣ случаевъ оригиналенъ, а иногда высказываетъ даже крайне субъективные взгляды“ (*„Современный Миръ“*, 1908 г., № 4).

Главное содержаніе этой полезной книги, т. е. всѣ характеристики писателей, написано, разумѣется основательно и интересно, какъ этого естественно ждуть отъ проф. Котляревскаго, а кое-что (глава о „Горѣ отъ ума“) прямо оригинально.

Въ общемъ книга г. Котляревскаго очень хороша и служитъ хорошую службу широкимъ кругамъ читателей, на которые и рассчитана“ (*„Русск. Мысль“*, 1908 г., № 5).

ЕГО-ЖЕ. Рылѣевъ. Съ 2-мя фототипіями и 2-мя автотипіями на мѣловой бумагѣ. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Введеніе. I. Роль поэзіи въ событіяхъ 14 декабря 1825 г. — II. Дѣтство Рылѣева и семейная обстановка. — III. Воспитаніе въ корпусѣ. — Чтеніе и мечты. — IV. Походная жизнь Рылѣева за границей. — Впечатленія Парижа. — V. Жизнь въ полку на родинѣ. — Женитьба, выходъ въ отставку и переездъ въ Петербургъ. — VI. Первые поэтическіе опыты и литературные планы. — Ода „Къ Временщику“ и первый успѣхъ. — VII. Жизнь въ Петербургѣ, рѣзкія проявленія темперамента. — Служба въ палатѣ уголовного суда. — VIII. Рылѣевъ въ кружкахъ петербургскихъ литераторовъ. — IX. Изданіе „Полярной Звѣзды“ и выступленіе Рылѣева въ роли литературнаго критика. — X. Лирическіе стихи на гражданскую и политическую тему. — XI. „Думы“. Исторія ихъ возникновенія. — Ихъ содержаніе и отзывы о нихъ критики. — XII. „Войнаровъ“

ский и отрывки из неоконченных поэзм.—XIII. Общая оценка поэзии Рыльева.—XIV. Последние годы жизни.—Вступление Рыльева в Северное общество и работа в нем.—XV. Политические взгляды и планы Рыльева.—XVI. День 14 декабря.—XVII. Жизнь в равелинѣ.—Последние стихи.—XVIII. Приговор суда.—Последние письма.—XIX. Казнь.—XX.—XXI. Личность Рыльева.—XXII. Императоръ Николай I о Рылевѣ.

Отзывы. Возвышенное и вмѣстѣ скорбное чувство навѣваетъ книга Н. А. Котляревскаго. Необыкновенно умѣлый рассказчикъ, авторъ настолько сживается съ характеризуемымъ лицомъ, что повѣствуетъ о немъ, какъ о близкомъ человѣкѣ, душа котораго вполне раскрыта передъ нимъ. Въ самомъ тонѣ его изложенія прожить глубокое, но сдержанное и тонко выраженное чувство симпатии; это настроеніе передается и читателю.

Работа Н. А. Котляревскаго пока единственная у насъ книга о Рылевѣ. Представляя продолженіе его книги о кн. А. Одоевскомъ и А. Бестужевѣ (подъ заглавіемъ „Декабристы“, 1907 г.), она написана по тому же плану и методу. Въ ней мы находимъ тщательную и критически провѣренную сводку накопившихся въ литературѣ фактическихъ данныхъ о Рылевѣ, какъ политическомъ дѣятелѣ и какъ поэтѣ. Искусно переплавляя всю груду собранныхъ материаловъ въ форму цельнаго рассказа, осторожный изслѣдователь въ случаѣ крупнаго разногласія его источниковъ предпочитаете оставлять вопросы открытыми. Говоря о событіи 14-го декабря, Н. А. Котляревскій очень удачно подчеркиваетъ, что „поэзія“, какъ таковая, была однимъ изъ главныхъ факторовъ всего этого политическаго движенія, но сильно преувеличены своеобразие и изолированность дѣла „юныхъ романтиковъ революціи“, по его мнѣнію, оно представляетъ „самостоятельный“ въ себѣ замкнутый эпизодъ, не имѣвшій аналогій въ прошломъ и связанный съ последующимъ ростомъ революціонныхъ идей лишь слабой общей связью“ (3). Психологія Рыльева-революціонера нашла себѣ въ книгѣ документальное и яркое освѣщеніе.

Хотя поэзія Рыльева уже не разъ подвергалась историко-литературной оцѣнкѣ, но и въ этомъ отношеніи Н. А. Котляревскій сказалъ много интереснаго и существеннаго. Правда, нѣкоторые вопросы онъ оставилъ безъ самостоятельнаго анализа (вліяніе Нѣмцевича, черты байронизма, взаимоотношенія Пушкина и Рыльева), но зато съ должнымъ вниманіемъ отнесся къ опредѣленію „литературной стоимости“ сочиненій Рыльева и далъ законченный и изящный портретъ поэта-декабриста, сильно отбѣнивъ главныя особенности его пѣсни, — „недопѣтой пѣсни, горюпидрой и главное, пѣсни, еще не достигнувшей той внутренней и внѣшней гармоніи, которую она обѣщала“ (128).

Настало время, — справедливо говоритъ Н. А. Котляревскій въ предисловіи, — когда на могилѣ писателей декабристовъ „можно

поставить достойный ихъ памятникъ, и авторъ смотрѣлъ на свою работу какъ на первый шагъ къ выполнению этого долга“. Задача, столь скромно сформулированная, вполне достигнута авторомъ монографіи о Рылѣевѣ.

(„Русск. Вѣд.“ 12 авг. 1908 г., № 186).

Интересная книга г. Котляревскаго знакомитъ насъ съ загадочной личностью, знаменитаго поэта-декабриста Рылѣева. Это не есть еще настоящая біографія Рылѣева, но очень обстоятельное біографическое изслѣдованіе, основанное на массѣ всевозможныхъ источниковъ.

Интересны намѣренія автора выяснить характеръ Рылѣева и объяснить странную перемену его убѣждений и мировоззрѣнія послѣ декабрьской катастрофы. Не менѣе интересна исторія его сношеній съ императоромъ Николаемъ I. Книга г. Котляревскаго — безусловно, вкладъ въ нашу современную литературу“. („Нива“, Литерат. и популярно-научн. прилож., 1908 г., № 7)

Подъ краткимъ, лаконическимъ заглавіемъ этой книги, заключающимъ въ себѣ одну только фамилію «Рылѣевъ» кроется, съ одной стороны, вся исторія жизни одного изъ самыхъ видныхъ дѣятелей знаменитаго 14 декабря 1825 года и оцѣнка его, какъ поэта; съ другой же — цѣлая глава исторіи заговора, вырвавшего изъ литературной семьи въ 1825 году сразу нѣсколько молодыхъ, даровитыхъ писателей. Авторъ даетъ намъ мастерски написанную біографію Рылѣева, въ которой все, до мелочей дѣтской жизни творца «Войнаровскаго» включительно, основано на тщательно подобранныхъ фактахъ, даетъ полный обзоръ литературныхъ трудовъ Рылѣева и великолѣпную характеристику политической его дѣятельности. Читается книга съ захватывающимъ интересомъ“. („Известіа по литератур., наукъ и бібліографіи“, 1908 г., № 5).

Изученіе поэзіи декабристовъ, помимо чисто эстетическаго значенія, представляетъ большой историческій интересъ, такъ какъ въ ней отразились ихъ политическіе идеалы и исканія. Съ этой стороны г. Котляревскій и далъ подробное и вдумчивое изслѣдованіе декабриста-поэта Рылѣева.

Сущность своего взгляда г. Котляревскій резюмируетъ въ словахъ: «Рылѣевъ вездѣ желалъ быть гражданиномъ, не переставая быть поэтомъ, чего до него никто не дѣлалъ».

Книга г. Котляревскаго является серьезнымъ вкладомъ въ литературу о декабристахъ“. („Совр. Слово“, № 259, 11 июля 1908 г.).

Среди читательскихъ массъ Рылѣева знаютъ плохо, произведенія его почти не читаются, а представленія о роли его въ общественномъ движеніи спутаны и неясны. Пришло время поставить на его могилѣ достойный памятникъ; и съ этой мыслью Н. А. Котляревскаго нельзя не согласиться. Первый шагъ къ созиданію памятника — изученіе, и книга Н. А. Котляревскаго — первый къ нему шагъ. Авторъ достигнулъ поставленной имъ задачи — освѣтить на основаніи изслѣдованія литературы и матеріаловъ, опубликованныхъ и остающихся въ рукописи, исторію жизни Рылѣева, его политической и литературной дѣятельности. Монографія воссоздаетъ цѣльный образъ заговорщика-поэта, даетъ характеристику

и оцѣнку его литературныхъ работъ, знакомить съ его политическими взглядами и набрасываетъ картину его дѣятельности по тайному обществу. Эта книга—первый сводный трудъ по изученію Рылѣева во всѣхъ тѣхъ пунктахъ и вопросахъ, которые до сихъ выдвигались этимъ изученіемъ. Нужно отмѣтить, что Н. А. Котляревскій иллюстрируетъ свое изложеніе обильными цитатами изъ сочиненій Рылѣева и такимъ образомъ еще больше облегчаетъ знакомство съ Рылѣевымъ.

„Н. А. Котляревскій, воссоздавая душу Рылѣева, исходитъ изъ вполне вѣрной мысли, что въ Рылѣевѣ нельзя отдѣлять поэта отъ гражданина-заговорщика, и обратно“. („*Минувшіе Годы*“, 1908, № 5—6).

„До сихъ поръ немногіе обращали вниманіе на изученіе поэзіи декабристовъ. Единственнымъ серьезнымъ изслѣдователемъ въ этой области является проф. Котляревскій.

„Передъ нами солидная работа о наиболѣе талантливомъ поэтѣ изъ декабристовъ К. Ѳ. Рылѣевѣ. Она построена на хорошемъ основаніи. Именно, авторъ разсматриваетъ поэзію Рылѣева въ своей тѣсной связи съ его жизнью и политическими идеалами. Такое построеніе очень разумно: поэзія декабристовъ только и можетъ быть понята и оцѣнена, если ее разсматривать въ тѣсной связи съ ихъ жизнью и политическими мечтаніями. Благодаря такому построенію, значеніе книги расширяется. Она дѣлается не только обзоромъ литературной дѣятельности писателя, но въ то же время его биографіей. И въ результатъ получается монографія, дающая цѣльный портретъ Рылѣева, какъ политическаго дѣятеля, поэта и человѣка. Работа Н. А. Котляревскаго выполнена съ чрезвычайной тщательностью. Примѣчанія къ книгѣ даютъ представленіе о богатствѣ изученныхъ авторомъ источниковъ. Онъ очень тщательно изучилъ литературу о поэтѣ, и можно смѣлосказать, что изслѣдователь не прошелъ мимо ни одной самой незначительной замѣтки.

„Авторъ смотритъ на свою работу, какъ на первый шагъ къ изданію поэзіи Рылѣева. Но если справедливо, что авторъ кладетъ лишь основанія изученія поэзіи декабристовъ, то необходимо признать заложенныя имъ основанія прочными и хорошими. Безъ сомнѣнія, онъ расчистилъ дорогу дальнѣйшимъ изслѣдователямъ. И въ этомъ его заслуга, и при томъ немалая“. („*Историч. Вѣстн.*“, 1908, № 7).

Проф. Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКІЙ. Гоголь. 2-е, дополн. изд. Съ фототипич. портр. Гоголя. Ш. 1 р.
Содержаніе: Введеніе. — I. «Пушкинское» и «Гоголевское». Художественный методъ Гоголя. II. Гоголь, какъ умъ. III. Гоголь и Россія. «Русь изъ прекраснаго дѣла». IV. «Душевное дѣло»: Гоголь—моралистъ и мистикъ. V. Гоголь—общерусскъ на малорусской основѣ. Къ вопросу о національномъ, общерусскомъ значеніи его. VI. Заключение: къ вопросу о гениальности Го-

голя.—Приложение: Источники и важнѣйшія пособия для изучения жизни и творчества Гоголя.

Отзыв: „Говорить общія фразы о достоинствахъ работъ г. Овсяннико-Куликовскаго не приходится, такъ какъ его извѣстность и авторитетность въ литературно-психологическихъ работахъ установилась основательно и прочно. Мы можемъ только отметить, что каждый новый трудъ профессора вноситъ нѣчто оригинальное, раздвигаетъ рамки и расширяетъ перспективы въ избранной имъ области изученія русской литературы съ психологически-научной точки зрѣнія. Только что сказанное нами относится и къ послѣдней книгѣ Д. Овсяннико-Куликовскаго. Она представляетъ значительную переработку перваго изданія (1903), каковое являлось только лишь оттискомъ журнальныхъ статей. Нынѣ текстъ всѣхъ шести главъ очерка тщательно просмотрѣнъ, дополненъ и исправленъ. Кроме того, для новаго изданія вновь написаны; введение—интересный краткій биографическій очеркъ и общій обзоръ литературной дѣятельности Гоголя—и приложение—источники и важнѣйшія пособия для изучения жизни и творчества Гоголя. Въ началѣ книги помѣщенъ рѣдкій портретъ писателя, выдѣленный изъ снятой въ Римѣ въ 1844 году дагерротипной группы русскихъ художниковъ.“

„Предлагаемый трудъ, какъ указываетъ авторъ, есть опытъ психологическаго діагноза извѣстныхъ сторонъ ума, дарованія и генія Гоголя, именно тѣхъ, въ которыхъ наиболее ярко и полно выразилась оригинальная, сложная, загадочная личность великаго писателя“ („Современный Миръ“, № 7—8, 1907 г.).

„Умная, интересная книга Д. Овсяннико-Куликовскаго написана очень просто и изящно; въ литературѣ о Гоголѣ за последнее время она занимаетъ свое особенное и видное мѣсто“ („Новая Книга“, № 2—3, 1907 г.).

„Въ нашей литературѣ, не бѣдной историко-литературными работами, мало такихъ книгъ, какъ книга г. Овсяннико-Куликовскаго, поставившаго своей задачей „психологическій діагнозъ извѣстныхъ сторонъ натуры, ума, дарованія и генія“ Гоголя. Глубоко интересна и талантлива, такимъ образомъ, самая тема книги, самая постановка вопроса.“

„...Такое изображеніе души Гоголя, вышедшее изъ-подъ пера г. Овсяннико-Куликовскаго, пролившаго много свѣта на сложную, неуравновѣшенную натуру великаго сатирика и художественно показавшаго приемы философской критики“.

„Какъ всѣ изданія „Свѣточа“, книга издана изящно. Къ ней приложенъ прекрасный портретъ Гоголя—снимокъ съ извѣстнаго римскаго дагерротипа. Онъ воспроизводился не разъ, но нигдѣ еще не былъ воспроизведенъ такъ хорошо“ („Ист. Вѣсти“, 1907, 7).

II. Соціологи и утописты.

Проф. Н. И. КАРБЕВЪ. Теорія личности П. Л. Лаврова.
Съ фототип. портр. Лаврова. Ц. 30 к.

Отзывы. „Авторъ подробно излагаетъ учение Лаврова о личности, объективно и почти безъ всякой критики.“

„... Брошюра является ценнымъ вкладомъ въ литературу о Лавровѣ и читается съ интересомъ.“ (*Русск. Вѣд.* „8 июля 1908 г., № 157“).

„Авторъ обстоятельно характеризуетъ учение Лаврова о личности, этомъ основномъ принципѣ этическихъ, социологическихъ и историческихъ построений покойнаго мыслителя, и отмѣчаетъ эволюцію, черезъ которую прошли его взгляды, отъ преобладанія чисто этического интереса къ преобладанію интереса болѣе объективнаго. Очеркъ представляетъ несомнѣнный интересъ, и его нельзя не рекомендовать вниманію читателя, какъ и все, что выходитъ изъ-подъ пера почтеннаго ученаго“ (*Русск. Мысль* 1908, № 7).

ЖАНЬ-ЖАКЪ РУССО О ПРИЧИНАХЪ НЕРАВЕНСТВА. Перев. съ фр. Н. С. Южакова подъ ред. и съ вступ. статьей С. Н. Южакова. П. 75 к.

Отзывы. „За послѣднее время замѣчается оживленіе интереса къ твореніямъ Руссо; въ нѣсколькихъ переводахъ вышелъ „Общественный договоръ“; теперь библиотекой „Свѣточа“ изданъ известный трактатъ „О причинахъ неравенства“. Этотъ трактатъ, написанный вѣдѣ за разсужденіемъ о влияніи наукъ на нравы, чрезвычайно ярко характеризуетъ основныя идеи Руссо.“

Идеологъ „патриархальной демократіи“ Руссо страстно нападаетъ на неравенство, и страницы убиссенной критики читаются съ захватывающимъ интересомъ. Современную культуру, успѣхи цивилизации Руссо обвиняетъ въ развращеніи человѣка; „Добрый дикарь“ ушелъ далеко отъ первобытнаго блаженства. Конечно, многое въ ученіи Руссо не соответствуетъ современнымъ требованіямъ, но его основныя доктрины — суверенитетъ народа и естественныя права личности навсегда останутся крупными завоеваніями общественно-философской мысли.

Въ предисловіи С. Южаковъ даетъ общую характеристику идей Руссо и ихъ общественнаго значенія“ (*Столичное Утро*, № 118, 19 окт. 1907 г.).

Въ этой книгѣ Руссо является защитникомъ, экономическаго равенства и горячимъ противникомъ частной собственности, въ которой онъ видитъ главную причину неравенства между людьми.

Историческое значеніе этого сочиненія Руссо громадно и далеко выходитъ за предѣлы ближайшей къ Руссо эпохи... Изъ всѣхъ крупныхъ мыслителей Франціи XVIII вѣка онъ одинъ поднималъ социальный вопросъ и въ то время, какъ умы всѣхъ выдающихся писателей того времени были заняты лишь политическими вопросами, указалъ, что причины общественнаго зла лежатъ глубже политическихъ формъ и коренятся въ экономической структурѣ общества.

Острые даже и для современности вопросы, которые ставитъ Руссо въ своихъ разсужденіяхъ „о причинахъ неравенства“ и „объ общественномъ договорѣ“, дѣлаютъ эти знаменитыя сочиненія

французскаго мыслителя интересными и для нас, и при томъ не только съ исторической точки зрѣнія. Поэтому ознакомленіе съ ними можно смѣло рекомендовать.

Переводу разсужденія о причинахъ неравенства предшествуетъ статья С. Н. Южакова, выясняющая общій характеръ литературной дѣятельности Руссо; кромѣ того, къ книгѣ приложено „Листво Ж.-Ж. Руссо къ Филополису“ (псевдонимъ извѣстнаго Женевскаго метафизика и натуралиста Ш. Бонне), заключающее въ себѣ критику „общественнаго состоянія“ човѣчества (въ противоположность „естественному состоянію“).

Переводъ сдѣланъ вполне удовлетворительно: („Русск. Мысль“ 1908 г., № 6).

ЕГО ЖЕ. О вліяніи наукъ на нравы (Разсужденіе На тему, предложенную Дижонской академіей).

Съ предисл.: проф. Н. И. Карьева. Перев. съ франц. Б. Б. Вяжицкаго. Ц. 30 к.

МАКСЪ ШТИРНЕРЪ. Единственный и его собственность. Изд. комментированное.

Ч. I.—1) Дж.-Г. Макаи. Макс Штирнеръ. Его жизнь и творчество. Полный переводъ М. О. Розова. 2) Единственный и его собственность. Переводъ Б. В. Гиммельфарба и М. Л. Гохциллера. Часть I. Човѣкъ. Съ 2-мя автотипіями на мѣловой бумагѣ. Ц. 1 р. 25 к.

Ч. II.—1) Макс Штирнеръ. Единственный и его собственность. Часть 2-я: Я. 2) Обзоръ литературы о Штирнерѣ (Современники Штирнера Не-социалистическіе писатели о Штирнерѣ. Штирнеръ—Ницше. Соціальная философія Штирнера). Составили Б. В. Гиммельфарбъ и М. Л. Гохциллеръ (Печатается).

III. Исторія религій.

РЕНАНЪ Э. Жизнь Исуса. Полный научный переводъ А. С. Усовой, подъ редакціей и съ предисловіемъ академика Александра Веселовскаго. Съ фототипическимъ портретомъ Ренана. Ц. 1 р. 50 к.

Отзывы: „Переводъ книги Ренана въ изданіи бібліотеки „Свѣточа“—одинъ изъ лучшихъ, если не лучший изъ переводовъ. Разсматриваемое изданіе, дѣйствительно, полное. Оно воспроизводитъ даже всѣ примѣчанія автора, отъ перваго до послѣдняго.

Одинъ изъ немногихъ переводовъ, онъ передаетъ страницы Ренана даже безъ нѣкотораго изящества, не говоря уже о литературности. Съ большимъ интересомъ читается предисловіе Веселовскаго, дающее научную апологію Ренана" („Виржев. Вѣд.“).
Преимущества этого изданія: точный, но въ то же время гладкій литературный переводъ, красивая вѣнштость, въ смыслѣ качества бумаги и печати, и, главное, — довольно обширное предисловіе, въ которомъ сдѣлана характеристика Ренана. Кромѣ того, къ настоящему изданію приложены портретъ Ренана и примѣчанія" („Извѣст. по лит., наукѣ и библіограф.“).

Участіе въ этомъ новомъ переводѣ „Жизни Іисуса“ такого большого ученаго и писателя, какимъ былъ покойный А. Н. Веселовскій, должно привлечь особенное вниманіе. Большое преимущество этого изданія составляетъ небольшое, но блестящее предисловіе, въ которомъ авторъ отмѣчаетъ исканія и сомнѣнія Ренана, а также даетъ оцѣнку его какъ ученаго, относя его къ тѣмъ людямъ, „которые въ материалистическихъ теченіяхъ прошлаго вѣка подняли волну идеаловъ и интересовъ духа“.

(„Книжн.“, 1906 г., № 6)

ЭДВИНЪ АРНОЛЬДЪ. Свѣтъ Азіи. (Изложеніе въ поэтич. формѣ буддизма). Перев. А. М. Федорова, 2-е, иллюстр. изд. (4 фототипии и 24 рисунка въ текстѣ), съ предисл. и примѣчаніями академика С. Ѳ. Ольденбурга. II, 1 р. 50 к.

Отзыв: „Классическое произведеніе Эдвина Арнольда „Свѣтъ Азіи“, заключающее въ себѣ изложеніе въ поэтической формѣ буддизма переведенное А. М. Федоровымъ, вышло во второмъ, иллюстрированномъ изданіи съ предисловіемъ и примѣчаніями академика С. Ѳ. Ольденбурга въ серіи библіотеки „Свѣточа“.

„Въ „Свѣтъ Азіи“ устами вѣрующаго буддиста разсказана дивная повѣсть объ индійскомъ царевичѣ, который, отрѣкшись отъ свѣта и всѣхъ радостей его, выступилъ на „путь“ искать „истину“. Изъ драгоценнѣйшаго источника буддійскихъ преданій авторъ почерпнулъ все главное, что можетъ ознакомить читателя съ жизнью и ученіемъ великаго индійскаго учителя“ („Извѣст. по литер., наукѣ и библіограф.“, 1906 г., декабрь).

IV. Матеріалы для исторіи русскаго общественнаго движенія.

В. Г. БЪЛИНСКІЙ. Письмо къ Гоголю. Съ предисловіемъ С. А. Венгерова. II, 10 к.

САМОДЕРЖАВІЕ И ПЕЧАТЬ ВЪ РОССІИ. Исторія печати 114 писателей и мартиролагъ русской печати. Съ предисловіемъ С. А. Венгерова. II, 25 к.

Отзыв: „Издание это представляет перепечатку брошюры вышедшей въ 1898 г. въ Берлинѣ. Въ него вошли: всеподданнѣйшее прошеніе русскихъ литераторовъ и ученыхъ, „Записка о нуждахъ русской печати“ 1895 г. и „Мартирологъ русской печати“.

„По словамъ редактора, „современный читатель найдетъ здѣсь въ вышей степени поучительныя данныя для сужденія о томъ, съ какою готовностью гг. Побѣдоносцевы, все еще, хотя стѣснены за ширмами, вершаютъ судьбы Россіи, идутъ навстрѣчу настоящѣйшимъ потребностямъ общества, когда ихъ *просятъ*... Чрезъ сокоточнаго г. Побѣдоносцевъ и его коллеги сообщили русскимъ писателямъ, что, по ихъ мнѣнію, желаніе подчинить русское слово только закону не заслуживаетъ никакого вниманія“.

„И „прошеніе“ и „записка“ представляютъ любопытный документъ изъ исторіи нашего недавняго прошлаго.

„Мартирологъ“ перечисляетъ административныя распоряженія относительно печати, „изъятія“ и „запрещенія“, зажимавшія ручкой прессы ротъ во имя „престижа власти“ и „высшихъ соображеній“ нашей многомудрой бюрократіи (1873—1895 гг.“) („Русск. Мысль“, 1906 г., № 8).

М. К. ЦЕБРИКОВА. Письмо къ Александру III. Съ прибавленіемъ написанныхъ для настоящаго изданія воспоминаній. Ц. 20 к.

Отзывы „Знаменитое „Письмо“ М. К. Цебриковой, писанное ею и доставленное по адресу 15 лѣтъ тому назадъ, поражаетъ теперь своей крайней умѣренностью. Но 15 лѣтъ назадъ только „шестой десятокъ“ помогъ тому, что М. К. Цебрикова поплатилась лишь ссылкой въ глухое мѣсто Вологодской губерніи. Въ настоящее время „Письмо“ имѣетъ цѣнность лишь какъ историческій документъ, характерный для пережитаго нашимъ поколѣніемъ глухого безвременья, такъ еще: недавняго. Но эта цѣнность первостепеннаго значенія: Устами М. К. Цебриковой говорило тогда все мыслящее и передовое русское общество, она явилась лучшимъ и героической представительницей.

Къ „Письму“ приложены: введеніе С. А. Венгерова, письмо М. К. Цебриковой къ Кеннану объ опубликованіи „Письма“ за границей и специально написанныя воспоминанія автора объ обстоятельствахъ написанія письма и того, что послѣдовало за письмомъ. Эти воспоминанія весьма интересны даже и въ наше обильное политическими воспоминаніями время. („Товарищъ“, 1906 г., № 151).

„Это историческое письмо, за которое авторъ въ свое время былъ сосланъ въ Вологодскую губернію, принадлежитъ къ замѣчательно важнымъ произведеніямъ русской публицистики и имѣетъ определенное мѣсто въ исторіи русскаго общественнаго движенія.

„Появленіе этого письма отдѣльной брошюрой является какъ нельзя болѣе кстати, тѣмъ болѣе, что оно представляетъ далеко не одинъ только историческій интересъ, ибо многое изъ того, что заключается въ письмѣ, вполне могло и должно быть сказано и

теперь. („Извест. по литературѣ, наукѣ и библиографіи“, 1906 г., № 35).

„Письмо къ Государю честной писательницы, содрогнувшейся напередъ ужасами стараго режима, перейдетъ въ исторію.“

„Въ свое время его знали почти наизусть. Въ новомъ изданіи чрезвычайно интересенъ еще нигдѣ не печатавшійся рассказъ о самой Цебриковой о написаніи письма, его передачѣ и ближайшихъ результатахъ ея“. („Вирж. Вѣд.“, 1907 г., № 9911).

„Шестнадцать лѣтъ тому назадъ, въ мирной съ поверхности Россіи, сдавленной тяжелыми цѣпами сильной реакціи, на шумѣло письмо известной г. Цебриковой, адресованное ею императору Александру III. Убѣжденная либералка, противница революціи и крови, много лѣтъ пытавшаяся организовать среди интеллигенціи подачу адреса на имя царя, — она рѣшилась воспользоваться лично правомъ протеста угнетеннаго раба и обратилась къ Александру III съ письмомъ, одновременно напечатаннымъ за границей на русскомъ и европейскихъ языкахъ. Основное содержаніе письма несложное: царь отдѣленъ отъ народа чинрвниками, этими фактическими самодержцами; царь ничего неможетъ видѣть, ему представляютъ все въ извращенномъ видѣ; если бы онъ напрягъ усилія — стѣна свалилась бы, онъ увидѣлъ всѣ ужасныя стороны народной жизни и — тогда воцарилось бы свѣтлое время, а имя самодержца стало бы прославляться изъ поколѣній въ поколѣнія.. Разумѣется, какъ документъ къ исторіи русской общественности письмо г. Цебриковой не лишено нѣкотораго интереса, особенно въ этомъ изданіи, гдѣ она набросала нѣсколько эпизодовъ изъ своихъ злоключеній, приведшихъ ее въ Вологодскую губернію, и вообще рассказала кое-что изъ своей жизни того времени“. („Лѣта“, 1906, № 3).

М. К. ЦЕБРИКОВА. Каторга и ссылка. II. 20 к.

Отзывы. „Книжка известной Цебриковой о каторгѣ и ссылкѣ по характеру и настроенію очень близка къ известной книгѣ Кеннана. Матеріаломъ для изображенія ужасовъ страны изгнанія послужили для писательницы тетради писемъ ссылныхъ.“

„Брошюра полна глубокаго фактическаго интереса. („Вирж. Вѣд.“, 1907 г., № 9742).

„Настоящая брошюра тѣсно связана съ недавно опубликованнымъ, въ Россіи, но давно известнымъ письмомъ М. К. Цебриковой императору Александру III. Въ концѣ 80-хъ годовъ автору письма были доставлены двѣ тетради писемъ ссылныхъ. Заключающіяся въ нихъ картины ужасовъ ссылки и каторги, загубившихъ тысячи жизней, произвели потрясающее впечатлѣніе на чуткую душу автора и послужили матеріаломъ для настоящей брошюры, проникнутой горячимъ протестомъ противъ жестокостей насилія и произвола. Брошюра М. К. Цебриковой написана въ 1890 г., но по трагической ироніи судьбы она является вполне современной“. („Страна“, 1907 г., № 4).

„Книга Цебриковой касается положенія политическихъ ссылныхъ въ восьмидесятые годы. Большой интересъ въ ней представляютъ извлеченія изъ писемъ ссылныхъ, рисующія ихъ много-

численныя физическія и нравственныя страданія. Въмѣстѣ съ тѣмъ заслуживаютъ вниманія и тѣ выводы, къ которымъ приходитъ г-жа Цебрикова.

Книга Цебриковой была написана въ девяностомъ году. Событія послѣдняго времени еще разъ подтвердили справедливость словъ ея автора“. („Утро“, 1907 г., № 38).

V. Избранныя произведенія политической литературы.

МИЛЬТОНЪ. Рѣчь о свободѣ печати. (Areopagitica).

II. 20 к.

VI. Произведенія русскихъ писателей, не вошедшія въ собранія ихъ сочиненій.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ. „Порогъ“. Стихотвореніе въ прозѣ. Съ предисловіемъ С. А. Венгерова.

II. 3 к.

VII. Собраніе сочиненій С. М. СТЕПНЯКА-КРАВЧИНСКАГО.

Единственное, разрѣшенное вдовою автора изданіе.

Изъ отзыва: „...Степнякъ достоинъ и долженъ войти въ бібліотеку русскихъ классиковъ, а изящное изданіе „Свѣточа“ кстати придастъ ему и приличную для того „одежду брачную“. Послѣ ужасныхъ сѣрою неряшливостью своего женевскихъ, лондонскихъ и берлинскихъ изданій, Степнякъ самъ себя не повѣрилъ бы, видя завѣтные труды свои свободно обращающимися въ рукахъ русской публики, да еще въ такихъ опрятныхъ, скромно-красивыхъ томахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что изданіе „Свѣточа“ сочиненій Степняка встрѣтитъ въ публикѣ широкое распространеніе и большой успѣхъ.“

„...Степнякъ — поэтъ гражданского долга, товарищескаго любвеобилія и глубокаго уваженія къ человѣку. Онъ понималъ себя и хранилъ свое достоинство на высотѣ, немногимъ достижимой, но жилъ — весь — для другихъ, осѣненный красотой и величіемъ простодушной почти самой себя не замѣчающей жертвы. Свѣточъ Степняка необходимъ въ каждой передовой группѣ русскаго общества. Легализація его сочиненій — благодѣтельный даръ для каждой обывательской бібліотеки“ (А. Амфиитеатровъ: „Легальный Степнякъ“, — „Киевская Мысль“, 1907 г., № 311).

Часть I. Штундистъ Павелъ Руденко. Дополн. по рукописи. Съ написан. для настоящ. изданія воспомин. П. А. Кропоткина и фототипическимъ портрет. Степняка.

„Романъ покойнаго Кравчинскаго „Штундистъ Павелъ Руденко“ появился въ свѣтъ въ англійской передѣлкѣ незадолго до смерти автора, въ 1891 г.; въ подлинникѣ, по-русски, — только черезъ 5 лѣтъ. Но появился онъ въ заграничномъ изданіи и, какъ всѣ сочиненія Кравчинскаго, былъ строго запрещенъ къ ввозу въ Россію, а потому остался мало извѣстенъ широкой публикѣ... А между тѣмъ, этотъ романъ безусловно заслуживаетъ того, чтобы его знали и читали. Кравчинскій въ 1870-е годы, въ эпоху хожденія въ народъ, имѣлъ случай близко познакомиться со штундистами; онъ хорошо понялъ ученіе штундистовъ и глубоко проникъ въ ихъ психику.

„Романъ Степняка въ предѣлахъ Россіи появился въ свѣтъ впервые году тому назадъ, въ изданіи Врублевскаго. Новѣйшее изданіе Венгерова гораздо лучше; оно пополнено нѣсколькими новыми отрывками, до сихъ поръ не напечатанными, и интересной характеристикой личности Кравчинскаго, принадлежащей перу его друга кн. Кропоткина; сверхъ того, оно лучше прокорректировано и вообще лучше издано. Цѣна одна и та же“ (В. Водовозовъ, „Товарищъ“, № 299, 22 мая 1907 г.).

„Это — первое изданіе Степняка, исходящее изъ литературныхъ рукъ... Романъ дополненъ по рукописи. Для него специально написаны воспоминанія о Степнякѣ знаменитымъ П. Кропоткинымъ. Къ книгѣ приложенъ прекрасный фототипическій портретъ автора. Такой еще не появлялся въ Россіи.

„Беллетристика Степняка, конечно, сдаетъ подъ напоромъ времени. Но чего она никогда не утратитъ — это своей исторической цѣнности. Она — память грустной эпохи подрѣзаннаго дерзанія, живой и красивый цвѣтокъ нашей революціонной романтики 70-хъ и 80-хъ годовъ. Время засушило его, но не исказило и не исказитъ его рисунокъ“ (А. Измайловъ, „Бирж. Вѣд.“, 1907, № 991).

„Изданіе собранія сочиненій Степняка, предпринятое книгоиздательствомъ „Свѣточъ“, заслуживаетъ большого вниманія, во-первыхъ, потому, что отличается полнотой, тщательностью и изящной внѣшностью, во-вторыхъ — потому, что всѣ сочиненія Кравчинскаго въ своей совокупности представляютъ одно цѣлое. Его по справедливости можно назвать художникомъ, рельефно нарисовавшимъ картину революціоннаго движенія въ Россіи въ 70—80-е годы.

Въ своихъ романахъ и повѣстяхъ, въ воспоминаніяхъ, онъ даетъ блестящія характеристики революціонеровъ, въ большинствѣ случаевъ — товарищей автора, съ которыми онъ былъ связанъ или тѣсно дружкой, или общностью убѣжденій и практической работы. Такъ же художественно воспроизводитъ Кравчинскій и отдѣльные эпизоды изъ революціоннаго прошлаго, прекрасно выясняетъ психологическій обликъ революціонныхъ дѣятелей. Вооб-

ше, сочиненія Кравчинскаго даютъ богатый художественно-литературный матеріалъ для правильнаго пониманія революціоннаго движенія 70-хъ и 80-хъ гг.

„Среди сочиненій, посвященныхъ революціи, у Степняка есть бытоописательныя сочиненія, посвященныя нашему сектантству. Изъ нихъ особенно выдѣляется по своей объективности и художественности романъ „Павель Руденко“ ...

Материаломъ для этого романа Кравчинскому послужили, съ одной стороны, тѣ живыя впечатлѣнія, какія онъ получилъ еще въ періодъ своего хожденія въ народъ въ 70-е годы, когда онъ, между прочимъ, столкнулся и со штундистами, познакомился съ ихъ ученіемъ, проникъ въ ихъ психику; во-вторыхъ, — газетныя извѣстія, преимущественно англійскія, которыя появлялись въ періодъ преслѣдованія штундистовъ русскимъ правительствомъ въ 1893—95 г.г.

„Въ противоположность другимъ революціонерамъ и даже нѣкоторымъ ученымъ изслѣдователямъ, интересовавшимся и писавшимъ о штундистахъ, Кравчинскій относится къ нимъ очень объективно.

„Изданіе „Свѣточа“ ... представляется и лучшимъ, такъ какъ пополнено отрывками и вариантами изъ рукописей Кравчинскаго и къ нему приложена интересная характеристика Степняка, на писанная Кропоткинымъ.

„Первый томъ украшенъ хорошо сдѣланнымъ портретомъ Кравчинскаго, изданъ изящно и стоитъ недорого“ („Историческ. Вѣстн., 1907 г., XII).

„Вступленіемъ къ 1 тому служатъ прекрасно написанныя воспоминанія П. А. Кропоткина, бывшаго близкимъ другомъ Кравчинскаго. Воспоминанія Кропоткина, кромѣ того, что они написаны рукою мастера-художника и любящаго друга, даютъ еще рядъ цѣнныхъ фактическихъ и интимныхъ данныхъ для біографіи Кравчинскаго-Степняка. Читаются эти воспоминанія съ такимъ же интересомъ, какъ все, что ни писалъ до сихъ поръ Кропоткинъ.

„Въ 1 томъ вошелъ едва ли не лучший изъ написанныхъ Степнякомъ романовъ — „Штундистъ Павель Руденко“ ... Среди массы всякаго беллетристическаго хлама претенціозный не только посредственности, но прямо бездарности, — среди всего этого мусора, ежедневно выбрасываемаго на книжный рынокъ, — на такихъ отрадннхъ оазисахъ, какъ произведенія Степняка, всегда пріятно остановиться и отдохнуть умомъ.

„... Въ изданіи г. Венгерова романъ дополненъ цѣлыми пятью вставками противъ прежнихъ“ (Д. П. Сильчовскій, „Вѣстн.“, 1907 г., № 9).

Часть II. Подпольная Россія. Изд. 3-е. Съ приложеніемъ статьи о Бардиной и 7-ю фототипическими портретами.

„Безъ знакомства съ книгой „Подпольная Россія“ врядъ ли возможно правильное пониманіе революціоннаго движенія 70—

80-х годов, из которого развилось и современное революционное движение.

„Отношение г. Венгерова к своим изданиям гарантирует имъ то достоинство, въ которомъ уже непосредственно заинтересованы читатели. С. А. Венгеровъ получаетъ для нихъ рукописи или другіе матеріалы автора. Вслѣдствіе этого, „Подпольная Россія“ въ Венгеровскомъ изданіи обогащена воспоминаніями о Софьѣ Бардиной, отсутствовавшими въ прежнихъ какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ изданіяхъ.

„Венгеровское изданіе II тома украшено хорошо исполненными портретами Перовской, Бардиной, Кропоткина и др.“ (В. Водовозовъ, „Товарищъ“, № 311, 6 июля 1907 г.).

„Главное, самое интересное, самое лучшее и самое, такъ сказать, „историческое“ изъ всѣхъ его многочисленныхъ сочиненій представляетъ собою книга „Подпольная Россія“... Эта книга, обратившая на себя вниманіе всей читающей и мыслящей Европы и Америки, многократно была переводима на разные языки и издаваема въ разныхъ странахъ... Книга эта изумительно увлекательна... Читатель гипнотизируется сильнымъ, чисто литературнымъ талантомъ автора, его чувствомъ художественной мѣры, мастерской обрисовкой и несравненными характеристиками. Словомъ, книжка Кравчинскаго интересна сплошь, отъ первой и до послѣдней страницы.

„Книжкѣ этой, несомнѣнно, предстоитъ впереди еще рядъ дальнѣйшихъ изданій, и мы заранѣе этому радуемся и приветствуемъ ихъ, отъ души желая какъ настоящему, такъ и послѣдующимъ изданіямъ вполне заслуженнаго успѣха и самаго широкаго распространенія не только среди общества—интеллигенціи и молодежи,—но и среди широкихъ и глубокихъ народныхъ массъ“ („Былое“, 1907., № 2, о 2-мъ изд.).

„Прекраснымъ дополненіемъ къ работамъ иностранцевъ по русской революціи являются очерки и воспоминанія, принадлежащіе перу самихъ участниковъ русскаго освободительнаго движенія второй половины царствованія Александра II. На первомъ планѣ среди такой мемуарной литературы должны быть поставлены: «Подпольная Россія» Степняка и «Записки революціонера» П. Кропоткина.

„Работа С. Кравчинскаго, извѣстнаго въ нашей эмиграціонной литературѣ подъ псевдонимомъ Степняка, появилась на итальянскомъ языкѣ въ 1881 г. и затѣмъ была переработана авторомъ для русскаго изданія въ 1893 г.—Давъ въ началѣ своей книги тонкую культурно-психологическую характеристику нигилизма, какъ общественно-литературнаго течения 60-хъ гг., Степнякъ устанавливаетъ послѣдовательную смѣну двухъ социальнно-философскихъ типовъ: нигилиста-шестидесятника, ведшаго непримиримую борьбу съ рутинной, авторитетомъ и традиціей, и социалиста-народника, стремящагося къ созидательной работѣ, къ мирной пропагандѣ въ широкой крестьянской и рабочей средѣ идеей международнаго социализма. Движеніе въ народъ подъ вліяніемъ роста Интернационала и геройской борьбы парижской коммуны, организация кружковъ чайковцевъ и долушинцевъ, правитель-

ственные репрессии, устройство поселений и колоний для болѣе успешной пропаганды, сближеніе революціонеровъ съ либералами, относящиеся къ 1878 г., образованіе партіи «Народной Воли» и переходъ къ террору—все это сжато, но образно и рельефно разсказано Степнякомъ на 30 съ небольшимъ страницахъ его книги. Но самое цѣнное въ работѣ Степняка то, что составляетъ ея основное ядро,—это рядъ блестящихъ, мастерскихъ характеристикъ наиболее видныхъ русскихъ революціонеровъ, набросанныхъ опытной рукой художника-психолога. Въ концѣ книги находимъ очеркъ послѣднихъ годовъ дѣятельности народовольческихъ организаций, когда съ каждымъ годомъ, можно сказать съ каждымъ мѣсяцомъ, правительство вырывало изъ рядовъ народо-вольцевъ все новыя и новыя жертвы, сжимая ихъ тѣснымъ кольцомъ полицейскаго сыска и провокаціонной тактики. („Критич. обзоръ“, 1907 г., Вып. 1).

Авторъ этой небольшой, но чрезвычайно интересной книжки самъ принадлежалъ къ числу людей, принципы дѣятельности и работу которыхъ онъ изображаетъ въ своемъ живомъ, мѣстами прямо увлекательномъ повѣствованіи, и тѣмъ, конечно, компетентнѣе является онъ въ кругу затронутыхъ имъ вопросовъ. Читая его разсказы, сразу чувствуешь, что имѣешь дѣло съ человекомъ, близко знакомымъ съ тѣмъ явленіемъ русской жизни, за изображеніе котораго онъ взялся, съ человекомъ искреннихъ и твердыхъ убѣжденій.

«...Для историка и сама книжка Степняка и описываемые въ ней факты не представляютъ собою ничего новаго, но для болѣе широкаго круга читателей «Подпольная Россія», несомнѣнно, представитъ много интереснаго, много даже неизвѣстнаго, и откроетъ ему глаза на многое, совершавшееся и творящееся въ этотъ кругъ насъ.

«...Наиболѣе живой и интересной является та часть книжки Степняка, которую авторъ озаглавилъ «Революціонные профили». Здѣсь онъ даетъ портреты многихъ видныхъ дѣятелей русской революціи. Жизненность, мѣстами прямо художественность нарисованныхъ Степнякомъ портретовъ обусловливается тѣмъ, что онъ говоритъ лишь о тѣхъ людяхъ, съ которыми ему самому приходилось встрѣчаться и имѣть дѣло; за немногими исключеніями—это рядъ воспоминаній чисто личнаго характера, воспоминаній безыскусственныхъ, искреннихъ, а потому и привлекательныхъ.» („Историч. Вѣстн.“ 1906 г., № 2).

Часть III. Домики на Волгѣ. Дополн. по рукописи.—
Новообращенный. Драма въ 4-хъ дѣйств., дополн. по рукописи.—
Сказка о копейкѣ.— Съ фото-типич. портр. автора.

«Степнякъ тенденціозенъ, но его тенденціозность—особаго рода. Онъ очень далеко отъ прямой, обнаженной пропаганды революціонныхъ идей: для этого онъ слишкомъ чутокъ къ требованіямъ художественной формы. Его герои высказываются каждый разъ не больше, чѣмъ требуетъ данная ситуація, и въ ихъ рѣ-

цахъ нѣтъ авторскаго умысла, а дышитъ живое чувство увлеченнаго своею вѣрою человѣка. Съ этой стороны Степнякъ безупреченъ. Его тенденціозность—только въ способѣ обработки его сюжетовъ.

„Третій томъ чрезвычайно характеренъ для него. Этотъ томъ содержитъ въ себѣ три произведенія: повѣсть „Домикъ на Волгѣ“, драму „Новообращенный“ и „Сказку о копейкѣ“.

„...Это — сказка для народа, написанная съ цѣлью пропаганды, и написанная мастерски... Первая часть ея великолѣпна не только по остроумію замысла, но и по исполненію, по быстротѣ, сжатости, и мѣткости разсказа. Она еще разъ показываетъ, какимъ большимъ мастеромъ слова былъ Степнякъ.

„...По характеру письма Степнякъ чуждъ всякой рѣзкости; у него мягкая, почти женственная манера, въ его тонѣ много теплоты и задушевности. Всего явственнѣе отразилось на немъ влияние Тургенева. Въ его „Домикѣ на Волгѣ“, написанномъ такъ недавно, вообще есть что-то старомодное, напоминающее пятидесятыя годы, напоминающее „Корнета О глеттаева“. Эта старая, мягкая манера, при рѣзкой эффектности содержанія, производитъ своеобразное впечатлѣніе и подкупаетъ читателя. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Степнякъ достигаетъ большой силы, и это какъ-разъ тамъ, гдѣ ему приходится изображать чувство; тогда онъ умѣетъ находить слова глубокия и простыя, идущія отъ сердца къ сердцу. Сцена прощанія Кати съ Норовымъ въ „Новообращенномъ“ — созданіе настоящаго художника („Вѣстн. Европы“, 1907 г., X).

„Въ III томъ сочиненій Степняка вошли: повѣсть „Домикъ на Волгѣ“ (дополненная нынѣ впервые появившимися въ печати, двумя послѣдними главами), драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ „Новообращенный“ и знаменитая въ свое время, по широкому ея распространенію въ народѣ, въ 70-хъ годахъ, пропагандистами „Сказка о копейкѣ“. Всѣ три вещи являютъ собою образцы безспорно крупнаго художественнаго таланта автора, не только мастера рисовать картины природы и быта, но и психолога. Мѣтко и ярко-талантливо не пишетъ, а живописуетъ (если можно такъ выразиться) Степнякъ положенія, сцены, типы.

„...Драма „Новообращенный“ является дополненной противъ женевского изданія (1897 г.). Въ настоящемъ изданіи впервые внесены двѣ большія вставки.

„Сказка о копейкѣ“ въ русской печати является впервые. Она написана, кромѣ обычно всегда присущаго Степняку таланта, еще съ особымъ подъемомъ, съ удивительно мѣткимъ юморомъ, съ особо-характерными забавными подробностями и даже возвышается до пламеннаго пафоса“ („Вылое“, 1907 г., сент.).

„Третій томъ даетъ описаніе жизни нашихъ революціонеровъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ XIX вѣка — въ формѣ беллетристической: повѣсть „Домикъ на Волгѣ“ и драмы „Новообращенный“, „Сказка о копейкѣ“ представляетъ изъ себя попытку представить въ формѣ общедоступной сказки отношенія между классами крестьянства съ одной стороны, дворянства, духовенства и бюрократіи — съ другой“ („В. Водовозовъ“, „Говаризицъ“, 1907 г., № 311).

Часть IV. Андрей Кожуховъ. Изд. 3-е. Переводъ съ англійск. Ф. М. Степнякъ, подъ редакц. и съ предисл. П. А. Кропоткина. Съ приложеніемъ статьи Георга Брандеса и фототип. портр. автора.

Отзывы. „...Крупныя достоинства этого произведенія, остающагося единственнымъ дѣйствительно живымъ и, въ общемъ, глубоко правдивымъ изображеніемъ въ беллетристической формѣ нашего революціоннаго движенія конца 1870-хъ гг., изображеніемъ, дѣйствительно, дающимъ читателю очень многое для объясненія психологии этого движенія.

„Какъ и предыдущіе томы, 4-й изданъ очень хорошо. ...Оно не только обогащено интересной статьей датскаго критика Брандеса о Кравчинскомъ и критической замѣткой о его романѣ, написанной Кропоткинымъ (дополняющей его же статью о Кравчинскомъ, напечатанную въ I томѣ венгерскаго изданія), но и цѣлой главой романа, написанной чрезвычайно ярко и живо, въ которой описывается террористическое покушеніе на одного высокопоставленнаго „сановника“ въ 1879 г. (В. Водовозовъ, „Столичн. Почта“, 1908 г., № 220).

„Этотъ романъ, несомнѣнно, лучший изъ всѣхъ беллетристическихъ произведеній Степняка. Вполнѣ справедливо говоритъ Георгъ Брандесъ въ своей статьѣ „Сергѣй Степнякъ“, предпосланной этому роману, что „это книга—...совершенно вѣрный жизни и въ высшей степени увлекательный романъ. ...Точно также правъ Брандесъ, указывая, что въ этомъ романѣ есть много автобіографическихъ, характерныхъ для Степняка чертъ. На то же самое указываетъ и П. А. Кропоткинъ въ специально написанномъ для настоящаго изданія предисловіи“ („Минувшіе Годы“, № 3).

„Романъ знаменитаго писателя-революціонера, вышедшій нѣсколькими изданіями, послѣ того, какъ оказалось возможнымъ появленіе его въ Россіи, — не нуждается въ рекомендаціи. Степнякъ, конечно, самый яркій романтикъ русской революціи. Если учесть эту дымку романтизма надъ „Андреемъ Кожуховымъ“, то получается яркий и правдивый разсказъ о русскихъ революціонерахъ, а послѣднія главы его съ изображеніемъ казни чрезъ повѣшеніе одного изъ героевъ — нельзя читать безъ содроганія и волненія.

„Изданіе „Свѣточа“, единственно разрѣшенное вловку автора и превосходно проредактированное, — лучшее изъ русскихъ изданій Степняка. Къ нему приложены прекрасные портреты Кравчинскаго и др. и цѣлый рядъ пояснительныхъ статей о немъ и его сочиненіяхъ, уясняющихъ многое въ этой противорѣчивой натурѣ.“ („Бирж. Вѣд.“).

Часть V. Ольга Любатовичъ. — № 39 — Жизнь въ городишкѣ. — Степанъ Халтуринъ. — Волшебнику. — Габриальди. — Съ 3-мя фототипами.

Отзывы „Въ V томѣ сочиненій Степняка собрано нѣсколько очерковъ, по содержанию являющихся дополнительными главами къ его книгѣ „Подпольная Россія“ (Сочиненія т. II), посвященной жизни революционеровъ 1870-хъ годовъ: въ числѣ этихъ очерковъ мы находимъ характеристики Ольги Любатовичъ (начавшей революц. карьеру въ эпоху хожденія въ народъ и судившейся по процессу пятидесяти въ 1877 г.) и С. Халтурина (произведшаго взрывъ Зимняго дворца 5 февр. 1880 г.) и два беллетристическихъ очерка изъ тюремной и ссылки жизни. Къ этимъ очеркамъ изъ русской революционной жизни прибавлено небольшое стихотвореніе въ прозѣ „Волшебнику“ (посвященное пианисту-ребенку Гамбургу) и биографія Гарибальди. Всѣ характеристики отличаются свойственной Степняку яркостью красокъ и живостью изображенія, при нѣкоторой склонности къ ходульности, всѣ даютъ живые образы, нѣсколько односторонніе. За исключеніемъ „Гарибальди“, всѣ они появляются не только въ Россіи, но и по-русски—первые; они были либо напечатаны только по-английски, либо вовсе не были напечатаны“ („В. Водовозовъ“, „Столичная Почта“, 1908 г., № 250).

... Кромѣ „Гарибальди“, пять остальныхъ очерковъ и рассказовъ являются совершенной новинкой для русской публики и на русскомъ языкѣ появляются впервые, такъ какъ часть этихъ очерковъ недавно только найдена въ оставшихся послѣ Степняка бумагахъ, а часть была написана и напечатана по-английски.

Изъ этихъ очерковъ очень удачными вышли характеристики Ольги Любатовичъ и Степана Халтурина. Небольшой очеркъ № 39^а интересенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ очень живо обрисованы нравственные муки и страданія молодой дѣвушки, ни за что томящейся въ одиночной кельѣ дома предварительнаго заключенія, но этотъ очеркъ—только набросокъ, небольшой эскизъ, лишь кратко намѣчающій характеръ молодой узницы. Рассказъ „Жизнь въ городишкѣ“—очень интересное въ бытовомъ отношеніи описаніе горькаго и эпосчастнаго житья-бытья политическихъ административныхъ ссылныхъ, заброшенныхъ въ одинъ изъ городковъ Архангельской губ. на побережьѣ полярнаго моря. Этотъ рассказъ исполненъ глубокой жизненной правды. Это скажетъ всякій, кому случалось побывать въ административной ссылкѣ на сѣверѣ Россіи, въ особенности, въ эпоху семидесятихъ годовъ“... („Минувши Годы“, 1908, № 3).

Въ эту часть собранія сочиненій, издаваемого библиотекой „Свѣточа“ подъ редакціей С. А. Венгерова, вошелъ довольно значительный биографическій очеркъ Гарибальди и нѣсколько полу-беллетристическихъ рассказовъ изъ жизни русскихъ революционеровъ 70-хъ годовъ. Наибольшій интересъ представляетъ собою опытъ характеристики Степана Халтурина. Къ тому, что уже извѣстно о политической дѣятельности этого рабочаго-революционера, рассказъ Кравчинскаго прибавляетъ мало новаго; новой является характеристика Халтурина, какъ личности.

Въ рассказѣ „Ольга Любатовичъ“ фигурируютъ действительныя лица: О. Любатовичъ и Н. Морозовъ—отъ побѣды первой изъ нихъ изъ Ялutorовска до ареста обоихъ. Въ „№ 39“ мы

присутствуемъ при процессѣ мучительнаго разрушенія молодого организма въ одиночномъ заключеніи, примѣненномъ для полученія показаній. „Жизнь въ городишкѣ“ — жизнь вѣковой политической ссылки на крайнемъ сѣверѣ. Люди, знакомые со ссылкой позднѣйшаго времени, не имѣютъ представленія о томъ, чѣмъ была административная высылка въ 70-хъ годахъ. Хотя Кравчинскій не называетъ мѣстъ и именъ, хотя рассказы по формѣ — беллетристика, приходится признать, что авторъ не сгустилъ темныхъ сторонъ жизни ссылки того времени. —

„Книга въ цѣломъ читается съ интересомъ, благодаря живости изложенія и легкости стили. Вошедшіе въ нее рассказы переведены съ англійскаго и писались первоначально для англійскаго читателя“ („Современный Мир“, 1908 г., № 4).

Въ пятой части главное мѣсто занимаютъ революціонныя силуэты — Ольга Люботовичъ, Халтуринъ и др. Они сдѣланы съ тѣмъ же искусствомъ и въ тѣхъ же настроеніяхъ, въ какихъ рисуются фигуры Перовской, Кибальчина и др. въ „Подпольной Россіи“ („Виржев. Вѣд.“).

„Невольная эмиграція Степняка украла у Россіи не только крупнаго народнаго дѣятеля, но и крупную литературную силу. Въ этомъ человѣкѣ жилъ большой талантъ наблюдательности и той художественной дампливой хватки, которая обещала намъ въ немъ действительно талантливого беллетриста.“

„При глубокой природной нѣжности, прекрасномъ, прозрачномъ и легкомъ языкѣ страницы Степняка обвѣяны настоящей поэзіей, литературная память о немъ повита цвѣтами восхищенія и благодарности. Надо жалѣть, что ему пришлось написать такъ мало, но приходится удивляться, какъ ему, оторванному отъ почвы родины, отъ Россіи, русскаго языка, русскаго быта и русскаго людей, удалось съ такой кристалльной, отчетливой и пасковой ясностью воспроизвести фигуры героевъ этой жизни, и ея духъ, и ея атмосферу, и ея тоску.“

„Все это невольно приходитъ на умъ при чтеніи „Андрея Кожухова“, „Штундиста Павла Руденко“, „Домика на Волгѣ“, объ этомъ вспоминаешь со скорбью и злобой, когда читаешь въ предисловіи къ „Эскизамъ и Силуэтамъ“ о томъ, что они „появляются на русскомъ языкѣ впервые“, что изъ нихъ „часть лишь найдена въ бумагахъ автора“ и что „часть печаталась только на англійскомъ языкѣ и даже написана по-англійски“, что такіе очерки *русскихъ* писателя, какъ Ольга Люботовичъ, „Степанъ Халтуринъ“, „Жизнь въ городишкѣ“ для насъ, русскихъ, *переводы!*“

„Во всѣхъ характеристикахъ Степняка какъ-то невольно улавливается красивая и спокойная ласковость, съ которой этотъ хмурый человѣкъ съ желѣзной волей умѣлъ смотрѣть изъ-подъ своихъ нависшихъ бровей на людей, — на юношей, женщинъ, на мѣръ, на жизнь.“

„...Въ томъ же тонѣ ласки, любви и мягкости написаны и всѣ остальные характеристики, а маленькое „стихотвореніе въ прозѣ“ — „Волшебнику“, посвященное тогда еще юному пианисту Гамбургу — сама женственность“ („Образованіе“, 1908 г., № 7).

Часть VI. Чего намъ нужно?—Органическіе и случайные элементы въ политическихъ программахъ русскихъ демократовъ. (Съ приложеніемъ проекта русской конституціи). — Изъ «Сказки-Говорухи». — О Тургеневѣ («Рудинъ», «Дворянское Гнѣздо»). — Съ вступительной статьей В. В. Водовозова и фототипическ. портр. автора.

Отзывъ. «Большая часть тома занята, конечно, публицистикой: кромѣ „Чего намъ нужно“, тутъ статья „Органическіе и случайные элементы въ политическихъ программахъ русскихъ демократовъ“, два „Приложенія“ чрезвычайнаго интереса. „Критическихъ статей“ двѣ и объ о Тургеневѣ. Тутъ много любопытныхъ замѣчаній, есть хорошо подмѣненные мелочи и частности...» („Образованіе“, 1908 г., № 7).

Цѣна КАЖДОЙ части ОДИНЪ рубль.

Складъ изданій «Свѣточа» при Книг-въ
„ПРОМЕТЕЙ“, СПБ., Пушкинская, 15.

Съ подпиской на «Библиотечку СВѢТОЧА» и иногороднимъ обращаться въ Редакцію.
СПБ., Разъѣзжая, 39, С. А. Венгерову.

Библиотека „СВѢТОЧА“

подъ редакцией С. А. Венгерова.

Органъ литературы, исторіи и политики.

Библиотека „Свѣточа“ представляетъ собою рядъ отдѣльныхъ сочиненій и небольшихъ произведеній, распределенныхъ по слѣдующимъ сериямъ:

- I. Избранныя произведенія политической литературы.
- II. Матеріалы для исторіи русскаго общественнаго движенія.
- III. Вожди русскаго сознанія.
- IV. Исторія религій.
- V. Исторія и теорія литературы.
- VI. Произведенія русскихъ писателей, не вошедшія въ собранія ихъ сочиненій.
- VII. Лѣтопись текущихъ событій.

Цѣна за годовой комплектъ (50 № №) **десять** рублей.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:

- I. На 1-ый комплектъ (№№ 1—50).
 - а) при подпискѣ 5 рублей и по полученіи № 25—5 рублей; б) при подпискѣ 3 рубля, по полученіи № 15—3 рубля и по полученіи №№ 30 и 40 по 2 рубля.
- II. На 2-ой комплектъ (№№ 51—100).
 - а) при подпискѣ 5 рублей и по полученіи № 75—5 рублей; б) при подпискѣ 3 рубля, по полученіи № 65—3 рубля и по полученіи №№ 80 и 90 по 2 р.
- III. На 3-й комплектъ (№№ 101—150).
 - а) при подпискѣ 5 рублей и по полученіи № 125—5 рублей; б) при подпискѣ 3 рубля, по полученіи № 115—3 рубля и по полученіи № 130 и 140 по 2 рубля.

(См. с.м.д. стр.) 29

Вышедшіе No No:

(Подробно см. стр. 3—28 настоящего каталога).

- № 1. Мильтонъ. Рѣчь о свободѣ печати (Agoragistica). Ц. 20 к.
 " 2. В. Г. Бѣлинскій. Письмо къ Гоголю. Ц. 10 к.
 " 3. С. А. Венгеровъ. Эпоха Бѣлинскаго. Ц. 20 к.
 " 4. Самодержавіе и печать въ Россіи. Исторія петиціи 114 писателей и мартирологъ русской печати. Ц. 25 к.
 " 5. И. С. Тургеневъ. Неизданное стихотвореніе въ прозѣ „Порогъ“. Ц. 3 к.
 " 6—9. С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Ч. II. Ц. 1 р.
 " 10—14. К. К. Арсеньевъ. Садтыковъ-Щедринъ. Ц. 1 р. 50 к.
 " 15. А. Т. Горнфельдъ. Муки Слова. Ц. 20 к.
 " 16—20. Ренанъ. Жизнь Иисуса. Ц. 1 р. 50 к.
 " 21—25. Эдвинъ Арнольдъ. Свѣтъ Азии. Ц. 1 р. 50 к.
 " 26. М. К. Цебрикова. Письмо къ Александру Шю. Ц. 20 к.
 " 27. М. К. Цебрикова. Каторга и ссылка. Ц. 20 к.
 " 28—32. Проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій. Гоголь. Ц. 1 р.
 " 33—34. Проф. Н. И. Карѣевъ. Теорія личности П. Л. Лаврова. Ц. 30 к.
 " 35—39. С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Ч. I-я. Ц. 1 рубль.
 " 40—43. Жанъ-Жакъ Руссо. О причинахъ неравенства. Ц. 75 к.
 " 44—50. Максъ Штирнеръ. Единственный и его собственность. Ч. I. Ц. 1 р. 25 к.
 " 51—55. С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Ч. III. Ц. 1 р.
 " 56—65. С. А. Венгеровъ. Очерки по исторіи русской литературы. Ц. 2 р. 50 к.
 " 66—70. С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Ч. IV. Ц. 1 р.
 " 71—75. Н. А. Котляревскій. Литературныя направленія Александровской эпохи. Ц. 1 р. 25 к.
 " 76—80. С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Ч. V. Ц. 1 р.
 " 81—86. Проф. Н. А. Котляревскій. Рылѣевъ. Ц. 1 р. 25 к.
 " 86—90. С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Ч. VI. Ц. 1 р.
 " 91. С. А. Венгеровъ. Основные черты исторіи новейшей русской литературы. Ц. 40 к.
 " 92. Ж. Ж. Руссо. О вліяніи наукъ на нравы. Ц. 30 к.
 " 93—100. Максъ Штирнеръ. Единственный и его собственность. Ч. II.
 " 101—112. Ч. Вѣтринскій. Герценъ. Ц. 3 рубля.

Подписчики на 2-й годовой комплект, желающіе получить I и II ч. собр. соч. Степняка и I ч. Штирнера, при обращеніи въ редакцію, улачивающія по 75 копѣекъ за каждую изъ названныхъ книгъ и стоимости пересылки.

Съ подлинной обращаться исключительно по адресу:

СПБ. Разъѣзжая 39., С. А. Венгерову.

„Русская Пoesія“.

„Русская Пoesія представляет собою соединеніе значительнаго количества полныхъ собраній стихотвореній русскихъ поэтовъ съ пространною историко-литературною хрестоматію произведеній избранныхъ

Главная цѣль изданія—историко-литературная полнота. Поэтому въ него, помимо поэтовъ первостепенныхъ, входятъ не только поэты второстепенные и третьестепенные, но даже и такіе, которые пользуются исключительно отрицательною извѣстностью, какъ напр., графъ Хвостовъ и др.

Полныя собранія даются: 1) для большинства поэтовъ классическихъ, составляющихъ эпоху въ исторіи русской литературы; 2) для поэтовъ второстепенныхъ, немного писавшихъ и полное собраніе стихотвореній которыхъ поэтому не объемисто; 3) для поэтовъ, произведенія которыхъ еще не были собраны или стали библиографическою рѣдкостью.

Вступительныя статьи составляютъ собою собраніе—частью полностью, частью въ пространномъ извлеченіи—лучшихъ (уже появившихся) статей о русскихъ поэтахъ. О каждомъ поэтѣ дается одна или двѣ статьи, объ остальныхъ статьяхъ, посвященныхъ данному поэту, упоминается въ библиографическихъ примѣчаніяхъ съ передачею ихъ содержанія.

Содержаніе I тома: (Выпуски 1—6) Огдѣль П. Кантемиръ, Третьяковскій, Ломоносовъ, Сумароковъ, Василій Майковъ, Костровъ, Петровъ, Хемницеръ, Херасковъ, Богдановичъ, Державинъ. Отдѣлъ П. К. (Стихотворенія писателей, посвятившихъ себя по преимуществу другимъ родамъ литературы и второстепенныхъ): Аблесимовъ, Барковъ, кн. Дашкова, Елагинъ, Капнистъ, Княжнинъ, Козолавлевъ, Львовъ, Муравьевъ, Николевъ, Осиповъ, Поповскій, Радищевъ, Фонъ-Визинъ, Чулковъ. Отдѣлъ П. К. (Мелкіе поэты 18 вѣка, дополненія и примѣчанія). Здѣсь собрано почти все, что писано о поэтахъ 18 вѣка, дабы библиографическія примѣчанія и приведены образцы стихотвореній (Алексѣева, Балдана, Барсова, Болотова, Буслева, Верещагина, Виноградова, Владыкина, Волкова, Голъневскаго, Дмитріева-Мамонова, Домашнева, Дубровскаго, Екатерины П, Елизаветы Петровны, Зубовой, Ильинскаго, Княжничей, Козельскаго, Кондратовича, Котельническаго, Теофила Кролика, Кузнецовой, Порбуновой, Леонтьева, Попова, Рубана, Сандуновой, Херасковой, Храповицкаго, Шувалова, Эмина, Теофана Прокоповича и др. (Цѣна 8 р.).

Содержаніе 7 выпуска: полное собраніе стихотвореній Нелединскаго-Буткова, Мелетинскаго и Карамзина цѣна 1 рубль.

Съ требованіями обращаться: С-Петербургъ, Разъѣзжая, 39, А Семёну Аванасьевичу Венгерову.

1867 г. 1981 г.

КРИТИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И УЧЕНЫХ.

С. А. Венгерова.

Первые IV тома Словаря составлены в алфавитном порядке (Ааронъ-Богдановичъ и во II отдѣлѣ IV тома Вавиловъ-Введенскій). Они состоятъ изъ краткихъ замѣтокъ о писателяхъ, отмѣченныхъ лишь ради полноты, или (если они наши современники) недостаточно еще опредѣлившихся, и изъ пространнѣхъ этюдовъ и монографій о писателяхъ, имѣющихъ литературное или ученое значеніе. Начиная съ V тома, Словарь превратился въ историко-литературный сборникъ, дающій видъ алфавитнаго порядка разнаго рода статьи и материалы о русскихъ писателяхъ и ученыхъ. Материалы эти подчасъ состоятъ изъ указаній въ нѣсколько строкъ, но часто даютъ и исчерпывающія изслѣдованія. Съ VI тома началось печатаніе обширнаго автобиографическаго архива, собраннаго составителемъ. Чтобы придать Сборнику своего рода законченность, въ концѣ каждаго тома, начиная съ V-го, приложенъ указатель ко всему изданію.

Кромѣ составителя въ Словарь приняты участіе слѣдующія лица: проф. В. Н. Александренко, проф. П. П. Алексеевъ, проф. А. С. Архангельскій, проф. Д. И. Багалъ, ген.-лейт. П. О. Вобровскій, прив.-доц. В. В. Вобылинъ, проф. А. И. Бодуэнъ-де-Куртэнъ, акад. И. П. Бородинъ, проф. А. К. Бороздинъ, В. О. Боцяновскій, Л. М. Брамсонъ, проф. Э. К. Брандтъ, А. И. Бруадо, проф. А. Н. Бекетовъ, акад. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, проф. С. К. Буличъ, Н. Ф. Бунаковъ, проф. Н. П. Вагнеръ, прив.-доц. Э. А. Волтеръ, акад. В. Г. Васильевскій, проф. А. В. Васильевъ, акад. В. П. Васильевъ, В. В. Зинаида Венгерова, проф. Н. И. Веселовскій, П. П. фонъ-Винклеръ, проф. В. В. Витковский, проф. П. В. Владимировъ, В. Водарскій, прив.-доц. Г. М. Герцимитейнъ, проф. Н. Х. Гоби, прив.-доц. М. Ю. Гольдштейнъ, В. А. Гольцевъ, Л. О. Гордонъ, Б. М. Городецкій, М. И. Городецкій, Е. А. Джамиевъ, проф. И. М. Догель, проф. В. С. Иконниковъ, В. С. Карцовъ, проф. Н. И. Карневъ, А. И. Куртмицковъ, проф. Максимъ Ковалевскій, проф. Н. О. Ковалевскій, Я. Н. Колубовскій, Н. П. Колопановъ, проф. Д. А. Корсаковъ, С. К. Костинскій, В. М. Латышовъ, В. В. Лесевичъ, проф. П. Ф. Леслафтъ, проф. И. В. Лучинскій, А. Е. Лиценко, М. Н. Мавзевъ, М. М. Марюшиковъ, проф. Н. А. Мениуткинъ, проф. П. Н. Милковъ, проф. О. Г. Мищенко, проф. В. И. Модестовъ, проф. С. А. Муромцевъ, проф. И. С. Мушкетевъ, Л. Е. Оболенскій, акад. С. О. Ольденбургъ, прив.-доц. П. В. Отловскій, проф. В. Т. Собичевскій, проф. В. В. Пащуртинъ, проф. В. Н. Перизъ, М. П. Песковскій, А. Н. Петровъ, проф. О. О. Петрушевскій, проф. К. А. Поссе, Э. Л. Радловъ, прив.-доц. П. Я. Розенбаумъ, В. Е. Рудаковъ, В. И. Семейскій, Л. З. Слонимскій, Владиміръ Соловьевъ, В. Н. Сторожковъ, проф. Н. О. Сушковъ, А. А. Тиндовъ, Гр. Л. Н. Толстой, Н. М. Тушковъ, А. М. Уманскій, Е. Н. Храпевичъ, проф. С. И. Чирьевъ, проф. А. Штуркенбергъ, П. Е. Щеголевъ, Е. Н. Шенкина, проф. В. А. Яковлевъ, А. Е. Яловскій, А. В. Эвзельмирскій.

Цѣна I тома 5 р. 25 к., II тома 2 р. 25 к., отдѣльные томы по 2 р. 50 к. безъ пересылки—Выписывающіе на сумму не менѣе 10 рубл. за пересылку не платятъ.

Первый томъ отдѣльно не продается. Подѣлтъ съ требованіями обращаться СПБ. Разъѣзжая, 39. С. А. Венгерова.

Полное собраніе сочиненій
В. Г. БѢЛИНСКАГО.

ВЪ 12 ТОМАХЪ.

подъ редакціей и съ примѣчаніями С. А. Венгерова.

ИЗЪ ПРЕДИСЛОВІЯ РЕДАКТОРА.

Прекращеніе въ 1898 г. правъ литературной собственности на сочиненія Вѣлинскаго вызвало появленіе ряда разнаго объема собраній произведеній великаго критика. Достоинства ихъ различны. Есть такія, которыя мы готовы назвать кошунственными—такому измѣненію подвергся въ нихъ текстъ Вѣлинскаго, и подгоняли ихъ подъ тѣ рубрики, которыя они произвольно устанавливали. Мы называемъ такое отношеніе кошунственнымъ, потому что всякая статья Вѣлинскаго есть одно органическое цѣлое, изъ котораго, какъ изъ пѣни, какъ изъ стихотворенія, нельзя выкинуть ни одного слова, не лишивъ аромата, не ослабивъ внутренняго пламени, придающаго такое неотразимое обаяніе всему, что вышло изъ-подъ пера великаго писателя истины. Вѣлинскій всегда писалъ статьи въ своего рода экстазѣ и выражалъ въ нихъ все то, что его въ данный моментъ мучило и волновало, хотя бы оно непосредственно къ предмету статьи и не относилось. Это несомнѣнно приводило и къ длинностямъ, и къ отступленіямъ, которыя одному систематизатору покажутся и лишними, и неидущими къ „дѣлу“, но именно эти-то отступленія, отъ-то порывъ выразить всю полноту внутренней работы высокаго духа и великаго сердца и составляютъ сущность литературнаго значенія Вѣлинскаго, и кастрировать ихъ значитъ вынимать изъ его статей живую душу. Вотъ почему при желаніи издать *неполное* собраніе сочиненій Вѣлинскаго есть только одинъ способъ—давать избранныя статьи, но давать непременно цѣликомъ. Такому условію вполнѣ удовлетворяютъ нѣкоторыя изъ появившихся въ 1898 году изданій, и нельзя не пожелать имъ самаго полнаго успѣха. Еще большаго сочувствія заслуживаетъ мысль издавать отдѣльныя статьи Вѣлинскаго и по дешевой цѣнѣ пускать ихъ въ большую публику. Такимъ путемъ нѣсколько издателей сдѣлали общимъ достояніемъ знаменитый „восьмой томъ“ прежняго 12-томнаго изданія, т. е. статьи о Пушкинѣ, превратившіяся у Вѣлинскаго въ цѣлый курсъ исторіи русской литературы. Эти общедоступныя изданія составляютъ несомнѣнный шагъ къ осуществленію завѣтной мечты Некрасова о томъ времени, когда мужикъ, вмѣсто «Влюхера» и «Милорда Аглицкаго»,

Вѣлинскаго и Гоголя

съ базара понесетъ.

Въ общемъ, прекращеніе правъ литературной собственности на наследіе Вѣлинскаго несомнѣнно много содѣйствовало распространенію его сочиненій.

Каждому дана возможность что-нибудь из них приобрести для домашней библиотеки.

Но рядомъ съ этимъ остается еще одна важная задача—надо дать изданіе удовлетворительное и *по полнотѣ*. Думали, что къ 26 мая 1898 г. появится рядъ изданій, но меньшею мѣрѣ столь же полныхъ, какъ основное 12-томное собраніе сочиненій, изданное въ 1859—61 гг. К. Т. Солдатенковымъ. Но эти ожиданія совершенно не оправдались, и всѣ изданія 1898 г. и позднѣйшія не выдерживаютъ никакого сравненія съ изданіемъ К. Т. Солдатенкова.

А между тѣмъ и это изданіе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо ни полнымъ, ни тщательно редактированнымъ. Въ немъ очень много пропусковъ, а помѣщенное часто урѣзано. Редакторъ изданія К. Т. Солдатенкова— покойный Н. Х. Кетчеръ—не только не бралъ всѣхъ статей Вѣлинскаго (онъ совсѣмъ не включилъ больше 400 небольшихъ отзывовъ), но и въ томъ, что бралъ, выбрасывалъ цѣлыя страницы и тирады. Въ особенности онъ былъ безжалостнымъ къ цитатамъ, которыя ему, очевидно казались лишнимъ балластомъ, хотя на самомъ дѣлѣ ничто такъ не содѣйствуетъ усвоенію мыслей критика, какъ удачно подобранныя выдержки. Немало статей осталось ему и совершенно неизвѣстнымъ. Наконецъ, крупнѣйшимъ недочетомъ перваго собранія сочиненій Вѣлинскаго является то, что въ немъ совершенно нѣтъ одной изъ драгоцннѣйшихъ частей духовнаго наслѣдства Вѣлинскаго—его писемъ. Недостигаемый вѣднми соображеніями, Вѣлинскій въ письмахъ все отдавалъ своему порыву и достигалъ силы изумительной. Въ письмахъ къ друзьямъ и въ знаменитомъ письмѣ къ Гоголю Вѣлинскій поднимался до вершинъ воодушевленія и негодующаго краснорѣчія.

Указанные недочеты, оставляя въ сторонѣ разные недочеты второстепенные, ставятъ на очередь вопросъ объ изданіи полномъ и удовлетворяющемъ требованіямъ историко-литературной обстоятельности, съ провѣренными и полнымъ текстомъ съ историко-литературными комментаріями съ объясненіями непонятныхъ уже теперь намековъ и неясностей, съ указаніемъ литературы предмета, съ портретами, рисунками, снимками, съ подробными указателями встрѣчающихся именъ и затронутыхъ сюжетовъ. Настоящее изданіе есть попытка дать такое изданіе, достойное памяти великаго писателя. Мы, къ сожалѣнію, все же менѣе увѣрены въ томъ, что намъ дѣйствительно удастся осуществить такое изданіе, но таково, во всякомъ случаѣ, цѣль наша.

Настоящее изданіе будетъ состоять изъ 12 томовъ журнальнаго формата и очень бористой печати въ 500 и болѣе страницъ въ каждомъ томѣ. По приблизительному разсчету вмѣсто 220 печатныхъ листовъ прежнихъ изданій въ нашемъ изданіи будетъ около 400.

Вышло 8 томовъ. Цѣна каждого 1 рубль 25 коп. безъ пересылки. Вписывающіеся въ настоящее время въ 8 томовъ за пересылку не платятъ.

Съ декабря 1909 г. цѣна будетъ повышена до 1 р. 75 к. за томъ.

Съ требованіями обращаться по адресу: С. Петербургъ, Разъѣзная, 39, Семену Аванасьевичу Венгерову.

КАТАЛОГЪ

Книгоиздательства „ПРОМЕТЕЙ“.

СВЦ., Пушкинская, 15.

Всѣ книги высылаются почтой наложеннымъ платежомъ.

Пересылка по дѣйствительной стоимости.

Выписывающимъ книгъ, помѣщенныхъ въ этомъ каталогѣ, на 3 руб. и болѣе и приславшимъ деньги впередъ (можно марками) пересылка **БЕЗПЛАТНО** (въ предѣлахъ Европ. Россіи).

Школамъ, земствамъ, библіотекамъ и другимъ просвѣтительнымъ учреждениямъ—скидка.

Амфитеатровъ А. В. Сумерки божьевъ. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Часть I.	1 25
Часть II.	1 25
Амфитеатровъ А. В. Противъ течения	1 —
Волинъ Ю. Рассказы. Изд. 3-е	1 —

Рассказы Ю. Волина вышли въ издательствѣ „Прометей“ уже вторымъ изданіемъ съ дополненіемъ новыхъ двухъ рассказовъ. Всѣ они взяты изъ жизни пролетаріата и дышатъ глубокой любовью къ нему. Въ этихъ рассказахъ отразились бури послѣднихъ лѣтъ.

Послѣдніе годы внесли новую заботу, новый ужасъ въ жизнь еврейскаго народа, и мѣсто сѣрой заботы заняла трагедія. Весь ужасъ этой трагедіи, кажется, сконцентрировался въ рассказѣ „Тайна“. Страшная тайна нависла надъ одной еврейской семьей, и эта тайна, этотъ ужасъ жить.. жить въ лицѣ ни въ чемъ неповиннаго юноши.

Двадцать лѣтъ тому назадъ, въ мирную жизнь еврейскаго населенія ворвался день, „день ужаса и позора, день крови и безумія“. Онъ

оставилъ въ семьѣ „двѣ памяти, одну—въ могилѣ матери на старомъ кладбищѣ, другую—въ ребенкѣ, зачатомъ въ самый страшный часъ этого безумія“. И ребенокъ родился среди проклятій матери и росъ подъ гнетомъ ея ненависти, какъ само воплощеніе ея позора и страданій. Разсказъ этотъ производитъ потрясающее впечатлѣніе. Многія сцены другихъ разсказовъ, какъ напримѣръ, похороны фабричной дѣвушки Либы въ разсказѣ „Ново-Долиновъ“, очень ярки и эффектны и производятъ сильное впечатлѣніе.

(В. Величина. „Образованіе“, 1908 г., январь).

Е. Войничъ. Оводъ. Романъ изъ революціонной жизни Италіи XIX вѣка. Переводъ съ англійскаго З. А. Венгеровой. 3-е изданіе. 320 стр. -- 60

„Яркій, сильный, увлекательный романъ... весь проникнутый „дыханіемъ свободы“... Онъ возвратилъ насъ къ тому настроенію, при которомъ героизмъ становится возможнымъ и обычнымъ. Страшны его коллизіи, гдѣ любящій отецъ вынужденъ осудить на смерть только-что найденнаго сына. Но это не трагедія личныхъ страстей, это роковое столкновение мировоззрѣній, для котораго нѣтъ примиряющаго синтеза. Участникамъ этой великой борьбы романъ Войничъ даетъ живое вдохновеніе тѣмъ, кто въ силахъ быть лишь ея наблюдателямъ, онъ сообщаетъ горячее сочувствіе,—уваженіе къ создающему труду живыхъ и преклоненіе передъ памятью павшихъ“. „Прекрасный переводъ З. А. Венгеровой и изящная внѣшность изданія дополняютъ общее благоприятное впечатлѣніе“. („Русск. Богатство“, „Русск. Вѣд.“, „Наши Дни“, „Ам. Край“).

Г. Ибсенъ. Полн. собр. соч. въ 8 томахъ. Переводъ А. и П. Гамленъ.

...Въ противоположность тому, съ чѣмъ познакомили насъ прежніе переводчики, языкъ пьесъ, помѣщенныхъ въ лежащемъ передъ нами (пятомъ) томѣ, простъ и ясенъ, и лишень тѣхъ недомолвокъ и намековъ, которые считаются неотъемлемою частью Ибсена. Каждой изъ пьесъ предпосланъ очеркъ, указывающій на время появленія пьесы и на обстоятельства, сопровождавшія ея появленіе; вмѣстѣ съ тѣмъ приведены и критическіе отзывы о пьесахъ, принадлежащіе выдающимся иностраннымъ критикамъ. Эти очерки, несмотря на свою краткость, составлены очень интересно... По своему внѣшнему изящному виду изданіе производитъ такое же пріятное впечатлѣніе какъ и по достоинствамъ перевода“.

„Русскія Вѣдомости“, 1903 г. № 241 (1 сентября).

Г. Линдовъ. Великая французская революція. — 50

Брошюра написана очень популярно и доступно, предназначена для читателя сравнительно невысокаго образовательнаго уровня и можетъ имѣть широкое распространеніе. Авторъ изображаетъ причины революціи, паденіе стараго строя, господство санколотовъ и ликвидаціи революціи. Въ текстѣ приведены полностью „декларация правъ челоука и гражданина“ и почти полностью „манифестъ равныхъ“, „анализъ доктрины Бабефа, народнаго трибуна“.

(«Образованіе», Мартъ, 1907 г.).

Пестель, П. И. Русская Правда. Наказъ Временному Верховному Правленію. Подъ редакціей и съ предисловіемъ П. Е. Щеголева. 1 —

Послѣ ареста Пестеля „Русская Правда“ была зарыта его единомышленниками въ землю, но впоследствии офицеръ Заикинъ, отправленный въ кандалахъ изъ Петербурга на югъ, указалъ мѣсто, гдѣ была зарыта „Правда“. „Правда“ была извлечена изъ-подъ земли, доставлена въ Петербургъ и здѣсь была сочтена самой страшной уликой противъ Пестеля. „Правдѣ“ было приписано необыкновенное вліяніе на убѣжденія, и врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что не только членамъ Верховнаго Уголовнаго Суда, но даже и членамъ Слѣдственной Комиссіи она не была хорошенъко извѣстна. Императоръ Николай Павловичъ опасался, вѣроятно, и за членовъ Комиссіи.

Камилль Фламмаріонъ. *Невѣдомыя силы природы.* Переводъ съ французскаго, съ 10 рисунками, отпечатанными на отдѣльныхъ листахъ мѣловой бумаги, и около 30 рисунк. и черт. въ текстѣ 2 —

Эта книга извѣстнаго астронома Фламмаріона посвящена изслѣдованію „невѣдомыхъ“ силъ въ природѣ. Излагая наблюденія и опыты въ области такъ называемаго спиритизма, какъ свои собственные, такъ и другихъ извѣстныхъ ученыхъ, какъ: **Крупса**, проф. **Тури** и др. авторъ, признавая существованіе въ природѣ чего-то „таинственнаго“ и „невѣдомаго“, даетъ въ то же время вполне научное объясненіе во всемъ этимъ явленіямъ, разоблачая попутно плутни, мистификаціи и жонглерства, практикуемыя нѣкоторыми мѣдуумами. Этому вопросу посвящена цѣлая глава.

Присущій Фламмаріону поэтической талантъ, развитая фантазія, глубокая эрудиція, наряду съ популярнымъ изложеніемъ, дѣлаютъ предлагаемую книгу необходимой для всѣхъ интересующихся вопросами таинственнаго и непонятнаго, что происходитъ въ природѣ, и приложенные въ изобиліи рисунки и чертежи вполне наглядно иллюстрируютъ мысли автора.

Бороздинъ, А. К. Проф. Русское религиозное разномысліе. Изданіе 2-ое, дополненное 1 —

Содержаніе: 1) Съ Преображенскаго кладбища, 2) Основатель новоженства, 3) распространитель ученія о приходѣ антихриста, 4) Основатель секочества въ Россіи, 5) Общій очеркъ развитія раскольничьей литературы, 6) Расколъ въ Поморьѣ, 7) Духоборы на Кавказѣ, 8) Сильвестръ Медвѣдевъ.

Лютгенау, Фр. Естественная и социальная религія. Переводъ съ нѣмецкаго **В. Величкиной** 1 —

Совершенно иной методъ разъясненія религиозныхъ явленій проложилъ историческій материализмъ. Карлъ Марксъ указалъ на то, что всякая исторія религіи не состоитъ изъ, если она не принимаетъ во вниманіе зависимость религіи отъ экономическихъ отношеній и, въ послѣднемъ счетѣ, — отъ условий производства и обмѣна. Въ трудахъ Маркса и Энгельса мы найдемъ множество эзекурсій въ область исторіи религіи, въ которыхъ проводится связь между экономической струк-

1967 г. 1981 г.

порой общества и его религиозными представлениями. Карль Каутский подробно разобрал важнейшие периоды истории религии с точки зрения исторического материализма. Но многое осталось еще незатронутым в этой области“.

Фейербахъ, Л. Сущность христианства. Полный перев. под ред.

Ю. М. Антоновскаго 1 50

Книга Фейербаха принадлежит къ числу тѣхъ, которыя составили эпоху въ истории мысли. Ея влияние на современниковъ было необычайно. Фридрихъ Энгельсъ въ своей книгѣ о Фейербахѣ говоритъ, что нужно самому пережить освобождающее дѣйствіе этой книги, чтобы составить о ней должное представленіе. Фейербахъ самъ говоритъ о ходѣ своего философскаго развитія, что его первую мысль былъ Богъ, второй— разумъ, а третьей и послѣдней— человекъ. Глубокое изслѣдованіе сущности христианства, которому авторъ посвятилъ значительную часть своей жизни, осталось до сего времени не превзойденнымъ. Серьезное отношеніе къ вопросу, проникнутое научныхъ духомъ и глубокимъ уваженіемъ къ христианамъ первыхъ вѣковъ, составляетъ особенность этой книги. Религія вообще разсматривается, какъ объективированіе чело- вѣкомъ своихъ потребностей и сокровенныхъ желаній своего сердца. Настоящее изданіе снабжено биографическимъ очеркомъ Квенцеля, и самый переводъ проредактированъ г. Антоновскимъ по послѣднему, критическому изданію 1901 г.

Абрамовичъ. Человекъ будущаго. Очеркъ философской утопіи

Фр. Нище 30

Кажановъ, Н. Соціально-хозяйственная эволюція и смѣна цивилизацій. Съ предисловіемъ проф. Скворцова. 55

Нище Фр. Такъ говорилъ Заратустра. Полный переводъ Ю. М.

Антоновскаго. Изданіе 3-е 1 25

Русскій читатель имѣетъ, наконецъ, не только полный, но и строго литературный переводъ книги, проведеншей глубочайшую борозду въ душѣ современнаго чело- вѣка. Книга издана со вкусомъ, что все еще рѣдкость для нашихъ изданій.

(А. Вергежскій, „Рѣчь“, 25 янв. 1907 г., № 20).

Эльцбахеръ. Сущность анархизма. Изданіе 2-ое 75

„...Превосходнымъ пособіемъ для того, чтобы разобраться въ путаницѣ понятій объ анархизмѣ и составить себѣ ясное понятіе о сущности анархическаго ученія, можетъ служить работа Эльцбахера. Работа эта основана на тщательномъ изученіи литературы анархизма и отличается рѣдкой объективностью и научной добросовѣстностью.

...Книга Эльцбахера—въ высшей степени цѣнная и интересная работа, и мы считаемъ долгомъ усиленно рекомендовать ее вниманію нашихъ читателей... Переводъ сдѣланъ литературно и читается легко.

(„Русское Богатство“, 1906 г., № 7).

Вандервельде, Э. Социализм и сельское хозяйство. Курсъ лекцій, читанный въ народномъ университетѣ въ Брюсселѣ въ 1906 г. Переводъ Н. Н. Сувилова — 50

Въ обширной литературѣ аграрнаго вопроса книжка бельгійскаго социалиста, предназначенная для широкаго круга читателей и вполнѣ отвѣчающая этому назначенію, отнюдь не будетъ лишнею. Слѣдуя во всѣхъ существенныхъ пунктахъ за Каутскимъ, Вандервельде обобщиваетъ не только выводы на новыхъ отчасти данныхъ и даетъ деталямъ новое освѣщеніе; между прочимъ, онъ сообщаетъ любопытныя подробности объ экономическомъ бытѣ Бельгіи, которую у насъ вообще мало знаютъ. („Русскія Вѣдомости“).

Луи, Поль. Послѣдствія русской революціи — 10

Извѣстный французскій социологъ П. Луи, разсматривая событія послѣднихъ лѣтъ въ Россіи, констатируетъ глубокий подъемъ широкихъ народныхъ массъ и окончательное разложеніе стараго порядка. Предугадывая послѣдствія русской революціи и пытливно вглядываясь въ ближайшее будущее, онъ приходитъ къ убѣжденію, что послѣдніе годы русской жизни будутъ имѣть большое значеніе не только для Россіи, но и для Западной Европы.

Дѣйствительно, чуткая германская социаль-демократія уже воспользовалась происшедшимъ и нѣсколько измѣнила свои боевые лозунги, касаясь отношеній европейской демократіи къ русскимъ собратіямъ. П. Луи отмѣчаетъ всеобщую искреннюю симпатію и сочувствіе.

Рабочій, какъ классъ, — впервые выступилъ въ русской революціи.

Прокоповичъ, С. Н. Къ рабочему вопросу въ Россіи 1 —

Содержаніе: 1) Общество взаимопомощи. 2) Забастовки. 3) Фабричное законодательство. 4) Ответственность предпринимателей. 5) Всеобщая забастовка 1906 г. 6) Заключение.

Тотоміанецъ, В. Ѳ. Сельско-хозяйственная кооперація. Очерки съ приложеніемъ уставовъ 2 —

Смирновъ. Краткій народный словарь; необходимое пособіе при чтеніи газетъ и популярныхъ брошюръ — 10

А. Водорезъ (издатель)
Ш. Жидъ (кооперативъ)

Титулярна-г-ва Общественна-Почва, Е. Поляна, 38

1967 г. 1981 г.

Вандервельде В. Социализм и сельское хозяйство. Курс лекций. Кн. I. 1900. 112 стр. 25 к.

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА.

- № 1. Н. А. Рубакинъ. Исторія русской земли. Съ рисунками. Кн. I. 25 к.
- № 2. Н. А. Рубакинъ. Исторія русской земли. Кн. II. 20 „
- № 3. Н. А. Рубакинъ. Исторія русской земли. Кн. III. 25 „
- № 4. Н. А. Рубакинъ. Исторія русской земли. Съ рисунками. Кн. I, II, III. 70 „
- № 5. Линдовъ. Великая французская революція. 50 „
- № 6. Вандервельде. Социализмъ и сельское хозяйство. 50 „
- № 7. Смирновъ. Краткій народный словарь. Пособіе при чтеніи газетъ и популярныхъ брошюръ. 10 „

ПЕЧАТАЮТСЯ:

- № 8. Н. А. Рубакинъ. Дѣдушка-время.
- № 9. Н. А. Рубакинъ. Птичьи гнѣзда. (Искусство въ мірѣ животныхъ).
- № 10. Н. А. Рубакинъ. Путешественники и переселенцы въ мірѣ животныхъ.
- № 11. Н. А. Рубакинъ. Когда, какъ и почему появились люди на землѣ.
- № 12. Н. А. Рубакинъ. Какъ и когда люди научились говорить?

Амфитеатровъ. Антики (печ.).
А. Федоровъ. За океанъ (печатается).
Ш. Жидъ. Кооперация (печатается).

БИБЛИОТЕКА „СВѢТОЧА“

подъ редакціей С. А. Венгерова.

Органъ литературы, исторіи и политики.

Библиотека „Свѣточа“ представляет собою рядъ отдѣльныхъ сочиненій и небольшихъ произведеній, распредѣленныхъ по слѣдующимъ сериямъ: I. Избранныя произведенія политич. литературы. II. Матеріалы для исторіи русск. общественнаго движенія. III. Вожди русскаго сознанія. IV. Исторія религій. V. Исторія и теорія литературы. VI. Произведенія русскихъ писателей, не вошедшія въ собранія ихъ сочиненій. VII. Лѣтопись текущихъ событій.

Цѣна за годовой комплектъ (50 №№)—10 р. Каждое сочиненіе, входящее въ составъ Библиотеки „Свѣточа“, продается отдѣльно. Выписывающіе изъ редакціи на сумму не менѣе 2-хъ рублей за пересылку не платятъ. За наложеніе платежа прибавляется 10 к. на весь заказъ, заказы на сумму менѣе одного рубля наложеннымъ платежомъ не высылаются. Суммы менѣе одного рубля можно высылать почтовыми марками. Иногородные обращаются въ редакцію: Спб., Разъѣзжалъ, 39, С. А. Венгерову. Городскіе—въ книгоиздательство „Прометей“—Спб. Пушкинская, 15. №№ 1—5 и 10—27 имѣются также въ книжн. складахъ: 1) „Обществен. Польза“, В. Подъяческая, 39 и 2) А. Э. Винеке, Екатеринбургск. пр., 15.

ПЕРВЫЙ ГОДОВОЙ КОМПЛЕКТЪ (№№ 1—50).

- № 1. Мильтонъ. Рѣчь о свободѣ печати (Agoragitis). Ц. 20 к.
” 2. В. Г. Бѣлинскій. Письмо къ Гоголю. Съ предисл. С. А. Венгерова. Ц. 10 к.
” 3. С. А. Венгеровъ. Эпоха Бѣлинскаго. Общій очеркъ. Ц. 20 к.
” 4. Самодержавіе и печать въ Россіи. Исторія петиціи 114 писателей и мартирологъ русской печати. Съ пред. С. А. Венгерова. Ц. 25 к.
” 5. И. С. Тургеневъ. Неизд. стихотв. въ прозѣ „Порогъ“. Ц. 3 к.
” 6—9. С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Собр. соч., дополн. по рукоп. Единств., разрѣшенное вдовою автора, изданіе. Ч. II. Подпольная Россія. 3-е дополн. русск. изд. Съ 7 фототип. Ц. 1 р.
” 10—14. Е. Е. Арсеньевъ. Салтыковъ-Щедринъ. Съ 5 фототипіями. Ц. 1 р. 50 к.
” 15. А. Г. Горнфельдъ. Муки Слова. Ц. 20 к.
” 16—20. Ренанъ. Жизнь Іисуса. Полный научн. пер. А. С. Усовой подъ ред. и съ предисл. акад. Александра Веселовскаго. Съ портр. Ренана. Ц. 1 р. 50 к.
” 21—25. Эдвинъ Арнольдъ. Свѣтъ Азіи (изложеніе въ поэтич. формѣ буддизма). Перев. А. М. Федорова. 2-е иллюстр. изд. съ пред. и примѣч. академика С. Э. Ольденбурга. Ц. 1 р. 50 к.
” 26. М. К. Цебрикова, Письмо къ Александру III. Съ прибавленіемъ написанныхъ для настоящаго изданія воспоминаній. Ц. 20 к.
” 27. М. К. Цебрикова. Каторга и ссылка. Ц. 20 к.
” 28—33. Проф. Д. Н. Овсянко-Куликовскій. Гоголь. 2-е дополненное изданіе. Съ фототипич. портр. Гоголя. Ц. 1 р.
” 33—34. Проф. Н. И. Карѣевъ. Теорія личности П. Л. Лаврова. Съ фототипич. портр. Лаврова. Ц. 30 к.
” 35—39. С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Собраніе сочиненій, дополненное по рукописи. Единств. разрѣш. вдов. авт. изданіе. Ч. I-я. Съ предисловіемъ П. А. Кропоткина и фототипич. портр. автора. Ц. 1 р.
” 40—43. Жанъ-Жакъ Руссо. О причинахъ неравенства. Перев. съ фр. Н. С. Южакова подъ ред. и съ вступительною статью С. Н. Южакова. Ц. 75 к.
” 44—50. Максъ Штирнеръ. Единственный и его собственность. Изд. комментированное. Ч. I. Съ двумя фототипіями. Ц. 1 р. 25 к.